ОЛЕГ
РОЙ

ТЕНИ ДОНБАССА

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Тени Донбасса. Маленькие истории большой войны

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Рой Юрьевич Олег. Тени донбасса. Маленькие истории большой войны
Часть I. Герои наших дней
  Мы с Донбасса
  Шапка командира
  Ангел
  Бабушка
  Отпусти мне, батюшка, грехи
  Мама
  Батя
  Архангелы бессмертны
  Здравствуй, дедушка!
  По имени «Бесстрашный»
  Самая обычная работа
  Последние минуты
  Его рубашка
Часть II. Дети подвалов
  Взрослый
  Отец
  Пабеда

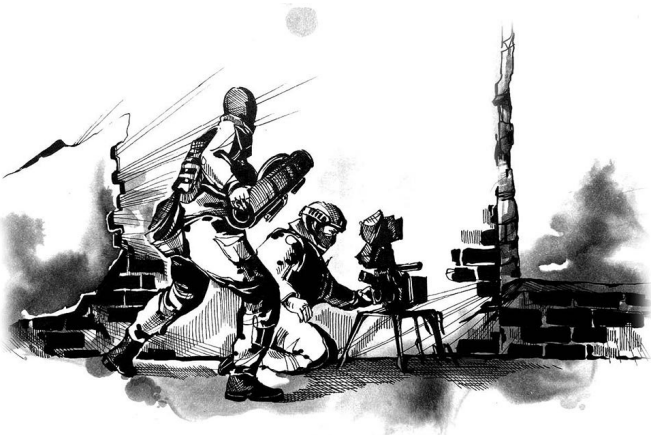
Пятёрка
Три мандарина
Вербное воскресенье
Часть III. Были и притчи о войне
Солдат и Дракон
Сказка о танке
Сто четыре
Стражи. Притча
Сын победы
Все это наша земля

Аннотация

«Маленькие истории большой войны» — сборник коротких историй, за каждой из которых стоит судьба реального человека, в которую незваным гостем ворвалась война. Герои рассказов — солдаты спец-операции, ополченцы и люди мирных профессий; взрослые, дети, пожилые. Невыдуманные истории простых людей, оказавшихся сильнее выпавших на их долю испытаний. В книгу также вошли иллюстрации от маленьких героев Донбасса — правдивое свидетельство об этой войне.

Рой Юрьевич Олег
Тени донбасса. Маленькие истории большой войны

Часть I. Герои наших дней



«„Музыканты“ защищают Бахмут». Апрель 2023.

Мы с Донбасса

Папа Есен завтра должен был вернуться из командировки. «Скорей бы! — думала Есен. — Интересно, папа привезет куклу? Он обещал». Папа Есен — инженер. Все вокруг его уважали, хотя он был младше многих своих коллег. А все потому, что папа Есен был очень-очень умный. Поэтому его нередко отправляли в командировки.

А когда папа уезжал, с ним часто отправлялась и мама — у мамы всегда были дела. Тогда Есен гостила у бабушки Зейнеп и дедушки Исмаила. Девочка очень любила бывать у них в гостях. Кругленькая и деятельная бабушка Зейнеп готовила самую вкусную на свете пахлаву, а еще смеялась звонко — будто она сама была совсем не бабушка, а девочка, чуть старше собственной внучки. Есен с бабушкой были большие подружки. Они вместе готовили, вместе секретничали, заплетали ленты в косы Есен, а дедушка Исмаил только качал головой и улыбался — ну и ну, как преображается его жена с приездом обожаемой внучки. «С ребенком в дом заходит счастье», — всегда говорил дедушка Исмаил.

Нельзя сказать, что Есен не скучала по папе с

мамой, но все-таки у дедушки с бабушкой было так здорово, единственную пока внучку баловали все вокруг — и Зейнеп с Исмаилом, и их соседи и друзья, хвостиком носился вокруг нее шумный маленький дедушкин пёс Картал, так что она готова была на время расстаться с родителями.

Но вот, подступал срок возвращаться папе из командировки, и девочка нетерпеливо смотрела на часы — когда же закончится этот день и еще поскорее бы следующий прошел. Все-таки уже очень хотелось увидеть папу с мамой!

Ночью Есен спала крепко, она наигралась и набегалась за день. Спала и ничего не знала до тех пор, пока пёс, устроившийся в ногах девочки, вдруг не начал истошно выть.

— Картал? Ты чего? — сонно спросила Есен.

Пёс никак не утихал. Есен взяла пса на руки, как маленького ребенка, сделала круг-другой по комнате… И мир вдруг содрогнулся и сложился вокруг нее, словно карточный домик. Что-то ударило по голове…

Ночь. Темнота. Есен пробудил шершавый горячий язык Картала, вылизывавшего маленькой хозяйке лицо. Голова очень сильно болела. Девочка инстинктивно попыталась встать на четвереньки и тут же ударилась обо что-то твер-

дое. Очень больно. Есен зашарила руками вокруг — что произошло? Вокруг были какие-то камни, куски. Вот кусок дерева. Ладонь нащупала что-то мягкое, знакомое, словно… словно это одеяло, сшитое из лоскутков бабушкой Зейнеп!

И тут Есен поняла, ЧТО ИМЕННО произошло.

— Бабушка! — закричала она. — Бабушка Зейнеп! Дедушка Исмаил!

Она звала их, звала именами, ласковыми, ведомыми только им прозвищами, кричала, что это она — их внучка Есен, она здесь. Картал звал вместе с хозяйкой. Но никто не отвечал. Тогда Есен стала звать соседей, закричала: «Помогите! Я здесь!», звала соседских девчонок Фатиму и Фериде, но никто, никто не откликнулся.

Есен зарыдала.

— Мама! Папа! Помогите! — тихонько просила девочка.

Но мамы и папы тоже здесь не было.

Она слышала о таком. Взрослые что-то говорили, знаете, бывает — соберутся и начнут вспоминать далекие-далекие времена, когда еще самой Есен не было на свете. Обсуждали, как дома складываются словно детские игрушки, на которые наступил большой хулиган. Но Есен было совсем неинтересно такое слушать.

Сколько прошло времени, Есен не знала. Она долго-долго плакала — сначала громко, навзрыд, снова кричала, звала. Потом все тише и тише. Кажется, слез больше не осталось. Очень хотелось пить. Картал тихонько скулил — маленький пёс тоже хотел воды. Но пить было нечего.

В бетонной ловушке, которой стал дом после мощного землетрясения, все время было темно. Девочка ждала, что наступит утро, и тогда кто-нибудь придет, поможет, найдет ее. Но утро не наступало. Есен не знала, что над ее головой почти два метра бетонных обломков. Не знала, что во всем доме больше не осталось живых.

Почему так темно? Может быть, Аллах покарал ее? Но ведь Есен была хорошей девочкой, она помогала маме и бабушке, молилась, никогда никому не желала зла, не брала чужого, не делала дурного — всегда поступала так, как ее учили родители.

А если ее не найдут? Если она умрет здесь со своей собачкой? Но разве милосердный Аллах затем спас ей жизнь, чтобы жестоко умертвить её в этой крохотной каменной могиле? Нет, нет, этого не может быть. Вот-вот наступит утро, и обязательно кто-нибудь за ней придет. Послезавтра должны приехать папа и мама. Папа ужасно

умный, он увидит, что случилось, и обязательно ее найдет.

— Папочка! Мамочка! Пожалуйста, приезжайте! — шептала Есен. В горле пересохло. Сил на крик не осталось.

* * *

Хайраддин Озал, молодой инженер, вместе со своей красавицей-женой Мерманой возвращался на поезде в родительский дом. В чемодане у него были рабочие документы, аккуратно сложенные рубашки, бритва, носки и красивая кукла для любимой дочери. Вдруг раздался страшный треск, скрежет. С полок попадали чемоданы, люди. Хайраддин едва успел вцепиться в поручень одной рукой, а другой — ухватить жену. И держал, держал ее изо всех сил, пока поезд, сошедший с рельсов, не перестал содрогаться, словно живое существо. Чудовищное землетрясение исковеркало стальные рельсы, будто те были вылеплены из пластилина. Каким-то чудом обошлось без жертв.

Мобильной связи не было. Хайраддин понял, что случилось что-то ужасное. Не было возможности ни позвонить родителям, ни прочитать новости. Направлявшиеся на помощь постра-

давшим военные сообщили о серии подземных толчков на востоке страны. Хайраддин со страхом спросил, знают ли они что-то о… Они не знали.

Пара добралась до ближайшего городка и обомлела. Населенный пункт был полностью разрушен, как Ракка после американского «освобождения». С трудом Хайраддин отыскал попутку, чтобы добраться до города, где жили родители…

…и увидеть то, что осталось от их многоэтажки.

Мерману увезли в больницу — у женщины не выдержали нервы, ведь она была уверена, что ее свекры и единственная дочь погибли. Сам Хайраддин остался бесцельно бродить у руин. Он иногда принимался растаскивать камни — может, надеялся найти тело дочери. А потом появился отряд военных, говорящая по-русски. Этот язык Хайраддин немного знал, поскольку в Турцию всегда приезжало много русских. Говорил плохо, но понимал. Большой темный «хаммер» остановился у разрушенного дома, из него выпрыгнуло несколько молодцов. Один из них держал на поводке пожилую, но резвую овчарку, чуть заметно прихрамывавшую на переднюю лапу. Хайраддина поразило то, что парень, который по виду был даже моложе его,

был абсолютно седым. Он ещё не знал, что сам выглядит точно так же.

— Такого мы еще никогда не видели, — сказал кто-то из спасателей. — Как после бомбежки.

— Я видел. В Донецке, — коротко отозвался седой. — В любом случае надо проверить.

— Проверить в любом случае надо, — ответил седой. — Вперёд, Акбар.

Спущенная с поводка овчарка потрусила к груде обломков бетона. Обошла кругом, принюхиваясь, затем забралась наверх и села на одной из торчащих плит, деловито бухнув два раза.

— Ну вот, — сказал седой. — А ты заладил: вряд ли, вряд ли.

Камень за камнем, кусок за куском. Расколотый умывальник, искореженный диван с раздавленными пружинами, сдавленные, будто под заводским прессом, книги…

Спасатели трудились весь день, до вечера, и Хайраддин стал им помогать. Русские приняли помощь без слов, да и не один Хайраддин в конечном итоге оказался добровольным помощником — все, кто выжил после разрушительного землетрясения и был способен двигаться и работать, присоединились к разбору завалов. Чужих людей в беде не бывает, общее горе заставило всех

трудиться в едином порыве. Только бы нашлись живые! Тяжёлые плиты и балки убирали манипулятором, обломки поменьше — осторожно вынимали руками. Однако живых не было, только мёртвые тела.

Спасатель, которого Хайраддин увидел первым, затянулся сигаретой во время короткого перерыва. Протянул другую инженеру. Тот, хоть и курил лишь в студенчестве, судорожно зачиркал зажигалкой.

— Да нет здесь живых! — бросил спасатель напарнику. — Ошибся твой Акбар.

— Акбар не ошибается, — ответил седой, покачав головой. — Можешь у Лены моей спросить или у Кольки. Восемь лет назад, когда бандеровцы Донецк накрыли из «смерчей», мой дом также перемолотило. А Акбар всё бегал вокруг руин, лаял… стали копать — отрыли Лену с Коленькой. Они уж и не чаяли спастись…

Отчего-то слова седого внушили надежду Хайраддину.

— Вы из-за этого стали спасатель? — на ломаном русском спросил он.

Седой кивнул:

— Сначала в ополчении повоевал. Ранен был у Саур-Могилы. Признали негодным к дальнейшей

службе. Мы с Акбаром и пошли в спасатели. Его брать сначала не хотели, говорили, старый для обучения, а он и без всякого обучения…

Акбар деловито бухнул — раз, другой. И тут откуда-то из-под завалов донеслось тоненькое тявканье…

* * *

Хайраддин не находил себе места, пока над его дочерью разбирали завалы. Звонил жене в больницу, звал свою девочку, говорил с ней, благодарил Аллаха. Голосок Есен был очень слабым. Наконец девочку и пса вытащили из их ловушки.

Напоили водой — и девочку, и верного пса. Есен вцепилась в отца и не произносила ни слова, лишь сжимала тонкие, грязные, исцарапанные руки.

Пока ждали «скорую», возвращавшуюся после перевозки одного из выживших из соседнего дома, седой со своим Акбаром вновь обошли руины. Хайраддин хотел было спросить про родителей, но… На этот раз пёс остался спокоен — значит, увы, живых больше не было. Акбар не ошибался никогда.

— Теперь займёмся следующим домом. По ма-

шинам, братва.

— Постой, — напрягая все свои знания русского, сказал Хайраддин, вставая с дочерью на руках. — Скажи… вот, мы — страна НАТО. И мы помогали Украине. Беспилотники, которые производит Турция, воюют против вас, наша страна продаёт Украине оружия. Почему ты нам помогаешь?

Седой вздохнул.

— Потому что горе у людей одинаковое, — сказал он. — И мы, на Донбассе, это понимаем лучше других. Тот, кому самому было больно, всегда посочувствует тому, кому больно сейчас. Вот ты — ненамного меня старше, а весь седой, как я. А я поседел в ту ночь, когда руками докапывался до жены и сына. Мне не хочется, чтобы кто-то чувствовал то, что чувствовал я тогда, понимаешь?

Хайраддин кивнул:

— Понимаю. Можно, я потом буду вам помогать? Тебя как зовут?

— Арсен, — ответил седой. — Приезжай, коли не шутишь. В беде каждая пара рук на вес золота…

Шапка командира

Сержант Иван Фролов сидел на броне своей боевой машины и чистил мандарин. Один мандарин в руке, еще два — в кармане. Угощение привезли волонтеры. Они регулярно доставляли на фронт посылки, которые для бойцов СВО собирала вся страна, — тут были и фрукты, и носки, и балаклавы, и детские рисунки, письма и много чего еще, такого важного на фронте, а один мальчик из Севастополя даже передал нашим ребятам конфеты из своего новогоднего подарка.

К БМП направлялся пацан. Обычный такой мальчишка лет десяти, не старше. Только очень грязный, будто долго топал через раскисшую земля, и это было странно — вокруг-то уже все просохло. Одет паренёк был небогато — турецкая курточка с капюшоном, откинутым назад, видавшие виды джинсы и ботинки такого древнего фасона, какой сам Ваня уже по возрасту не застал. Мальчик пристально смотрел на бойца.

Ваня засунул руку в карман куртки:

— Хочешь мандаринку?

Не дожидаясь ответа, бросил мальчугану фрукт. Тот поймал мандаринку на лету и спрятал в кар-

ман. А потом подал наконец голос:

— Спасибо. Я сестричке отнесу.

— Тогда держи ещё одну, — улыбнулся Ваня, спрыгивая с брони.

Тот отрицательно мотнул головой, но потом всё-таки взял гостинец. И снова заговорил:

— Дядя, а это у вас танк?

— БРМ-1К, — поправил сержант. И пояснил: — Боевая разведывательная машина. Танки — они побольше будут, и пушка у них солиднее.

— Я знаю, — кивнул паренёк. — Танки через нашу деревню проходили. Вражеские. С крестами.

— Давно? — насторожился Ваня.

— Недели две назад, — ответил паренёк. — Говорят, их здесь, под Крюковкой, наша арта накрыла.

— А ты сам не местный, что ли? — высунулся из люка командир разведгруппы Володя Спицын. Вообще-то в экипаже БРМ — шесть человек, но у них в наличии было пятеро: командира машины на днях ранило, и Володя временно совмещал — был и комгруппы, и командиром самой БРМ.

— Не, — покачал головой паренёк. — Из Авдеевки я. Как услышал, что наши выбили из Крюковки бандер, так и прибежал. Интересно!

— Из Авдеевки? — задумчиво нахмурился Воло-

дя. — Мы как раз к вам выдвигаемся. Нам сказали, село пустое, брошенное.

— Ну, не пустое, — возразил мальчуган. — Там мы живём с сестрой и бабушкой, а ещё Черныши, дед с бабкой, и Цыганчуки… — Внезапно он тоже нахмурился. — Только вам в село нельзя!

— Это почему? — удивился Володя.

Мальчишка сделал знак, чтобы боец наклонился, приподнялся на цыпочках и зашептал на ухо, словно их мог услышать кто-то посторонний:

— У села старая ферма есть. Бывшая племенная станция. При ней общежитие. Ну, как общежитие — развалины, ни окон, ни дверей. Там бандеры засели. Дэ-эр-ге…

— Много? — уточнил Володя.

— С дюжину, — ответил парень. — У них ещё трубы с собой, здоровые такие, в них, говорят, ракеты.

— ПТУР, — догадался Ваня.

— Странно, — засомневался командир. — Наша «птичка»[1] никого не заметила.

— Так они там сидят тихо-тихо — что мыши в подполе, — ответил мальчуган. — Но я смелый, я близко подходил. Сам слыхал, они русские танки

---

[1] Примечания: 1

«Птичка» — разведывательный дрон.

жечь будут. Ну я и метнулся сюда, поглядеть, есть ли здесь танки.

— Идти надо, — решил Володя.

— На ракеты? — переспросил Иван. — У них же ПТУРы.

— Сразу не шмальнут, — прикинул командир. — Смысл себя обнаруживать на маленькой группе, если они танки ждут? Нет, они одну машину пропустят. А вот как наши следом пойдут — ударят.

— А если подойти поближе и по ним — из пушки? — предложил мехвод Александр Борисович, выбравшийся из люка, чтобы присоединиться к товарищам.

— Тогда они нас подобьют, — сказал Володя. — Сам знаешь, мы-то — не танк, на нас «джавелина» даже не надо, из РПГ можно загасить.

— Точно! — воскликнул парнишка. — Они и про «жавелин» этот говорили, и ещё про «амбрус» какой-то…

— «Армбруст», — машинально поправил его Володя. — Значит, у них и ПТУР, и РПГ… Задачка…

— Вот с тылу бы зайти… — пробормотал Ваня.

Володя тут же достал планшет, включил, поколдовал и протянул мальчишке:

— Где, говоришь, это общежитие?

Паренёк с восхищением уставился на экран планшета:

— Ух ты, это ж наша Авдеевка! Вот это да! Прямо всё как по-настоящему! Ну, техника!.. Вот это наш дом, а здесь — Чернышей. — Мальчик ткнул пальцем в карту: — Да вот оно, общежитие, у дороги как раз.

— Удобное место для засады, — согласился Володя, присев на корточки и глядя туда, куда указывал мальчуган. — И не обойдёшь…

— Почему ж не обойдёшь? Еще как обойдешь, главное — не напрямки, — удивился тот и по-взрослому прибавил: — Места знать надо! Тут на полях и мины есть, так что прямо никак не выйдет. Дядя, а вправо эту карту мотнуть можно?

Володя сдвинул изображение.

— Глядите, — опять ткнул в экран мальчуган. — Здесь, за селом, — балка глубокая, по ней по весне талая вода идёт. Грязюки там, конечно, по колено, но вы пройдёте.

— Почему думаешь? — заинтересовался мехвод.

— Дядя Гриша из Крюковки на бульдозере гонял, так и вы пройдёте. У вас же — вон какие гусеницы, — пояснил малец. — Дойдёте до лесополосы, это вот здесь, осторожно спуститесь

в балку и прямиком до крайних хат. С фермы вас видно не будет. Потом здесь развернуться, где скирда стояла, — он опять указал место на экране, — и прямо до общежития.

— Ну что, Володь, попробуем? — спросил Александр Борисович. Командир кивнул. — Малой, дорогу покажешь?

— То вы меня на танке покатаете? — обрадовался паренек. — Покажу, конечно!

— Это БРМ, — поправил Володя с улыбкой. И посерьезнел. — Покатаем, но учти, это может быть небезопасно.

— Ой, а что в наше время безопасно? — опять по-взрослому отмахнулся мальчик. Дети войны — маленькие и большие одновременно. — Зато на танке прокачусь!.. Ну, то есть на БРМ! — быстро поправился он и опять наклонился к уху Володи: — Бандеры тут шли танковой колонной, приглашали с ними проехать. Но я не стал, убежал. Кто их знает, что у них там на уме?

— Вот и правильно, — похвалил Володя. И велел: — Полезай тогда на броню. Вань, помоги парню.

— Тебя как зовут-то, герой?

— Андрей.

* * *

Когда БРМ, осторожно пробираясь по балке, выползла в тылу тёмного села, где не горел ни один огонёк, сумерки уже вступили в свои права. Но на экране тепловизора виднелись светлые пятна, в том числе в том самом общежитии, о котором говорил мальчик.

— Молодец, Андрюха! — одобрил Иван. — Ценную информацию доставил.

Вероятно, бандеровцы поставили там буржуйку — несмотря на весну, ночи еще стояли холодные. Нет-нет да и иней поутру на траве найдешь.

— Обработаем их отсюда? — спросил Ваня. Рядом примостился Андрей, приникший к окуляру одного из смотровых приборов. — Или поближе подойдём для верности?

— Если завернуть направо… — начал было Володя.

— Направо нельзя, — вполголоса возразил Андрей. — Я же вам говорил — за скирду не заезжайте, там бандеры мины ставили.

— Попробуем подойти поближе, — решил Володя.

— Дядь Ваня, — сказал Андрей, успевший со всеми раззнакомиться, глядя на экран теплови-

зора, — а вот эти пятна — это у нас что?

— Да мало ли что, — поначалу отмахнулся тот. А потом пригляделся: — А ты глазастый! Володя, глянь, справа и слева от общаги — кажется, у них там расчёты развёрнуты?

— Где? — уточнил тот.

Андрей, поднырнув под пушку, тут же ткнул пальцем на едва заметные пятна на экране тепловизора. Володя сверился с картой:

— Ага, засели в силосных ямах. Умно… — Он повернулся к мальчику: — Вот что, Андрей. Мы сейчас по ним ударим, так что выбирайся из машины и…

И тут мальчик… всхлипнул:

— Дядя Володя, не прогоняйте меня, пожалуйста!

— Мы в бой пойдём! — вздохнул Володя. — Это опасно.

— Так снаружи же тоже опасно! — возразил Андрей. — Тут броня, а там что, кроме лопухов? Пока ещё я до хаты добегу. Да и хата у нас, прямо скажем, не БТР…

— БРМ, — опять поправил Володя. — Ну хорошо. Слезай и иди назад, к Славику-радисту. — Видя, что Андрей готов возразить, быстро добавил: — На моём месте посидишь.

Очевидно, последний аргумент подействовал на парня — тот проворно юркнул в заднюю часть машины. Проконтролировав его уход, Володя включил переговорное устройство:

— Иван, приготовиться открыть огонь. Огонь открываешь без команды. Александр Борисович, по моей команде… вперёд!

* * *

Бой был скоротечным. Ракета с термобарическим зарядом вызвала детонацию чего-то в бывшем общежитии. «Подарки» бандеровцев сыграли против них самих. Тем временем Володя и Иван, включив инфракрасный прожектор, открыли огонь по прятавшимся в силосных ямах бойцам. С подсветкой те оказались как на ладони — завалили всех шестерых, ещё столько же трупов нашли в бывшем общежитии. Трофеями команды стали два исправных американских ПТРК «Джавелин», два немецких гранатомёта и пулемёт MG.

Володя доложил в штаб о результатах боя, и к полуночи через Авдеевку прошли танки, вклиниваясь в оборону противника. А до этого экипаж БРМ отвёз Андрея домой, где передал из рук в руки его бабушке.

— Ваш внук — герой, — сообщил начавшей было ругать сорванца старушке Володя. — Если бы не он, было бы нам трудно!

— Тогда — молодец, — сменила гнев на милость бабушка. — Слава Богу, что вы пришли! Слава Богу! Зверюги эти… — Она закатала рукав и показала свежий синяк на предплечье. — На днях брала воду у колодца, а тот меня хрясь кулаком, ведро отобрал, воды напился и в колодезь зашвырнул, насилу достала. Нормальный человек попросил бы: чи ж я не дала б? А этот… и яка его мать родила?

А Андрей деловито подошёл к сестричке Наташе и отдал ей оба мандарина. Девочка попыталась один не взять, но мальчик настоял, чтобы оба.

— Так ты и остался без подарка? — спросил Иван у Андрея перед отъездом, когда разведчики прощались с семьёй, носившей, как оказалось, почти такое же имя, как у села, — Авдеевы.

— Разве ж без подарка? — удивился тот и стал загибать пальцы: — На та… на бээрэме вашей покатался, и в бою побывал, и на командирском месте сидел… — он вздохнул, — расскажи я кому, не поверят!

— Поверят, — заверил его подошедший Во-

лодя. — Я рапорт подам о твоём награждении. Адрес я ваш записал, думаю, будешь с медалькой в школу ходить. А пока…

Он стянул с головы шлемофон, отстегнул переговорное устройство — и надел на голову парня:

— На командирском месте ты сидел, а теперь у тебя будет и настоящая командирская шапка. Бывай здоров, Андрей. После Победы свидимся.

Ангел

Ангелина из третьего подъезда выглядела как кинозвезда. Ноги — от ушей, волосы — до поясницы, широко распахнутые изумрудные глаза, а фигура… Фигура такая, что даже строгий деловой костюм не мог ее скрыть. Когда Ангелина шла по улице, женщины начинали теребить рукава своих мужчин, мужчины — восхищенно присвистывать, ну а старушки со скамейки перед парадным… Старушки, казалось, все уже сказали, но всякий раз находилось что-нибудь эдакое. Потому что, когда Ангелина шла мимо, молчать было нельзя.

— Ишь, Гелька-то вернулась, — сообщила Маргарита Петровна, занимая место рядом с подругой. — Небось с любовником куда ездила. Видала, к ней мужики с букетами так и ходят? И всё — разные…

— Матушка-то ейная в гробу небось переворачивается, — вздохнула Екатерина Семёновна. — А еще медик, называется.

— Да видно по ней, какой она медик, — хмыкнула Маргарита Петровна. — Совсем стыд потеряли.

Не то чтобы Маргарита Петровна или Екатерина Семеновна были совсем уж нехорошими людьми. Нет-нет, обе женщины прожили достойную жизнь, попали по распределению на один и тот же завод, а потом вышли оттуда в положенный срок на пенсию.

Но одинокая девушка из третьего подъезда очень уж раздражала. Нет, не нарядами, Ангелина всегда одевалась очень сдержанно. И даже не поведением — соседка была всегда приветлива, а однажды дала Екатерине Семеновне дельный совет, как избавиться от прострела в спине. И правда, ведь помогло! Но все-таки ее непростительная красота сама по себе бросалась в глаза и заставляла испытывать смешанные чувства, особенно если даже в лучшие годы вам случилось щеголять лишь куцым хвостиком мышиного цвета, прикрывая форму ног юбками и брюками, а теперь и вовсе предпочтительно смотреться в зеркало пореже. В общем, всякий раз, когда Ангелина шла мимо, Маргарита Петровна сердито поджимала губы. А теперь еще и вереница мужиков. Может, у нее там — притон какой? Нет, надо бы сообщить куда следует, пускай проверят.

И вообще, этой молодежи все дается без труда. Захотел — институт бросил, взял машинку и

картинки людям на коже бьешь. Ну разве ж это работа? Вот сын Кузнецовых Сашка так и сделал. Ох и наплакалась Вера Кузнецова, когда он однажды матери сказал, что документы из института забрал. А уж чего сделано — не воротишь. Теперь от родителей съехал, в тату-салоне работает. А последние три месяца его и не видать совсем — поди от мобилизации сбежал, тьфу! «Вот были люди в другое время», — думала Маргарита Петровна.

А дальше случилось кое-что совсем уж невообразимое. Гелька-то легка на помине оказалась. Только про нее поговорили, как глядь — она уж и идет. Сначала к подъезду подкатила машина, да еще какая — сама черная, здоровенная, спереди решетка широкая. Потом из её просторного салона, через дверь, открытую молодым водителем, выпорхнула Ангелина — как всегда, элегантная и улыбающаяся. В этот день она была особенно красивая — в белом с золотом костюме, туфлях, с причёской, будто только что из салона красоты…

Но самое главное, что буквально заставило подружек оцепенеть, — на груди у девушки было необычное «украшение» — не модная брошь, а самый настоящий орден!

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Ангелина. А затем, не дожидаясь ответа, просту-

чала мимо каблучками и упорхнула в подъезд. Странное авто тоже уехало.

— С каких это пор у нас фотомоделям ордена раздают? — нарушила наконец молчание Семёновна.

— Совсем совесть потеряли, — прошипела Маргарита Петровна. — Нет, ну где это видано…

Она пару раз сжала сухонький кулак, а потом сказала:

— Ты, Семёновна, как хошь, а я этого так не оставлю!

— А что ты предлагаешь? — спросила её подруга.

— Пошли к участковому, — решительно сказала Маргарита Петровна, вставая со скамейки. — Между прочим, если меня склероз не подводит, незаконное ношение боевых наград — уголовное преступление!

* * *

Бдительные пенсионерки — это факт, с которым следует считаться, даже если ты — полицейский. Взглянув на вновь прибывших, старший лейтенант Прозоров вздохнул и проговорил в телефонную трубку:

— Ты там попробуй меня пробить всё-таки. Не

хочу штаны протирать… Ну и что? Я в порядке! Ладно, ко мне тут граждане пришли. Бывай!

Прозоров грохнул трубку о белый корпус телефонного аппарата:

— Бюрократы чертовы!.. — выругался он.

— Что случилось, милок? — участливо спросила Екатерина Семеновна. — Заболел али чего?

— Да я только с Донбасса вернулся, — неожиданно разоткровенничался полицейский. — Ездил в командировку в Мариуполь. Ну и не только. В общем, под обстрел попал, контузия. Меня сюда и вернули. Я там только три месяца пробыл! Это же уму непостижимо! Мой дед всю войну до Берлина прошёл — три ранения, одно тяжёлое, а контузию тогда вообще в расчёт не брали! Подумаешь, мина взорвалась в паре метров! Даже осколками не задело, а обратно теперь не пускают — сиди, мол!

— А мои на войне познакомились, — сообщила Семёновна. — Под Курском, мать отца в тыл вытянула, раненного.

— Да уж, — вздохнул полицейский, — нет в России семьи такой… — И спохватился: — А вы ко мне по делу?

— Конечно, — важно ответила Маргарита Петровна. Она расправила плечи, вскинула для острастки брови и посмотрела на Прозорова: мол,

будет она без дела туда-сюда расхаживать. — Мы из четвёртого дома. У нас там девка живёт, такая… числится медиком, а сама, наверно, фотомодель.

Прозоров тяжело вздохнул. Там, на Донбассе, идет бой не на жизнь, а на смерть, а он тут сидит, кляузы разбирает. Не для того он родился, учился, служил, чтобы стулья протирать. Сегодня фотомодель, завтра — что? Излучение от вышки сотовой связи? Борьба за парковочное место? Кража прищепок с веревки?

— И что она? — наконец спросил лейтенант. — Фотомодель ваша. Хамит? Хулиганит? Компании пьяные водит?

— Ну водит… — согласилась Екатерина Семеновна. — Да не компании, все больше по одному да с букетами. Мужики. Разные.

— Получать букеты от мужчин — это еще не преступление, — хмыкнул Прозоров.

— А вот государственный орден носить как украшение — очень даже! — не выдержала Маргарита Петровна.

— Какой орден? — посерьезнел лейтенант.

* * *

К делу Прозоров подошел серьезно. Затребовал запись с камер наблюдения и теперь в компании

старушек разглядывал стоп-кадр на экране своего ноутбука.

— Похоже на орден Мужества, — сообщил он. — Ленточка красная?

— Красная, — подтвердила Маргарита Петровна. — С тоненькой белой каёмкой.

— В какой, говорите, квартире она живёт? — спросил Прозоров, вызывая на экране таблицу с перечнем зарегистрированных жильцов дома.

— В семидесятой, — хором ответили старушки.

Лейтенант пролистнул список, посмотрел запись, затем переключился на другое окно, что-то быстро там набрал… и нахмурился.

— Вот что, — сказал он после непродолжительной паузы, — бдительность — это, конечно, хорошо. Но не в этот раз. Орден ваша соседка носит по праву.

— За что ж ей его дали?! Она ж молодая совсем! — всплеснула руками Семёновна.

— И вообще — модель! — поддакнула Маргарита Петровна, выделяя букву «е». — Когда это у нас моделям ордена раздавать стали?

— А это вы лучше у неё сами расспросите, — посоветовал Прозоров. — Я вам это настоятельно рекомендую.

С этими словами он уткнулся в бумаги, всем

своим видом показывая, что прием окончен. Когда и это не помогло, лейтенант позвонил по телефону, сказал:

— Знаешь что, Серёга? Пригласи-ка ко мне Иванова. Да, наркоман который. Он тут у меня по одному делу проходит…

Брезгливо фыркнув, Маргарита Петровна удалилась, прихватив с собой и подругу. Заинтригованные пенсионерки заняли наблюдательный пункт на скамейке. Ждать им пришлось долго. Однако вечером Ангелина все-таки появилась. Одета она на этот раз была не в пример скромнее — платьице в горошек, босоножки, — но всё равно выглядела так, что хоть на обложку журнала.

— Постой-ка, доча, — сказала Маргарита Петровна, вставая с лавочки. — Спросить тебя можно?

— Конечно, Маргарита Петровна, — непринуждённо улыбнулась Ангелина. «Ишь ты, помнит, как меня зовут», — удивилась женщина, но подобное не могло сбить её с толку.

Старушка ухватила соседку за рукав:

— Ты тут давеча домой возвращалась, — медленно сказала Маргарита Петровна, — и мне показалось, что у тебя на груди был орден Мужества.

— Не показалось. — Ангелина смутилась, даже покраснела слегка. — Есть у меня такой орден.

— И за что ж тебе его дали? — перешла в атаку Маргарита Петровна. — Ты же такая молодая…

— Сама не знаю, если честно, — пожала плечами Ангелина. — Я просто делала свою работу.

— В Москве? — уточнила подтянувшаяся к беседе Семёновна.

— Да нет, не в Москве, — ответила Ангелина и замолчала…

Вдруг внушительная тень накрыла девушку и пенсионерку. Отбрасывал ее широкоплечий бритый детина. В руках у детины был очень пышный «веник» из роз в очень блестящей фольге.

— Ну здравствуй, Ангел! — пробасил он, протягивая букет девушке. — Вот я тебя и нашел. По телику тебя сегодня видел.

— Да что здесь вообще происходит?! — возмутилась Маргарита Петровна. — Вы, юноша, вообще — кто? И при чем тут телевизор?

Детина подобрался, выпрямился. Четко, по-военному изложил:

— Разрешите представиться, лейтенант Сергей Желтков! — и обернулся к девушке: — Это твои соседки, Ангел?

— Да, соседки мы, — вновь встряла Маргарита

Петровна. — А вы-то к ней по какому делу? Вы жених будете или чего?

— Спасла она меня, — сурово поведал Сергей. — Вы разве не знаете, что ваша соседка — настоящий герой?

* * *

На войне не до длинных бесед. Говорить стараются как можно короче, в общении между собой чаще используют позывные или краткие прозвища. В военной медицине — тоже. В госпитале одного из донбасских райцентров, всё ещё частично оккупированного врагом, её звали просто — Ангел.

Хрупкая, нежная, невероятно красивая — и при этом смелая, умелая, выносливая. Не раз она выносила бойцов с поля боя. Были среди них и гиганты — морпехи, и десантники, и суровые «музыканты» Вагнера. Некоторые были чуть ли не вдвое больше девушки, но она вытаскивала их из боя, спасая жизнь, утекающую из ран вместе с кровью, когда счёт был буквально на минуты.

В тот день лейтенант Желтков со своими бойцами на двух «Тиграх» попал под обстрел.

— По нам бьют с миномета! — Вспышка, хлопки, несколько взрывов.

— Откуда работают?

— Вроде из посадки.

Машины оказались под прицелом врага на насыпи. Мина взорвалась прямо перед «Тигром».

— У нас «трехсотые»![2]

— Уходим, пока не накрыли! — скомандовал Желтков. — Мы их не видим! Над нами наверняка «птичка».

— Куда?!

Под насыпью была бетонная труба. Женька Кривых поливал врага из пулемёта, прикрывая своих ребят, перетаскивающих раненых в укрытие. Лейтенант Желтков вызвал подкрепление.

Один за другим ребята зажимали раны: кто — в ноге, кто в плече. Снаружи рвались мины. Казалось, еще немного и…

Тогда-то и появилась спасательная команда. Два БТР, машина БМД. Шквальным огнем наши стали работать по посадке, из которой нацисты вели огонь. Где-то вдалеке точку противника искал вертолет Ми-8. В трубу, где укрылись солдаты, скользнул хрупкий силуэт.

— Так, командир, — деловито спросила девушка, присаживаясь на корточки, — сколько у тебя

---

[2] Примечания: 2

«Трехсотый» — раненый.

раненых?

— Ты откуда здесь, сестричка? — удивился Желтков.

— Оттуда. Команда эвакуационная за вами приехала, — коротко ответила девушка. — Быстрее надо, пока их арта[3] работать не начала. Выходить будем или как?

— Будем.

— Так сколько у тебя раненых?

— Все, — ответил Желтков.

— Раз все, то и вытаскивать будем всех, — кивнула Ангелина.

— Постой, — сказал Желтков, — ты одна, что ли, вытаскивать нас собралась? Девочка, у меня половина на ноги не встанет…

— Тоже мне, удивил, — ответила Ангелина. — На войне всегда так. Перетаскаем, не впервой. Только сделайте, чтобы меня саму не убили за это время, лады?

И она стала таскать их — одного за другим. Тоненькая словно тростинка, казавшаяся нереальной, полупрозрачной в этом дыму и свисте пуль. Уж не привиделся ли им этот ангел милосердия в горячке боя?

---

[3] Примечания: 3

Арта — артиллерия.

Первый, второй, третий… Из трубы — наверх, в БМД. На шестом пуля чиркнула ей по шее, но лишь слегка. На одиннадцатом — в предплечье ударил осколок, но одежда смягчила удар. Ангел поморщилась от боли и тихонько выругалась. Последними были уже дважды раненный Желтков и Кривых, которому тоже не удалось остаться невредимым. Истекая кровью, пулеметчик упрямо волок свое орудие.

В тот день она спасла двенадцать жизней. Но Ангелина не считала это подвигом. Это была её работа.

* * *

— А ведь попадись такая сестричка моему папашке, может, и жив бы остался, — сказала Маргарита Петровна. — Он из танка-то выбрался, несколько километров прополз по целине, да замёрз и кровью истёк.

— У меня матушка тоже хрупкая была, — сказала Семёновна, — как наша Гелечка. А батя — увалень, под два метра. А ведь вытащила-то…

Маргарита Петровна вздохнула:

— Мы-то думаем: мол, перевелись богатыри на нашей земле. Молодёжь нашу хаем. А потом вдруг бац! — и Гелечка. Значит, не перевелись у

нас герои. Нормальная у нас молодёжь…

Подруги помолчали. В кроне клёна перечирикивались воробьи.

— Ты, кстати, Алёшку Кузнецова давно видела? — спросила Маргарита Петровна.

— Да уж, давненько, — ответила Семёновна. — Аккурат, когда он себе на щеке татуху выбил в виде дракона.

— Да сбежал от мобилизации, — вынесла вердикт Маргарита Петровна. — Да, хорошая у нас молодёжь. Но не вся.

— Чего это сбежал? — хмыкнул Сергей Желтков. — Видал я вашего Алешку Кузнецова. И дракон при нем, две головы еще прям там и набили. Позывной у него теперь — Горыныч. В тот день Алёшки с нами не было. На Донбассе он до сих пор бьётся, вас защищает.

Маргарита Петровна не нашлась что ответить. А лейтенант Желтков кивнул боевой подруге:

— Ну что, Ангел, идем? Ребята в госпитале заждались уже.

И двое людей, у которых была самая важная работа на свете — помогать своей Родине, зашагали бок о бок, осиянные солнечным светом.

Бабушка

Жахнуло где-то совсем близко. Резкая, нестерпимая боль разошлась в бедре. Алым окрасился камуфляж. Дима, будто в замедленной съемке, видел, как двигаются его товарищи, как они что-то говорят, кричат друг другу, как Мишка орёт в рацию, но звук перекрывал гул в ушах. Словно в голове был огромный колокол — пульсировало, молотило и как если бы он был в наушниках с басами, выкрученными на полную мощь. Не стало ничего — только боль, выжигающая изнутри, и гул снаружи.

Олег и Мишка подхватили его с боков — снова боль — поволокли в укрытие. Потом все было, словно в тумане — кого-то еще тащили, кто-то стрелял, приехала подмога, санитары.

— Контузия, — констатировал санитар. — Степень определим позже.

Мир снова вернулся вместе с тонким тычком укола, колокол в голове и басы в ушах умолкали. Пошла по бедру горячая волна, как бывает, когда болело и грызло, а теперь отпускает и истерзанные нервы перестают надрывно сигнализировать в мозг. Димка понемногу пришел в

себя. Его довезли до сборного пункта. Здесь, на бывшей автостанции, собирались раненые из всех подразделений, освобождающих посёлок. Санитаров было немного, и они в основном занимались тяжелыми.

— Я сам, — сказал Димка и поковылял от машины. Снова замутило, в глазах поплыло — сказывалась кровопотеря. Солдат рухнул на мягкий стул с рваным сиденьем и уставился вперёд. Раньше ему везло — пуля не цепляла. А здесь прошелся миномет, и осколок мины пропахал Димке ногу. Укололи, перевязали, он ждал, когда займутся осколком. Нога вновь стала болеть сильнее.

Пришла «мотолыга»[4] из бригадного госпиталя. Оттуда высадилось подкрепление в белых халатах. Один из прибывших санитаров решительно направился к Диме. Боец сначала узнал походку. И подумал: «Не может быть». Наверное, у него бред, галлюцинации или что там еще бывает от ранения. Не может быть.

Но это была она. Совершенно точно, никакой ошибки, обмана зрения, иллюзии. Это была она.

— Ба? — выдохнул Дима.

---

[4] Примечания: 4

«Мотолыга» — МТ-ЛБ, многоцелевой транспортёр-тягач, легкий бронированный, боевая машина, используемая для перевозки людей и грузов.

— Ну привет, внучок, — хитро прищурилась женщина. — Вот и свиделись.

Это действительно была она — Мария Богдановна, медицинская сестра на пенсии, старшая по подъезду, гроза ЖЭКов и окрестных забулдыг, строившая всех на своем пути — от непорядочных собаководов до неисполнительных чиновников. Мария Богдановна, которую боялся весь город и которую же обожали многочисленные внуки. Лихая, обаятельная, могучая, несгибаемая, непробиваемая, самая классная бабушка на свете — это действительно была она. Бабушка поправила смявшийся в пути белый халат.

— Ты… что здесь… делаешь? — не веря своим глазам, спросил Дима. Разговаривать было тяжеловато, но невероятное, невозможное появление бабушки заставило бойца преодолеть все барьеры.

— Работаю, — коротко ответила Мария Богдановна. — Показывай, что там у тебя.

— Ба!.. Тебе восьмой десяток… пошел… А как же твоя… поясница… — подобрал наконец слово внук. — Твои цветы, кошки… подъезд, соседки? Тебе… пирожки надо печь. А еще… лучше — отдыхать. Ты… уже свое отработала. Ты зачем… на фронт… приехала, ба?

— Разговоры разговаривать будем или дело делать? Помолчал бы, сокол подбитый. Или ждешь, пока само отвалится? Ну тогда я пошла, — фыркнула Мария Богдановна. Но тут же смягчилась, взглянув на бледного раненого Димку. — Показывай, говорю, ногу свою.

Развернула, покачала головой, обработала антисептиком, появившимся из сумки, вновь забинтовала.

— Собирайся, в госпиталь едешь.

* * *

Димка уехал на фронт последним из семьи. Вернее — предпоследним. Мария Богдановна, проводившая своих — сына, племянников и даже Галеньку-медсестричку, золовкину дочь, — осталась в Хабаровске. Каждого снабжала она «на дорожку» целым баулом провизии. И хотя Дима улетал на Ил-76, который к вечеру уже был в расположении части, он все равно увез с собой бабушкины разносолы, которые тут же разделил с новыми товарищами.

Бабушка была ответственным корреспондентом. Каждый из ее родных получал не меньше двух писем в месяц, где Мария Богдановна рассказывала о жизни в Хабаровске, справлялась, как

дела у ее любимцев, и никогда не жаловалась. Она вообще никогда и ни на что не жаловалась — ни на скромную зарплату медсестры, ни на еще более скромную пенсию: отработавшая всю жизнь в больнице, она умела всё, ассистировала на сложных операциях, в ее руках побывало, казалось, полгорода, но все же сумма, приходившая каждый месяц

на карточку, была несопоставимой с ее заслугами.

Мария Богдановна не унывала: она вязала носки — на продажу и на фронт, снабжала всю семью и постоянных покупателей восхитительными соленьями и вареньями, держала в узде управляющую компанию, вступаясь за жильцов своего подъезда, выбила для дома капремонт. Но места за семейным столом зияли одинокими пробелами, каждую встречу разговоры у родни велись об одном. А там, на краю огромной страны, шла война — настоящая, кровопролитная война, какую родившаяся почти сразу после Великой Отечественной Мария Богдановна знала из первых уст, по рассказам отца. Сидеть и смотреть передачи «для тех, кому за...»? Она и в мирное время их не переваривала. И ни носки, ни соленья, ни капремонт, ни очередной обмен

письмами с чиновниками не могли заполнить пустоту, образовавшуюся в сердце деятельной, неутомимой женщины.

И Мария Богдановна пошла в военкомат. У военных комиссаров глаза на лоб полезли:

— На Донбасс? Бабушка, а лет-то вам сколько?

— А сколько ни есть, все мои, — уперев руки в бока, заявила старушка. — Вы бумажки подписываете? Вот и подписывайте. А я людей лечу. Надо будет, и до Президента дойду!

Доходить до Президента не понадобилось, хотя, конечно, всё было непросто. Помогла одна из внучек. Оля работала в ОНФ, рассказала там про бабушку Марию — дело и задвигалось.

Сначала — три месяца обучения в Ростове. Потом Донецк — многострадальный город обстреливали каждый день. В тот день как раз накрыли больницу, куда прибыли «новобранцы», включая бабушку Марию, так что в работу она включилась сразу же по приезде.

Руководство сразу оценило её настойчивость, самоотдачу и золотые руки. Вскоре бабушка Димы стала старшим санитаром. Ей предлагали относительно спокойную работу в тыловом госпитале…

— Хотела бы я спокойствия, сидела бы в Ха-

баровске, — ворчала Мария Богдановна, вновь и вновь отправляясь со своей «мотолыгой» на передовую.

* * *

— Все наши живы, слава Богу, — рассказывала бабушка внуку, накладывая повязку поверх стяжки. «Мотолыга» быстро доставила в госпиталь Димку и его товарищей. Хирурги занялись тяжелыми, а в очередь к Марии Богдановне выстроились те, кто мог самостоятельно передвигаться.

Стяжку она делать, конечно, умела, хотя обычно этим занимаются врачи. Рана у Димы и правда оказалась не опасной, но противной — осколок сорвал кусок кожи и оставил неглубокую борозду, края которой бабушка и стянула, приговаривая: «Мужчину шрамы украшают». Страшнее была контузия, но Димка разговаривал довольно сносно, а значит, все было в общем неплохо.

— Дядя Вова в госпитале, — продолжила старушка. — Они с Валеркой в артиллерии, на гаубице; недавно по ним прилетело, Валерке ничего, а у Вовки — пуля в плече. Женька в разведке, недавно ему награду какую-то вручили, наверно, поедет к Оленьке своей, в отпуск. Я за

тебя словечко замолвлю — может, тоже наградят и отпустят…

— Да не надо, бабушка, — засмущался Дима. — Зачем?

— За надом, — безапелляционно ответила старушка. — Нечто, ты Вику свою повидать не хочешь? Она про тебя справлялась даже перед моим отъездом.

— Она мне пишет, — признался Дима. — По электронке, так что я не всегда могу посмотреть.

— Ну вот, полежишь в госпитале, с Викой по-переписываешься, — ласково сказала Мария Богдановна.

— Вот еще! — встрепенулся Дима. — А воевать кто будет?

— Сразу чувствуется, моя натура, — гордо улыбнулась бабушка. И тут же строго сдвинула брови. — Но положенное — отлежишь.

Димка вздохнул. Когда ба так смотрит, тут уже не поспоришь.

* * *

«Мотолыга» умчалась обратно на передовую, увозя с собой санитаров, среди которых была семидесятипятилетняя Мария Богдановна. Дима, конечно, волновался — нацистам закон не писан,

могут и обстрелять. С другой стороны, несмотря на всю помощь Запада, снарядов у бандеровцев стало сильно меньше. Даст Бог — пронесёт.

Дима вспомнил, что бабушка хотела походатайствовать за него, чтобы ему вручили награду. Но он знал, КТО её действительно заслуживает. Боец дал себе обещание — после Победы обязательно написать в Министерство обороны о своей бабушке, чтобы её наградили.

Надо будет — он к этому делу всю семью привлечёт. Будет у бабушки орден! Они этого обязательно добьются — если, конечно, награда не найдёт её раньше. С таким характером, как у бабушки Марии, это было бы весьма вероятно.

Отпусти мне, батюшка, грехи

В израненном храме через разбитую крышу на пол льётся золотой свет весеннего утра. Он золотит нимбы святых на пощербленных осколками иконах, он играет солнечными зайчиками на лицах прихожан, ожидающих исповеди.

Пожилой диакон степенно обходит храм, оставляя за собой приятный запах ладана из кадильницы. Чтя традицию, люди оборачиваются к нему лицом и потому не сразу замечают, как из алтаря выходит батюшка, который будет их исповедовать.

Батюшка идёт медленно, сильно припадая на левую ногу. Один его глаз прикрыт белой повязкой, за которую его причет зовёт «Володей Освящённым» — по аналогии с древними страстотерпцами. Встав у аналоя, батюшка подзывает к себе исповедников и начинает зачитывать молитвы, но на миг прерывается, увидев среди пришедших какого-то, очевидно, знакомого ему человека.

Закончив читать молитвы, отец Владимир устало садится на раскладной стульчик у аналоя и начинает Таинство. Первыми к нему подходят

дети. Детей исповедовать легко — маленькие люди ещё не успели сделать ничего по-настоящему плохого; но эта исповедь очень важна, важно, чтобы человек с самого раннего детства привыкал быть с Богом, стараться не огорчать Небесного Отца своими поступками.

«Благослови, владыко!» — восклицает диакон. Начинается служба, но у отца Владимира — своё служение, исповедь. Один за одним к нему подходят люди, и отец Владимир знает, какой ад прошли все они за долгие восемь лет оккупации. Их городок лишь недавно освободили от бандеровцев, и почти сразу возродилась служба в полуразрушенном храме. Сейчас храм восстанавливается, и отец Владимир, несмотря на раны, как может, помогает в этом деле. Он знает одну простую истину, которой охотно делится с окружающими: когда тебе плохо, самое лучшее лекарство — помощь тем, кому ещё хуже.

Исповедь проходит быстро — многие приходили в храм на вечернюю службу и исповедались на ней. Другие приготовили листики из тетрадок и блокнотов, на которых записали свои грехи — кто-то по порядку, кто-то вразнобой, потому отец Владимир прочитывает их все. Потом разрывает листочек, накрывает голову исповедующегося

епитрахилью…

«Прощаю и разрешаю» — а ведь это так важно! Человек бывает связан своими прошлыми грехами, парализован ими, а у священника есть власть избавлять людей от этой кабалы. Но сегодня, судя по всему, отцу Владимиру предстоит испытание. Он знает об этом, ждёт — и, как ни старается, не может избавиться от воспоминаний.

— *А ну-ка, поп, скажи: «Слава Украине»!*

— *Слава Господу нашему, Иисусу Христу!*

— *Ты только посмотри на него, ещё кочевряжится! Н-на!*

Он помнит, как отправил свою семью в эвакуацию. Жена плакала, а дети просто не понимали, почему они уезжают, а папка остаётся. Пожилая тёща у самого автобуса сказала:

— Поезжал бы с нами, Вова! Ты же знаешь, что то за люди! У них нет ничего святого…

— На кого же я свой приход оставлю? — пожимал плечами отец Владимир. — Что это за пастырь, что бросает овец при виде волка?

Он остался. Какое-то время его не трогали. Приезжали какие-то люди, агитировали вступить в ПЦУ к раскольникам. Сначала уговаривали. Потом угрожали.

— *Мы не допустим на Украине москальских*

попов!

— Я не «москальский поп». Я служу Богу. Для Бога нет ни «москалей», ни «хохлов». Поэтому я и не перейду в вашу церковь. Бог принимает всех, а не только «расово правильных».

Такие слова не могли не выйти боком. Но Бог хранил и батюшку, и его приход. Правда, весьма своеобразно — нацисты втащили в усадьбу храма гаубицу, стреляли из неё по ополченцам, не боясь ответного огня, поскольку ополченцы никогда не стали бы стрелять по храму, по школе, больнице… свои орудия оккупанты как раз и размещали — у храмов, школ, больниц, в детских садах…

Ничто не бывает вечным. Позиции бандитов, конечно же, скоро стали известны командованию освободительной армии. В один прекрасный день высокоточный снаряд «Краснополь» с ювелирной точностью накрыл бандеровскую гаубицу, не повредив ничего вокруг. В тот же день, во время вечерней службы, за отцом Владимиром пришли. Он тогда вздохнул с облегчением: больше всего батюшка боялся, что за ним придут на утренней службе и осквернят Святые Дары.

Благословив дьякона закончить службу, отец Владимир протянул руки, на которых защёлкнулись наручники. Среди тех, кто пришёл за ним,

были его прихожане — те, кто между Богом и нацизмом выбрал нацизм. Всю дорогу до своего узилища отец Владимир молился за них: «Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят!»

Куда деться от этих воспоминаний? Рука привычно заносит епитрахиль, вторая осеняет кающегося крестным знамением, а перед глазами всё то же…

Его бросили в подвал Дома культуры, занятого эсбэушниками. Подвал был низким — не разогнуться в полный рост, тем более отцу Владимиру, грязным, а главное — влажным: воды, точнее, какой-то дурно пахнущей жидкости, было по щиколотку. Заключённые — а кроме отца Владимира в подвале было ещё несколько человек, посаженных за «пророссийские взгляды», — жили, забравшись на грязные трубы. На трубах ели, на трубах спали. В качестве отхожего места использовали находившийся в выгородке бетонный колодец со скользкими краями.

И это было ещё не самое страшное. Как и кормёжка. Заключённых кормили мало и нерегулярно. В основном давали хлеб, иногда — какую-то жуткую, подгоревшую кашу. Ещё хуже было с водой — её выдавали изредка, по кружке на человека в день. С жаждой боролись, собирая со стен и

низкого потолка испарину. Она пахла подвалом, и организм поначалу отказывался принимать её.

Но человек привыкает ко всему. Даже к пыткам.

Пытать начали под конец. Сначала увещевали:

— Мы вас немедленно выпустим, мы восстановим вас в сане и даже поможем отремонтировать церковь…

— А что с церковью? — Сердце болезненно сжалось.

Нацист отводит глаза.

— Ну… был бой…

Что такое «был бой», отец Владимир узнает намного позже, когда в уже освобождённом городе вновь войдёт в ограду храма. Нацисты стреляли от церкви из «града», реактивные снаряды сильно повредили крышу, выбили окна, снесли главки. А потом, когда город освобождали, во дворе разорвалось несколько мин. Осколки залетели в храм, изранили фрески на стенах, пробили оба запястья большого заалтарного образа Одигитрии, словно у Матери на руках появились раны Сына…

— Чего вы хотите от меня? Я не солдат, я не воюю с вами. Я молюсь Богу.

— Вы — участник антиукраинской группы! Если вы просто молитесь Богу — какая разница, в

каком патриархате? Переходите в ПЦУ, заявите о том, что не согласны с патриархом, благословляющим войну.

— Патриарх не благословляет войну. Он молится за мир. А я не могу перейти к тем, кто является раскольниками. Если бы вам предложили перейти, скажем, в российскую армию?

Нацист воровато оглядывается и тихо шепчет:

— Да хоть сейчас. Но свои мочканут. Так что приходится тянуть волыну, чтоб её…

Потом он куда-то пропал. Пришли другие — с чёрными лицами, хотя и с белой кожей. Они говорили только по-украински, притом с каким-то странным акцентом. Они начали пытать и расстреливать.

Его били — руками, ногами, обрезком трубы, цепью от велосипеда. Ему плоскогубцами выдернули ногти на ногах и несколько зубов. Левую ногу зажимали в тиски и выкручивали. А однажды «хорунжий Ондрейко» выколол ему глаз и собирался выколоть второй, да его остановил его командир. Отвёл в сторону и что-то долго говорил, не обращая внимания на истекающего кровью отца Владимира.

Пришлые бандеровцы жили прямо в Доме культуры — жили семьями, с женами и детьми. Это

было похоже на жуткую пародию на цыганский табор — нары вдоль стен, бельё на верёвках, женщины и чумазые дети, сгрудившиеся у буржуек, на которых варили еду… и рядом кого-то пытают, человек кричит, но на него никто не обращает внимания…

С наступлением холодов в подвале стало ужасно холодно. Там постоянно умирали — кто-то замерзал, кто-то от пыток, от истощения. Отец Владимир служил за них заупокойную — как могу, поскольку у него даже нательный крест отобрали, а если успевал — то причащал, водой и хлебным мякишем, который носил с собой. Он даже служил службы — по памяти, и вскоре все заключённые подвала стали его паствой. Службы служили тихо, чтобы не привлекать внимания охраны.

Однажды, готовя Святые Дары перед нацарапанным на побелке крестом — его единственной иконой, отец Владимир увидел, что справа от него кто-то стоит. Лица мужчины он не рассмотрел, видел только силуэт, окутанный сиянием. Намного позже батюшка понял, что вообще не мог ничего видеть — человек стоял со стороны выколотого глаза.

…Он стоял тихо, а потом осторожно коснулся

плеча и сказал:

— Не бойся, доколе повергну врагов твоих у ног твоих.

— Кто Ты? — спросил отец Владимир шёпотом.

— У тебя в кружке Моя плоть и кровь, — ответил незнакомец — и исчез.

В то утро их вывели на расстрел. Так им сказали. Заключённые недоумевали — зачем тратить на них пули? Несколько человек бандеровцы просто повесили, а теперь расстрел.

Им надели на головы мешки, погрузили в машину и повезли. Затем машина остановилась. Заключённые сидели тихо и услышали, как вдалеке кто-то переговаривается:

— Как договорились? Мы вам их оставляем, а вы нас выпускаете?

— Оружие сложите и валите, куда глаза глядят.

Какое-то время что-то происходило, но что — ни отец Владимир, ни его собратья по несчастью не знали. Потом скрипнул борт кузова, затем отца Владимира кто-то подхватил на руки — могучий священник исхудал до сорока пяти килограммов! — отнёс и заботливо уложил на что-то мягкое. Мешок с головы сняли, и батюшка понял, что находится в санитарной машине. А рядом

были солдаты с буквой Z на шевронах… свои!

В госпитале отца Владимира спросили, нуждается ли он в помощи психолога.

— Я нуждаюсь в том, чтобы служить литургию, — ответил тот, хотя израненное тело, оказавшись в полном покое, поведало ему всё, что с ним сделали за это время, — болело всё, что только могло болеть. — У вас есть здесь храм?

— Конечно, — ответил врач. — Но вам пока рано служить. Поправляйтесь, набирайтесь сил…

Тот же врач рассказал батюшке, что его храм освободили и что командование уже пообещало помощь в его восстановлении. Отец Владимир оказался единственным выжившим из трёх клириков и после выписки из госпиталя стал настоятелем своей церкви, на которую военно-инженерные части краном водрузили сброшенные взрывами главки.

И вот он здесь, поют Херувимскую, а к нему подходит тот, кто когда-то держал его в подвале. Он не пытал, пытали другие, пришлые. Но он был среди тех, кто арестовал отца Владимира. Он держал батюшку в подвале. Он угрожал…

И его надо простить. Насколько велико твоё сердце?

Мужчина всю службу стоит склонившись, не

поднимая глаз. У аналоя он становится на колени…

«Повергну врагов твоих у ног твоих».

— Вадим, — говорит его тюремщик хриплым, изменившимся голосом. А он вспоминает, как тот говорил ему, что готов перейти в Российскую армию, но боится мести — от «своих». — Батюшка, я всё решил. Я прятался в городе, когда ваши его взяли. Но нельзя прятаться вечно. Вы пришли навсегда. Я решил сдаться. Но сначала — хочу покаяться.

— В чём? — спрашивает отец Владимир.

Исповедник на мгновение замирает, потом говорит:

— А разве вы не знаете?

— Важно, чтобы вы это знали, — отвечает священник.

— Я потерял человеческий облик, — отвечает Вадим. — Поверил в то, что я — представитель «высшей расы». Я… отче, мне стыдно.

— Это хорошо, — отвечает отец Владимир, видя, что мужчина плачет. — Стыд и боль очищают душу. Говори мне, что ты сделал, а потом повтори это тем, к кому придёшь сдаваться.

— Я боюсь, — признаётся мужчина в конце исповеди. — Я сотворил такое… я боюсь, что Бог

никогда меня не простит.

— Пусть этот страх направит твои руки, — отвечает отец Владимир. — Пусть он направляет тебя в дальнейшей жизни. Ты жив, а значит — можешь всё искупить.

Пройдёт время — и Вадим вернётся в этот храм вместе с командой заключённых, чтобы участвовать в ремонте. Он окажется мастером на все руки — справится и с сантехникой, и с электрикой. Потом пропадёт, но через несколько лет, когда на улица этого русского городка уже ничто не будет напоминать ни о войне, ни о какой-то Украине, вернётся и попросится в служки. Со временем дорастёт до церковного старосты.

Но это уже совсем другая история…

Мама

Глава сельсовета деревни с нежным именем Кринички, которого все по-простому звали дядей Мишей, зашёл к Серафиме Ильиничне рано по-утру, ещё до рассвета. Серафима только-только подоила корову Ладу и как раз выходила из сарая с ведром парного молока, накрытым чистым подойником. Молока в ведре, правда, было литра три, не больше — на сене Лада доилась плохо, но Серафиме Ильиничне и того хватало с лихвой — жила она одна. Что не выпивалось, шло на творог, простоквашу-кисляк или сметану; их Серафима отдавала дочке бригадира Машеньке, та возила их в райцентр со своим товаром и продавала на привокзальном рынке, покупая «тёте Симе» продукты, каких в деревне не было, — конфеты, печенье, чай…

— Здравствуй, Симочка, — поздоровался дядя Миша.

Ему было под восемьдесят, но бывший лучший комбайнёр района сдаваться старости, кажется, не собирался. В четырнадцатом хотел даже в ополчение пойти. Усталый военком посмотрел на «новобранца» хмурым взглядом и сказал:

— Ну куда вам на фронт? Или думаете, что в тылу мужские руки не нужны? Если загребём всех подчистую, кто на земле работать будет, бабы?

Дядя Миша по этому поводу переживал сильно и почти год ходил хмурым, как туча. Потом, правда, отошёл — бандеровцев остановили, организовали им несколько знатных котлов и отбросили назад. В Кринички тем временем вернулось несколько односельчан, ушедших в ополчение и демобилизованных по ранениям. В итоге председатель сельсовета и его «слабосильная команда» скрепя сердце занялись мирным трудом. Восстановили ферму, разрушенную обстрелом бандеровцев, поставили на ход несколько стареньких тракторов и комбайнов, засеяли поля, собрали урожай…

А рядом шла война, и, хотя до Криничек боевые действия так и не докатились, война чувствовалась во всём, её мрачная тень накрывала посёлок, как мгла далёкий Иерусалим…

— Здравствуй, Михал Григорич, — ответила Серафима. — По делу пожаловал или так, мимо шёл?

— По делу, — кивнул дядя Миша.

— Так заходи, чего за калиткой стоять? — сказала Серафима, направляясь к дому. — Погодь,

я сейчас ведро занесу, а потом посидим, чайку попьём. Мне Маша из райцентра привезла накануне какой-то чай «Седой граф». Необычный, но вкусный. И печенье «Любятово» — раньше такого не было.

— Да я на минуточку, — извиняющимся тоном сказал дядя Миша, заходя в калитку. Пёс Дружок вылез, гремя цепью, из конуры у курятника, повёл носом, лениво гавкнул, исполняя свой собачий долг — дядю Мишу он знал. — На пару слов, некогда мне чаёвничать, но за приглашение спасибо.

— Что ж у тебя за срочное дело? — удивилась Серафима. Жизнь в далёких от фронта Криничках, несмотря на войну, текла размеренно, и чрезвычайных происшествий в них почти не бывало.

— Тут такое дело, Сима, — сказал дядя Миша, понизив голос. — К нам в Кринички отводят роту морпехов с передка. Будут они здесь пару дней, пока им подкрепления не пришлют, потом опять на фронт. Решили их на постой по хатам поставить, не в чистом поле ж ребятам ночевать…

— Да уж точно, — согласилась Серафима. — Думаю, поле им и на передке осточертело. Ты мои условия знаешь — у меня три кровати, сама я и на печке перебедую.

— Сима, — серьёзно сказал дядя Миша, — не могу не сказать — знаешь же, что у нацистов теперь есть эти… как их, бесов? — «гаймарсы». А наши черные бушлаты у них в печёнках сидят не хуже «оркестра». Они их давеча с помпой «хоронили» — по ошибке раздолбали свою же колонну, засняли на видео и сказали, что это морпехи. Всё вскрылось, конечно, но теперь нацисты на наших ещё больший зуб затаили. Могут своим… как его, всё забываю… геморроем этим приложить. Из пушек по воробьям, конечно, но наши воробушки их так заклевали, могут и решиться.

Серафима поставила на крыльцо ведро с молоком, выпрямилась и упёрла руки в боки:

— Ты что ж, дядь Миша, думаешь, я твоих «хаймарсов» испугаюсь?

— Они не мои, — смутился дядя Миша, — они американские.

— Сказала, что троих бойцов приму — и баста, — отрезала Сима, потом смягчилась: — Себе-то сколько берёшь?

— Восьмерых, — потупился дядя Миша. — Знаешь же, дом у меня большой, два этажа. Места хватит…

* * *

После ухода главы сельсовета Серафима развила бурную деятельность: принесла дров, натаскала воды, из погреба нанесла овощей, сала, молока с творогом; зарезала курицу Юльку, самую жирную и вредную в курятнике. Ощипала, выпотрошила, начистила и нарезала овощей, поджарила на сале заправку и поставила в печь чугунок борща. Пока варился борщ — вымела хату, вымыла полы, перестелила чистым бельём три панцирные кровати. Сама ещё успела переодеться — надела яркую кофту, юбку, повязала платок и только закончила, как звонкий лай Дружка оповестил о прибытии гостей.

Они вошли во двор — три ладных, молодых парня. Чёрных бушлатов у них не было, обычный камуфляж, но из расстёгнутых воротов поглядывала «морская душа» — грозная тельняшка, которую враги боятся не хуже гаубиц и ракет.

— Добрый день, — сказал старший из них немного смущённо, что выглядело странно. — Вы Серафима Ильинична? Нас к вам на постой отправили.

— Заходите, заходите, сыночки, — улыбнулась Серафима. — Знаю, что отправили, давно жду

уже. Проходите в хату, родненькие, я вам сейчас обед справлю.

— Ну что вы, не стоит беспокоиться, — сказал второй боец, опередив командира, — у нас с провизией всё хорошо, ещё и с вами поделимся.

— Да знаю я вашу провизию, — махнула сухонькой рукой Серафима. — Дед мой Филипп, упокой, Господи, его душу, что до Праги в войну дошёл, так говорил: в армии не так страшна бомбёжка, как кормёжка.

Ребята заулыбались.

— Где у вас умыться можно с дороги? — спросил старшой.

— Вон у колодца рукомойник, — показала Серафима. — Вы уж простите, у меня по-простецки всё. Сыновья перед войной насос для колодца справили было, да он забарахлил из-за перебоев со светом. Так что вода из колодца, умываюсь в рукомойнике, а уборная, простите, за погребом.

Старшой быстро зыркнул на самого младшего. Тот кашлянул:

— Можно, я потом ваш насос посмотрю?

— И сбегаешь к Кузьмичу, — приказал ему командир группы. — Пусть автомат даст, чтобы от перебоев линию защищать. Справишься?

— Ну, командир, не впервой, — улыбнулся тот.

— Вы, вообще, если надо помочь что, говорите, — продолжил старший, обращаясь к Серафиме. — Не стесняйтесь, пожалуйста, и вам легче будет, и мы без дела сидеть не будем. Вижу, хозяйство у вас большое…

— Да где там большое, — пожала плечами Серафима. — Коровёнка Лада да десяток курочек. Пока муж был да сыновья помогали, и поросят держали, и овечек, и кролики были. А сейчас сама не утяну. Спасибо дяде Мише, голове нашему, помогает с сеном да с дровами…

* * *

В хате ребята сбросили верхнюю одежду, поставили в углу тактические рюкзаки, а потом достали из большой сумки гостинцы — в основном консервы и сладости. Серафима тем временем накрывала на стол. Она постелила вместо видавшей виды клеёнки белую скатерть, расставила посуду из старого буфета, потом разлила по глубоким тарелкам вкусно пахнувший борщ, позаботившись, чтобы каждому бойцу досталось по хорошему куску мяса. Себе плеснула поменьше, хотя в чугунке ещё хватило бы, но вдруг кто-то захочет добавки? Добавки, кстати, захотели все трое, но вначале раззнакомились.

Старшим в группе был сержант по имени Виктор. Вите было двадцать шесть, родом он был с Урала, из Магнитогорска. Служил по контракту, после службы думал поступать в военную академию.

Контрактником были и остальные двое. Среднего звали Ярослав, или просто Слава. Он был родом из Питера, мечтал строить корабли — и отец, и дед Славы были связаны с конструкторским бюро Балтийского завода. Слава был ефрейтором, как и третий, самый младший боец. У того было очень необычное имя — Сила, что неудивительно. Отец Силы был священником, а семья его была из Краснодарского края. Сила был на удивление рукастый — разбирался в электрике, в сантехнике и впоследствии настроил Серафиме колодезный насос, а старый счётчик с пробками заменил на новый, с автоматами защиты.

Сытно пообедав, ребята занялись делами. В большом хозяйстве Серафимы, конечно, накопилось много проблем — где-то забор покосился, где-то в двери несмазанные петли стёрлись, где-то сквозило из-под рамы…

— Хороший у вас дом, — сказал Виктор, прибивая оторвавшийся наличник.

— Дед мужа ставил, — ответила Серафима. —

Как с войны вернулся. Он в Ленинграде был, в блокаду. Вернулся худой, как скелет, и ушёл рано — семидесяти не было. Но дом построил. Плотник он был от Бога. На нашем околотке половину домов выстроил.

— Я заметил, — добавил Слава, который щепил доску на штапики для окна взамен прогнивших. — Характерный резной рисунок тех же наличников по всей улице, как у нас на севере.

— Муж мой тоже так умел, — сказала Серафима. — Рукастый был в отца, в деда. И сыновей научил.

— Он умер? — осторожно, чтобы не задеть чувства, спросил Витя.

— Давно уж, ещё до войны с бандерой, — ответила Серафима. — Он в шахтоуправлении бригадиром был, да заработал силикоз. В тринадцатом подхватил ураганное воспаление лёгких, за месяц сгорел…

Помолчали. Тем временем вернулся Сила.

— Я по телевизору передачу смотрела, про Ковид, — добавила Серафима. — До нас эта зараза не дошла, но то, что я увидела, очень похоже на то, как мой муж умирал. В Артёмовске, говорят, американская лаборатория, оттого бандеры за него и держались. Думаю, может, оттуда что-то

просочилось? — Она вздохнула, потом обратилась к Силе: — Кстати, телевизор у меня совсем плохо показывает, видать, с антенной плохо. Не посмотришь, сынок?

— Посмотрю, — пообещал Сила, — как с насосом управлюсь и счётчик заменю.

* * *

Антенну Сила, конечно, тоже наладил — снег с изображения и треск в эфире исчезли, картинка стала чёткой, не хуже, чем в Москве или Питере. Но смотреть не стали — вместо этого, поужинав жареной картошкой с тушёнкой из солдатских гостинцев, уселись чаёв-

ничать.

— А неплохая у вас галерея, — заметил Виктор, разглядывая фотографии по стенам. Фотографии были увешаны расшитыми рушниками, их было действительно много.

— Ну, так то ж семья, — сказала Серафима. — Вон дед Филипп с бабушкой Марусей, — указала она на старое фото моряка, стоявшего под руку с красивой женщиной с длинной толстой косой, — а это — мой дед Мирон и его жена Катерина. Вот это — родители наши, мой отец Илья, и мама Ида, и отец мужа, тёзка твой, Витя, с мамой Настей.

Это фото с нашей свадьбы — тут ещё мой брат Сергей, и мужнины брат с сестрой — Коля и Оля. Олю жалко, она в Киеве сидит,

уехать не может. Мать её мужа ногами не ходит, с собой не увезёшь, и одну не бросишь. Колька на Дальнем Востоке, а Серёга — на Черноморском флоте служит, капитан.

— А эти добры молодцы кто? — спросил Сила, указывая на фото, где Серафима Ильинишна с мужем сидели в окружении трёх справных юношей, чем-то похожих на её нынешних гостей.

Серафима ответила не сразу. Ребята обеспокоенно обернулись к ней.

— Сыновья это мои, — наконец сказала она. — Справа — старший, Илюша. Слева — Витя, а посерёдке — Миша. Все трое воюют сейчас. Илюша ранен был тяжело, у Саур-Могилы. Глаз потерял, но на фронт вернулся, санитаром. Витя в танке горел, но тоже Бог миловал — так и воюет танкистом. Мишеньку Бог бережёт, хотя он в самое пекло ходит — разведка. Пишут они мне, но редко, новости о них я через знакомых узнаю.

Стало тихо, так тихо, что было слышно, как гудит спираль лампочки накаливания и постукивают по стеклу ветки шиповника и сирени, растущих у дома.

— Сохрани их, Господь, — тихо сказал Сила, и ребята вместе с хозяйкой торопливо перекрестились на висящие в углу образа…

* * *

— Жаль, что вы уже уходите, — сказала Серафима на прощание.

Прошло три дня, часть, где служили ребята, получила пополнение. Вместе с пополнением прибыли гостинцы, которыми бойцы щедро делились со своими квартирными хозяевами. Теперь у Серафимы в буфете был годовой запас консервов, сладостей, чая…

За эти три дня Витя, Слава и Сила стали Серафиме как родные. Вернее, не так — как родные они стали сразу же по прибытии. Но в эти три дня Серафима чувствовала себя так, будто вернулись с фронта её сыновья.

«А ведь они тоже, как эти ребята, где-то останавливаются на постой, — думала она. — Дай Бог, чтобы их тоже принимали, как родных».

Ребята молчали. Было видно, что им тоже грустно.

— Вот уйдёте, а у меня и памяти не останется?

— Почему не останется, тёть Сима? — спросила из-за забора Машенька, которая тоже забежала

попрощаться. На следующий день по прибытии бойцов «в распоряжение Серафимы Ильиничны» Маша зашла к тёте Симе, вернувшись из города, — и познакомилась с морпехами. А ещё точнее… в общем, так как-то получилось, что между ней и Силой возникла, как говорит молодёжь, химия. Друзья по этому поводу подтрунивали над поповичем; тот смущался. — Давайте я вас на телефон щёлкну? А потом ребятам вышлю фото, а вам, тётя Сима, в городе распечатаю и привезу.

— Мне вышли, хорошо? — тихо сказал Сила. — Только я не сразу отвечу. Мы мобильниками не пользуемся, когда на передке. Враг по ним арту наводит.

— Конечно, вышлю, — тихо сказала Маша. — И… я подожду, пока ты ответишь.

Она вздохнула, а потом решительно сказала:

— Становитесь-ка у вербы, вы, тёть Сима, у вербы, а ребята — кружком…

* * *

Теперь у Серафимы Ильиничны в доме на стене висит новая фотография. Она очень похожа на фото, где она с сыновьями. Вот только вместо Ильи, Вити и Миши — другой Витя, а ещё Слава и Сила. И Серафима Ильинична знает, что они

все вернутся к ней. Её сыновья познакомятся между собой. А Сила сделает предложение соседке Машеньке — если ещё не сделал. Хотя Маша, наверное, сказала бы.

Батя

— Уходи, Отец, а мы прикроем!

Короткая передышка. Минометный обстрел бывшей трактороремонтной мастерской, взятой взводом, продолжался, но нашим удалось откинуть бандеровцев.

Ребята у него — просто орлы, даром, что половина с гражданки и до спецоперации пороху не нюхала. Все быстро влились в боевую семью, каждый стал настоящим воином. Отец считал это чудом — сторонний наблюдатель, конечно же, увидел бы, что это чудо произошло только потому, что взводом командовал опытный офицер.

От боли всё плыло перед глазами, но он силой воли «навёл резкость», сосредоточился на Володе Сивцеве.

— Отставить разговоры! Ты же видишь, сам я уйти не могу. Придётся нести. Это минимум два бойца, а у нас каждый человек на счету!

Володя нахмурился:

— Отец, тебе в тыл надо. Ты же кровью истечёшь! Там тебя подлатают, в строй вернёшься. Да отобьём мы бандеру! Что ты, нас не знаешь?

Он знал. Не сомневался, что отобьют. Позади

было уже две атаки; по покрытому тонким слоем снега полю были разбросаны трупы нацистов. Те шли в бой, не прячась от пуль, и после попадания умирали не сразу, проходя несколько шагов. У многих это вызывало панику, но только не у его ребят. Во-первых, они у него были бесстрашные, а во-вторых, встречались уже с «украинскими боевыми зомби».

Секрет прост: в еду или в воду солдатам ВСУ подмешивали психотропные вещества в таких дозах, которые напрочь вырубали инстинкт самосохранения. Его группа брала таких живьём. Долго те, правда, не протягивали — химия в крови убивала не хуже пули. То есть победят «наркоманы» или проиграют, конец всё равно один — смерть. Страшная война.

Он видел и другие. Был в Афгане, ещё срочником. Был в Чечне, оба раза. Прошел Югославию, Карабах, Сирию. Встречались ему и моджахеды под гашишем, и обдолбанные «чехи», и албанские головорезы на героине. Но там всё-таки было не так цинично.

Один из захваченных вуек[5], умирая в нашем лагере, плакал. Так посмотришь — нормальный

---

[5] Примечания: 5

Вуйка (*укр.*) — просторечное, саркастическое название жителя глухой деревни (ср. «лапоть деревенский»).

пятидесятилетний мужик, всю жизнь проработал на земле. Трое детей, внуки уже пошли. Был в райцентре — у вокзала «приняла» военная прокуратура. Зашвырнули в товарняк — и на юг.

На нем, на мужике этом, ни одной раны даже не было, ребята и не приложили его ничем — подставили подножку, он свалился, как куль, тут его и скрутили. Ничего не умел, ничему не обучили, только дали в руки автомат, накормили «наркотой» — и в бой. Ни одной раны, ни одной царапинки — он умирал от «таблетки храбрости», превращавшей людей в боевых зомби.

Почему перед смертью вспоминается такое? Разве это логично? Правильно вспомнить свой дом, семью. Любящую жену Машеньку, которая двадцать пять лет назад ухаживала за ним в госпитале Ростова, детей и внуков, родителей, друзей…

Мысли путались, боль мешала думать связно — крупный осколок ударил в бок, кто знает, что он там натворил, но рёбра сломал точно. Как минимум одно легкое пробило: отсюда была и красная пена на губах, и противный солёно-стальной привкус во рту.

Раздалось несколько выстрелов — наверно, бандеры опять поднялись в атаку.

— Уходи, Володя, к своим ребятам, — сказал он. — Отобьёте атаку — поговорим. Может, и соглашусь на госпиталь.

Володя шел, сжав кулаки, вогнав ногти в ладони. Оба они знали — ни на что Отец не согласится, хотя жизнь уходила из его тела вместе с вытекавшей из раны кровью. Но с командиром не спорят.

Он сам воспитал своих ребят. И уж кто-кто, а Отец точно знал, что его ребята с этим справятся, но… Чужих у него здесь не было. Отец вспомнил, как принял взвод. Комиссованный по ранению, он был словно списан со счетов. Ему полагались пенсия, выплаты, полагалось дожить вместе с семьей положенную старость. «Дожить». Он ненавидел это слово. Он не хотел доживать, он хотел жить — столько, сколько отмерит ему судьба, но именно жить. И потому не стал дожидаться мобилизации, а отправился на Донбасс в самом начале спецоперации. Предложили отправиться в штаб, но он хотел обучать мобилизованных, думал — кто обучит всему этих желторотых? Он выживал в самых «горячих» точках, и знания, добытые кровью, нужно было обязательно передать — новому поколению бойцов. Вот почему майор в отставке взял взвод — пятьдесят необученных

ребят, которые видели войну только в кино. Все они служили на гражданке. Реальная военная жизнь могла сломать их, а уж первый боевой опыт точно прошёлся бы по ним паровым катком. И это было то единственное, что объединяло его «птенцов». Все они были разные — прибывшие со всего Донбасса, юнцы и мужчины с семьями, флегматики и холерики, задиры и тихие интеллектуалы, ребята «от станка» и те, кто тяжелее авторучки ничего в жизни не держал…

Сейчас они стали одной семьей. Пятьдесят братьев. И объединял их он — майор Прокофьев. Майор, который командовал взводом, — нонсенс для российской армии, но на Донбассе и не такое бывает. Они звали его Отцом — по сути, так и было.

Вот и выходило: на одной чаше весов оказалась его семья, жена Машенька, дети, внуки, ждавшие его с войны, а на другой — пятьдесят «сыновей», инженерно-штурмовой взвод. И приходилось выбирать.

Наверное, его действительно ещё можно было бы спасти. Не так много крови он потерял, да и медики наши — настоящие чудотворцы. Но эти полсотни — они же без него осиротеют. А им надо было держаться. Увезут Отца, и бойцы

сникнут. Подмога вот-вот придёт. Важно было удержать сейчас эту давным-давно брошенную мастерскую, где среди рухнувших навесов навеки застыли проржавевшие трупы тракторов и комбайнов. Почему это было важно? Потому что ремонтная мастерская пополам разрезала оборонительную линию бандеровцев. Сейчас наши соберут ударный кулак — и прорвут эту оборону через брешь, прикрытую ребятами из его взвода.

Его сыновьями. Теми, кто зовёт его Отцом. Может ли отец оставить своих сыновей в минуту опасности?

Стрельба стала громче, яростнее. Нацисты не хуже наших понимали, как была важна эта заброшенная ещё в девяностых ремонтная мастерская какого-то колхоза, канувшего в Лету сразу после «незалежности»[6]. Он собрал последние силы, взял в руки рацию:

— Так, бойцы, чего расслабились? Не отступать мне! Не так страшен чёрт, как его малюют. Но и на рожон не лезьте. Вы своим родным живыми нужны, вас дома ждут. Отстреливаем бандер, товарищам помогать не забываем!

---

[6] Примечания: 6

Незалежность (*укр.*) — в переводе с украинского языка означает «независимость», однако зачастую применяется в ироничном контексте, потому что фактически расходится с текущим положением дел.

Короткая речь буквально выжала его. Прокофьев устало откинулся назад. У него была хорошая жизнь, он все сделал правильно. Единственным, о чем сейчас жалел майор, было то, что он находился пусть и в совсем неглубоком, но тылу. Ему бы хотелось стоять плечом к плечу со своими сыновьями. А если умереть — то рядом с ними.

Было еще недописанное письмо жене, оставшееся в черновиках электронной почты на планшете. Он же всегда себе говорил: не откладывай ничего на потом, напиши ей. А в этот раз не дописал. «Я люблю тебя Маша, — подумал Прокофьев. — Люблю вас всех». Мысли путались.

Отец почувствовал прохладное прикосновение ко лбу. С трудом приоткрыл глаза — рядом никого не было, но ощущение продолжалось. Так его лба касалась влажной губкой еще незнакомая сестричка Маша, когда он бредил в лихорадке в ростовском госпитале, Маша, которая потом стала его женой. Ростов, госпиталь, солнечный свет, озарявший каштановые кудри…

Значит, конец? Но почему так тихо? И вдруг тишину разрезал свист и гул, а в ярком, весеннем

небе над головой расцвели трассы[7] — повела огонь реактивная артиллерия. А затем земля вздрогнула, и грохот разрывов сообщил майору о начале артподготовки.

А значит — наши вот-вот пойдут на прорыв через МТС, которую удержали его бойцы. «Пусть они дойдут до Победы», — с этой мыслью он смежил веки.

* * *

К сборному пункту пришли те, кто мог самостоятельно передвигаться. Белизна бинтов на руках и головах, бурый от крови камуфляж. Десятки опытных бойцов, только что удержавших важную позицию и смененные свежим подкреплением, — сыновья своего Отца.

— Валёк, это кто? — толкнул напарника офицер на приёмке.

Второй солдат вскинул глаза на процессию, движущуюся от машины.

— Кто? — спросил и замолчал, видя слезы на глазах суровых воинов.

— Отец, — хрипло ответил сержант Владимир Сивцев, а потом, спохватившись, добавил: — Май-

---

[7] Примечания: 7
Трассы — следы от пущенных ракет в небе.

ор Прокофьев Александр Васильевич, командир взвода инженерно-штурмового батальона.

Архангелы бессмертны

У Толи Баженова родился сын.

Конечно, об этом сразу узнал весь аэродром — новость прилетела на «вышку», когда экипаж «Рафаила», в который входил Баженов, готовился к вылету. Командир экипажа, капитан Илья Руднев с позывным «Тёзка», отвёл своего второго пилота в сторонку и тихо сказал:

— Толя, давай я тебе увольнительную дам.

— Спасибо, брат, — поначалу обрадовался лётчик. — Придём с задания — поеду в город, к жене. Надеюсь, мне наследника покажут?

— Ты не понял, — продолжил капитан Руднев. — Прямо сейчас дам. Мы же идём… сам понимаешь куда. ПВО бандеровцев наши вынесли, конечно, но чёрт его знает…

— Ты мне это брось, командир, — посмурнел Толя. — Я в пилоты не затем шёл, чтобы чуть что, в кусты. И кто полетит, если не я?

— Авдеев, например, — предположил Руднев. — Или Ким.

— Так они оба только из полёта, — возразил Баженов. — А Ким и так под обстрелом побывал, когда высаживал десант. И Рафу нашего никто не

знает так, как я. Нет, командир, я лечу, и баста. Да и что может случиться-то?

…А на войне случиться может, конечно, всякое. Тем более что «Архангел Рафаил» — не просто транспортник, это воздушный командный пункт. С ним наши «ястребки», «сушки» да МиГи работают в десять раз лучше. Но и сам он вынужден близко подходить к пресловутой «линии соприкосновения», даже пересекая её. А такой самолёт — лакомая добыча, ведь он напичкан дорогой электроникой. Есть такие только в самых первых авиафлотах мира, да и там их немного. К тому же сам самолёт большой, и поразить его проще, чем юркий истребитель, и намного проще обнаружить…

* * *

— Ну всё, с базы передают, что задача выполнена, — сообщил радист Юра. — Приказ ложиться на обратный курс.

— Командир, — донёсся по внутренней связи голос одного из операторов, сидевших в аппаратной на месте грузового отсека, — по нам только что РЛС отработала. Пеленг я взял, сейчас передам Корнету.

Корнет был позывной командира прикрывав-

шей «Рафаила» группы истребителей.

— Какого типа РЛС? — уточнил Руднев, но ответить оператор не успел. Его перебил один из пилотов-наблюдателей, также находившийся в аппаратной:

— У ангара внизу пусковая установка с четырьмя ракетами! Расстояние четыре километра, пеленг сорок пять, похоже, готовятся к пуску!

— Без паники, — отчеканил Илья. — Выстрелить — не значит попасть. Толя, разворачиваем вправо, следи за форсажем…

Но Ил-22 — это не МиГ и не Су, это тяжёлый четырёхмоторный транспортник, и маневренность у него не такая, как у того же истребителя. И всё-таки экипаж сделал всё, что мог, и даже немного больше, но…

— По нам отработал «Бук», — сообщил командир группы управления. — Не добили гада. Сбрасываем ловушки…

Но было поздно — ЗРК противника бил с «пистолетного» расстояния, и предпринять какие-то меры было сложно. К тому же ракеты «Бука» наводились в полуактивном режиме, что затрудняло применение средств радиоэлектронной борьбы. Толик поймал себя на том, что нервно улыбается. Это заметил и командир:

— Чего лыбишься, Баженов?

— «Бук», — объяснил Толя, — такой же, как тот, которым укры сбили малазийский «боинг». Может, даже тот же самый…

— Сейчас наши его накроют, — проворочал бортинженер Саид. — И РЛС, и пусковую установку, но нам-то от этого не легче…

На самом деле ситуация была страшной — тяжёлый самолёт летел, преследуемый четырьмя мощными ракетами, каждая из которых могла сбить его, и не имел ни малейшего шанса уклониться от смертоносных снарядов…

— На «боинге», кстати, боеголовка по кабине сработала, — продолжил нагнетать Саид. — Так что…

— Отставить разговорчики! — зло сказал Руднев.

— Одна из ракет повелась на ловушку, — сообщили из аппаратной. — Вторая, похоже, тоже или сама с курсу рыскнула, непонятно. Осталось две…

В воздушном бою всё происходит очень быстро. Ещё звучали в воздухе последние слова доклада, как самолёт тряхнуло так сильно, словно чья-то гигантская рука со всего размаху врезала по нему.

Первая ракета настигла цель.

* * *

— Мы всё ещё летим, — заметил Толя сквозь гул и звон в ушах.

— Что с двигателями? — спросил Руднев. В кабине выло всё, кроме экипажа, — ракета «Бука» осколочная, при взрыве сотни небольших, но смертоносных поражающих элементов превращают цель буквально в решето, разрушая всё на своём пути.

— Правый концевой сдох, — сообщил Саид. — Правый средний фурычит, но маслопровод пробило, утечка. И левый средний задело, но не сильно.

— Салон, как там у вас? — спросил капитан.

— Все живы, но Анатольича ранило, — ответил командир группы управления. — Половина аппаратуры в хлам. Но это ничего, по сравнению с тем, что нас догоняет вторая ракета.

— Попытаемся от неё уйти, — предложил Руднев, глядя на Баженова.

— Справа элероны заклинило, — сказал тот, не отрываясь от управления. — Я попробую сманеврировать двигателями, но если учесть, что выжила только половина…

Тем не менее им почти удалось. Почти. Второй взрыв был, кажется, ещё сильнее — может, боеголовка ближе подошла. Самолёт швырнуло вправо, от перегрузки полопались сосуды, и у Толи с Саидом носом пошла кровь, а Юра вообще потерял сознание. К тому же несколько осколков пробили остекление кабины, и что-то, то ли осколок, то ли кусок от остекления, ударило

по лицу командира экипажа. К счастью, не сильно, но крови было много.

— Мы всё ещё летим, — заметил Толя, думая о том, что ещё не видел сына и, может, вообще не увидит.

Руднев будто прочитал его мысли.

— Говорил я тебе, не надо с нами.

— Так, командир, — медленно сказал Толя. — Не спеши ты нас хоронить. Мы летим. Не падаем. А до Ростова отсюда не так далеко. Дотянем, с Божьей помощью. — И Толя бросил быстрый взгляд на небольшую иконку святого Николая на приборной панели.

— Разве что с Божьей, — проворчал Руднев. — Я не вижу ничего из-за этой кровяхи. Что у нас с авионикой?

— Ничего почти, — ответил Толя. — Горизонтально маневрирую, а на крыльях всё отказало.

Но я ещё могу управляться двигателями.

— Двигателем, — поправил его Саид. — Левый средний ушёл окончательно, правый средний вот-вот накроется. Течёт всё, и топливо, и масло…

— Нам **надо** дотянуть до базы! — упрямо сказал Руднев, в который раз вытирая с лица кровь. — Толя ещё сына не видел. Саид, заблокируй повреждённые участки…

— Именно этим и занимаюсь, — ответил борт-инженер.

— Толя… — сказал Руднев. — Ты прав, брат. Мы вытянем. Но сейчас вся надежда на тебя. Сделай мне горизонтальный манёвр. Хоть какой-нибудь.

— Сделаю, командир, — пообещал Баженов.

Им было что терять. У Ильи Руднева подрастали две дочери-погодки; у Саида, несмотря на молодость, — дочь и сын. У Толи только что родился первенец, а Юра, который пришёл уже в себя, но сидел тихо, оглушённый контузией, недавно сделал предложение девочке — курсантке из лётной школы.

Им всем было что терять. Можно было бы бросить всё и катапультироваться, но даже мысль такая не пришла им в голову. «Рафаил» был

уникален, в строю ВКС было только семь таких «Архангелов», да и по всему миру их было чуть больше двух дюжин.

А потом… самолёт становится тебе родным. Ты чувствуешь его, как живое существо. Ты ощущаешь его боль, как свою. Раненый капитан Руднев вёл свой раненый самолёт и думал — о своих дочках, о новорождённом младшем Баженове, ещё не успевшем получить имя, о детях Саида и тех, что когда-то родит Юре его Настя. О тысячах, миллионах других детей России, которых они защищали в небе СВО. Без их «Рафаила» небо осиротеет. Надо дотянуть его до базы.

— Топливу кирдык, — сообщил Саид, когда Толя уже видел полосу аэропорта. Садиться пришлось вручную, причём на воздушные рули самолёт реагировал очень слабо. Фактически они падали, но не камнем, а так, как по осени падает кленовый лист.

— Слава Богу, — ответил Илья. — Садиться на брюхо с полными баками — сам понимаешь…

— Почему на брюхо, командир? — спросил Баженов. — Шасси выходит, я проверил. У нас другая проблема.

— Сам вижу, — ответил Руднев. Горизонтальная скорость самолёта была слишком высокой

для посадки. И сбить её экипаж не мог. — Юра, ты как?

— В п-порядке, — ответил тот. — Уже св-вязался с в-вышкой, голос-сов-вая не р-работает, но я им п-передал.

— И что они? — спросил Руднев.

— Сказали, что расчистили п-полосу, — ответил Юра. Слова он выговаривал с трудом. — В-велели с-садиться.

— А так хотелось ещё полетать, — сказал Толя и неожиданно для себя рассмеялся. Смех, конечно, был нервным, но его подхватили другие — сперва командир, потом бортмеханик и даже радист… под этот смех тяжёлый, израненный самолёт промчался по полосе и выехал на поле за ней, по-весеннему пустое, лишь кое-

где зеленеющее всходами озимой пшеницы…

* * *

В госпитале их навестил командир их воздушной армии.

— Ну, ребята, — генерал, сам прославленный в прошлом лётчик, был поражён, — такое ещё никому не удавалось. Вы хоть понимаете, что вы сделали?

— Посадили самолёт, — пожал плечами Илья. —

Действовали строго по уставу.

— Устав говорит, что в случае критического повреждения самолёта экипаж имеет право оставить борт, — возразил генерал.

— Бросить Рафу? — удивился Толя. — Да ни за какие коврижки!

— Как он там? — тихо спросил Юра.

— Жить будет, — заверил его генерал. — Его уже увезли на завод, восстановят. Но… в нём насчитали почти триста пробоин! Повреждено было всё, что только можно. Как вам вообще удалось?..

— С Божьей помощью, — ответил Толя тихо, вспоминая крохотную иконку святителя Николая на приборной панели. Надеюсь, после ремонта она там и останется.

Им дали награды, представили к очередным званиям — это не понравилось Рудневу, для него майорские звёздочки означали новую должность, скорее всего, штабную, — и предоставили отпуска.

— Очень кстати, — заметил Толя Саиду. — Заберу своих из роддома, побуду с младшим.

— Вы уже решили, как его назовёте? — спросил бортмеханик.

— Давно уже решили, — ответил Толя. — Рафаилом назовём.

— Хорошее имя, — сказал Саид. — У меня брата так звали — Расул по-нашему.

Толя не ответил, и Саид продолжил:

— Я уже скучаю по нему. По нашему «Рафаилу», конечно. Как ты думаешь, он скоро вернётся?

— Надеюсь, — вздохнул Толя, а потом обнял Саида за плечи, — не боись, брат, ещё полетаем. И Илья от нас никуда не убежит, вот увидишь. Ладно, побежал я. Хочу наконец увидеть Рафаила Анатольевича Баженова!

Здравствуй, дедушка!

В «Рогатке»[8] привычно душно. Трясет, конечно, на ухабах. Это вам не «мерседес» S-класса с мини-баром и магнитолой. Но наши ребята привыкли. На «мерседесе» много не навоюешь. А железный конь по прозвищу «Буйный» ведет счет выполненных задач на многие десятки.

Вместо мини-бара здесь бутылки с теплой водой. Остап отхлебнул немного, закрутил крышку. Вместо магнитолы — рация. Она трещит.

«„Буйный“, это Ангара, как слышно?»

«Слышу вас хорошо, Ангара. Разрешите доложить?»

«Докладывайте, „Буйный!“»

«Ангара» — это их командир Олег. Как и Остап с Султаном, Олег на передовой с самого начала. С тех самых пор, когда бандеровцы решили, что им можно безнаказанно убивать.

Командир «Буйного» Витя приник к рации.

«Оперативная задача выполнена. Совместно с Бойким был уничтожен опорный пункт чертей на западной окраине кладбища, в составе двух

---

[8] Примечания: 8
«Рогаткой» называют танк Т-72Б.

дотов и вкопанного БМП. Отмечу действия Грозящего, оказавшего нам поддержку — его огнём было подавлено два противотанковых расчёта противника».

«Имеете повреждения?»

«Никак нет. Черти вялые стали, даже неинтересно!»

Наводчик орудия Остап одобрительно хмыкнул. Остап вообще крайне немногословен. Но Витю с Султаном это не волновало. На войне ценят не болтовню, а холодную голову в самых горячих обстоятельствах, храброе сердце и готовность прикрыть друга, умелые руки. У Остапа «Буйный» разит без промаха, что бы ни происходило вокруг.

Ангара продолжает:

«Отставить разговорчики. Расход боекомплекта?»

«Восемь снарядов, два цинка патронов».

«А по топливу?»

«Две трети бака. Готов продолжать выполнение боевых задач!»

«Отдохните пока. Ходоки зачищают частный сектор, вы там ни к чему. Отодвиньтесь ближе к центру, будьте готовы на случай контратаки».

— Какая там контратака, — буркнул Витя, выти-

рая вспотевший лоб. — Наша арта так по тылам поработала, даже мне слышно было.

— Так что, назад сдаём? — спросил мехвод Султан.

— Назад, — подтвердил командир. — По зачищенному, до площади. Там постоим пока. Не за могилами же нам прятаться?

Действительно, за мертвыми, как и за живыми, прячутся лишь трусы. Те, что устанавливают в жилых домах орудия, чтобы стрелять из-за «живого щита». Те, что храбры воевать лишь с женщинами и детьми. Нашим ребятам такое не к лицу.

— М-да… — вдруг снова «заговорил» Остап. Султан изогнул бровь. Едва ли услышишь от друга два предложения за целый день. Что могло привлечь внимание Остапа?

— Что «м-да»? — переспросил Витя. Командир танка тоже знал, что если Остап самостоятельно издаёт какой-то звук, значит, за этим кроется что-то важное.

— Мирный, — ответил наводчик.

— Уже пятый Мирный с начала СВО, — заметил Витя.

Так часто бывает, что маленькие села в разных местах называются одинаково. Мирный, Мали-

новка, Горки… Сколько их было? Люди, которые давали им имена, хотели увековечить что-то важное. Например, память о жизни под мирным небом. Под тем, возвращать которое приходят самые храбрые сыны своей Родины. Они целуют на прощание своих жен и детей, чтобы отправиться на неизвестную им землю защищать незнакомых людей.

Сейчас эти маленькие сёла и городки зияют рваными ранами снарядов. Двигатель гудит, и «Буйный» движется, его гусеницам все равно, сколько ям на этой дороге. Но не все равно экипажу. Виктор, Остап и Султан каждый раз наблюдают это. Названия у населенных пунктов разные, а всё — одно.

Небольшую промзону этого Мирного сровняли с землей, даром что здесь никогда не производили ни боевых машин, ни патронов. Окружающие ее пятиэтажки все такие же одинаковые, как и когда их возвели. Только теперь — все черные, выгоревшие до бетона. Лишь на первых этажах уцелели кое-где вывески магазинов, прекративших свою работу еще задолго до попадания снарядов в дома.

Где теперь те, кто работал в них? Где те, кто жил в этих домах? Удалось ли им спрятаться в подва-

лах, удалось ли выжить? Как живут они теперь, без воды и электричества, каждый день ожидая новой атаки? И хорошо, если просто накроют сверху, а не придут сюда. Эти — что приходят — убивают без суда и следствия, привязывают к столбам своих же граждан, стреляют в спину своим же товарищам, а потом сладко лгут всему миру, что их маленькую страну захватил большой и страшный сосед. Они солгут о чем угодно, предадут тех, кто им верил, лишь бы выслали еще денег и наркотиков. Одурманенные, не помнящие родной матери, идут в бой бандеровские батальоны, не обращая внимания на собственные раны, не осознавая собственной же нечеловеческой жестокости. Да и что человеческого осталось в них? Но наши «зомбаков» не боятся. «Буйный» разит без промаха, а за ним следует напарник «Бойкий» и БМПТ «Грозящий» — товарищи и прикрытие. В спину не ударит никто.

Городок кажется безлюдным, но это не так. Просто те, кто прячется по подвалам, ещё не могут поверить, что всё закончилось. Да и не закончилось ещё ничего — во-первых, как бы ни сработала наша арта, контрудар ещё может быть. Во-вторых, у бандеровцев есть мерзкая привычка — оставляя какой-то населённый

пункт, они стремятся стереть его с лица земли вместе с жителями, обстреливая при отходе его минами-«лепестками». Теми самыми кассетными боеприпасами, что запрещены почти во всем мире. Теми самыми, которые убивают и калечат детей, стариков, мирных мужчин и женщин еще долго после ухода врага.

Виктор сжал кулаки. Сколько всего он видел за этот год? Горящие машины товарищей, подбитые бандеровцами, — редко, но бывает. И каждый раз тяжело, невыносимо тяжело думать о том, как из штаба позвонят Свете или Марине, чтобы сказать, что ее муж, отец ее детей получил орден Мужества. Посмертно. Видел трупы мирных жителей, казнённых карателями перед бегством, — такое бывает намного чаще… Но «чаще» — не значит «менее тяжело».

Однако он прибыл сюда не чтобы было легко. Он и его ребята — эти и все прочие, что пядь за пядью освобождают мирную землю, — не ищут легкой жизни. И легкой смерти — тоже. Они не сбежали пить киндзмараули или зарабатывать на фрилансе под пальмой, как только страна позвала своих сынов. Настоящие мужчины знают, что их место здесь — на переднем крае фронта, даже если им суждено здесь и остаться.

Сколько раз его подразделение вызывали как пожарную команду против внезапно открывавшей огонь кочующей батареи ВСУ? Не счесть. Не раз и не два выходили они во фланг и даже в лоб на самоходки, гаубицы, РСЗО… бывало, как в войну, таранили не успевшие сняться с позиции буксируемые пушки, давя их траками. Вот только деды плющили «тридцатьчетвёрками» немцев, а внукам противостояли в основном бывшие советские орудия — Д-20, Д-30, «Рапиры», даже раритетные трёхдюймовки времён всё той же Великой Отечественной. Ведь когда-то всё это было одной страной…

— Глянь, командир! — подал голос Остап. — На два часа.

Виктор посмотрел влево — и увидел Его. Когда-то он был выкрашен в ярко-зелёный, но время и непогода превратили окрас в естественный камуфляж, покрыв броню более тёмными пятнами. Но он стоял, не сдаваясь ни времени, ни политическим передрягам, стоял, устремив в небо ствол длинной пушки. Его гранитный пьедестал был сделан с уклоном, и казалось, что он вот-вот заведется и рванет в бой, как в старые времена. Он был такой маленький, по сравнению с подъехавшим к пьедесталу «Буйным», но грозный

даже до сих пор. Тридцать тонн уральской брони, тридцать тонн не-

увядаемой славы. Живая легенда, воплощённая в металл, — Т-34-85.

Танк Виктора остановился перед короткой аллейкой, ведущей к памятнику. В полном молчании Виктор, Остап и Султан выбрались из машины и встали, глядя на устремлённый ввысь танк-памятник.

— Ну, здравствуй, дедушка, — пробормотал Остап.

— Да, — кивнул Виктор, — а ведь он нашему «Буйному», по сути, дедушка и есть.

— Интересно, как его от бандеровцев спасли? — сообразил Султан. — Даже звёзды на башне не стёрли…

— Дед Степан с Миколкой риштовку[9] вокруг него справили, — отозвался надтреснутый голос. К бойцам шла сухонькая старушка — такая же небольшая рядом с ними, как Т-34 рядом с «Буйным». Она продолжила: — Поверх риштовки той плёнку натянули и портрет Шевченко повесили. Бандеры так и не поинтересовались, что там. А кто риштовку убрал, того не знаю — как сильно

---

[9] Примечания: 9
Риштовка (*укр.*) — строительные леса.

стрелять начали, три дня в подвале сидела, вылезала только Мурку подоить.

И тут Остап на бабушку посмотрел. Внимательно так посмотрел. И спросил:

— А сколько вам лет, бабушка?

— Да восьмой десяток уж пошёл, — ответила старушка. — А что?

— А что это за танк? — спросил Остап. — Откуда он, не знаете?

Султан с Виктором только диву давались. Еще никогда их товарищ не говорил так много.

— Да в Мирном эту историю каждый знает, — ответила бабушка. — У кладбища за околицей немец в войну стоял. Там два фашистских дота, в них сейчас бандеры засели…

— Уже нет, — весело сказал Виктор. — Мы их… того. Нет там больше бандеровцев, бабушка.

— Вот и молодцы, — одобрительно кивнула старушка. Эти люди, в дом к которым пришла война, были крепки, как сталь. — Танк этот тоже на ту позицию бросили. В общем, не справилась его пушка с бетоном, тогда экипаж его между дотами загнал, чтобы обстрел им закрыть. Сами погибли, но наши позицию взяли.

Немцы тогда контрудар организовали. Бойня была почище, чем сейчас, — три раза туда-сюда

поселок переходил, ни одного дома целым не осталось. Сейчас-то хоть коробки стоят. Долго потом танк там простоял, а как было десять лет Победы, его вытащили, восстановили и на

пьедестал поставили. Вот и вся история.

— А экипаж? — спросил Остап.

— Сгорели они, — вздохнула старушка. — Немчура со злости танк бутылками с зажигательной смесью забросала, выгорел он весь. Так что, почитай, здесь братская могила. Даже номер танка определить не удалось, что там говорить про экипаж?

— Слушай, Остап… — начал было Виктор, но молчун-наводчик перебил командира.

— Дед мой был танкистом, — глухо проговорил он. — Погиб смертью храбрых при освобождении Донбасса. Место гибели точно не установлено, есть только информация, что последний бой он принял у Мирного. И воевал на «тридцатьчетвёрке».

Султан подошёл к Остапу и обнял его за плечи:

— Выходит, брат, нашёл ты своего деда. Как всё закончится, приедем сюда, помянем.

Виктор молча кивнул, вставая рядом с другом. Говорить ему в этот момент не хотелось.

— Конечно, приезжайте, соколята. — Старушка

шмыгнула носом. — Мы вам всегда рады будем! Сейчас-то и угостить вас нечем, а там и стол соберём, да и переночевать найдём где. Вы только возвращайтесь.

— Приедем, матушка, — пообещал Султан. Хотел еще что-то добавить, но ожила рация:

— «Буйный», я — Ангара, как слышите?

— Слышу хорошо, — ответил Виктор. — Что там у вас?

— К кладбищу движется маневренная группа противника, — ответила рация. — До трех БМП и пара «техничек». Мы их сейчас угостим из минометов, дометёте мусор?

— Конечно, Ангара, — отчеканил Виктор. — Конец связи, — и, обернувшись к друзьям, скомандовал: — По машинам, братья! Есть работёнка.

— Счастливо, матушка, — поклонился старушке Султан. — Жди в гости. Мы вернёмся, не знаю, как эти оболтусы, а я — так точно.

И экипаж внука легендарной «тридцатьчетвёрки» бросился к машине, но уже у брони три танкиста, не сговариваясь, обернулись и отдали честь застывшему на постаменте танку-легенде.

По имени «Бесстрашный»

Давлет с детства любил корабли и даже мечтал служить на флоте. Однажды, будучи ещё школьником, он попал на корабль. Это был солидный речной теплоход, снабжённый успокоителями качки, и ходил он по спокойной Волге, но на борту выяснилось, что у парня жуткая морская болезнь. Давлет даже настоял на том, чтобы родители отвели его к врачу, — не помогло. Врождённые особенности вестибулярного аппарата, полнейшая непереносимость качки. Причём на суше Давлета не укачивало никогда, но стоило ему просто выйти на причал-понтон в родной Казани — парню становилось дурно.

Любовь к флоту не прошла, но стала заочной. Парень прекрасно знал историю военных кораблей, но при этом любил их чисто теоретически. На самом деле это грустно — иметь мечту и не иметь возможности её реализовать… Но Давлет унывать не привык, он учился в школе, занимался спортом, ходил с друзьями из секции единоборств в походы, и только форзацы его тетрадок, изрисованные силуэтами боевых кораблей, говорили о его несостоявшейся мечте. Особенно Давлету

нравились линкоры, а любимцем был самый первый — «Дредноут», что в переводе с английского означало — «Бесстрашный».

А потом, однажды на параде в честь 9 Мая, Давлет увидел то, что буквально окрылило его — единственный уцелевший пятибашенный танк Т-35. Группа энтузиастов возродила машину, и теперь громадный, даже на фоне современных, танк плыл по площади, как тот самый «Дредноут», которого Давлет так любил.

С замиранием сердца Давлет подошёл после парада к танкистам-энтузиастам и попросил прокатить его на гусеничном линкоре. Он очень боялся, что его и тут начнёт укачивать. Но не тут-то было: несмотря на то что оригинальный бензиновый двигатель нещадно чадил и внутри танка было жарко и душно, несколько километров, которые Давлет проехал внутри Т-35, не вызвали у него ни малейшего неприятного ощущения. Даже наоборот — голова кружилась, но не от паров бензина, а от радости обретения новой мечты.

Казань — город танковый; здесь расположено Высшее командное танковое училище имени Жукова. Давлет решил поступать в это училище, но сперва надо было отслужить, и он заключил

контракт с армией России. Попрощавшись с родными, с девушкой и друзьями, Давлет отправился в Забайкалье, служить мехводом Т-72.

Экипаж у Давлета оказался дружным, что, впрочем, не исключение, а правило для наших танковых войск. Командир экипажа был сибиряк Егор Толстых, однофамилец знаменитого Гиви; наводчиком — питерский кореец Сергей Пак по прозвищу Цой (хотя у наводчика Цоя не было ни голоса, ни слуха). Давлет сумел «зажечь» своих сослуживцев своими идеями — рисовал корабли, рассказывал про известные морские сражения, — а параллельно с этим, уже под их руководством, учился управлять грозной боевой машиной — Т-72, внуком или даже правнуком пятибашенного монстра Т-35.

А потом началась спецоперация. Накануне её лучшие экипажи были отобраны для перевода на запад страны, и в их числе под Ростов отправились Гиви-младший, Цой и Мореман — Егор Толстых, Сергей Пак и Давлет Альмяшев. В Ростове им выдали новенький танк, и команда тут же окрестила его «Бесстрашным» — в честь любимого Давлетом «Дредноута».

* * *

Холодным утром накануне Международного женского дня Освободительная армия вышла к одному из городов ДНР, пока ещё оккупированному нацистами. Накануне был бой, и части ВСУ в беспорядке отступили к городу, но взять населённый пункт с ходу не удалось — вокруг города нацисты отстроили полосу дотов. Ночью вернулись разведчики. Они сообщили, что нацисты в основном засели на линии обороны, но если провести артподготовку по всем правилам, они просто отступят в город и, по своему обычаю, прикроются мирным населением, как щитом.

Нужно было аккуратно вскрыть линию обороны, чтобы пехота могла выйти с тылу к оборонительным рубежам противника. Положение осложнялось тем, что в городе находилась броневая группа нацистов в составе пяти танков, а у части, штурмующей город, остался только один танк — «Бесстрашный».

Посовещавшись между собой, экипаж «Бесстрашного» предложил своё решение задачи. Нехотя командир штурмовой группы дал согласие на этот авантюрный план. Ночью Давлет потихоньку вывел танк из расположения части и

медленно, тихо двинулся в сторону укреплений врага.

Сидящие в дотах нацисты даже не поняли, что случилось, когда казавшиеся несокрушимым оборонительные сооружения обрушились им на голову. А «Бесстрашный» просто наезжал на укрепления бандеровцев, давя их своей массой. В траншеях ВСУ поднялась паника, в небо взвились осветительные ракеты. По танку несколько раз выстрелили из гранатомёта, но броня выдержала. Кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью, но Сергей огнетушителем под пулями сбил пламя.

Конечно, долго это продолжаться не могло. «Бесстрашный» раздавил три вражеских дота, оголив целый сектор для наступающей пехоты, но самое главное испытание было впереди — из города навстречу отважному танку выдвинулись нацистские боевые машины.

* * *

Пятеро на одного: по всем правилам военной науки следовало отступить, но отступить — значит дать возможность бандеровцам отойти в жилую застройку. И «Бесстрашный» принял бой. Вокруг разворачивалось сражение — пехота

Освободительной армии ворвалась в траншеи и била нацистов, но она была уязвима для танкового контрудара врага. Первый танк Пак и Толстых уничтожили влёт — он, опередив остальных, как ошалелая гончая, вырвался вперед — и получил грамотный удар, вызвавший детонацию боекомплекта. Но оставалось ещё четыре машины, наступавшие с разных направлений. В этих условиях от Давлета зависело очень многое — он маневрировал, то резко тормозя, то делая бросок, уходя от нацеленного на танк орудия. Сухопутный «Дредноут» принял неравный бой, как когда-то одинокий крейсер «Варяг» против японской эскадры.

Ещё одна машина нацистов запылала; третья, стремясь зайти в тыл «Бесстрашного», получила в основание башни противотанковую ракету от наших пехотинцев и, грузно осев, застыла. Но и «Бесстрашный» не остался без повреждений — от попадания вражеского снаряда заклинило башню, и танк фактически мог стрелять только прямо по курсу.

Один против двоих. «Ещё одного завалить — и, считай, дело сделано», — бормотал командир экипажа, и Давлет вывел машину прямо на борт одного из врагов. Прицел Пака был точен — после

первого снаряда вражеский танк остановился, после второго вспыхнул, но тут последний нацистский танк, вернее, самоходка с мощным орудием, ударила прямой наводкой по «Бесстрашному». И удар этот был смертелен…

…Давлет пришёл в себя от жары и копоти. Он не сразу понял, где находится. Попадание огромного снаряда превратило боевой отсек «Бесстрашного» в мешанину стали, и где-то в этой мешанине были мёртвые друзья Давлета.

Без башни танк не боеспособен — в башне находится всё его оружие — пушка и два пулемёта. Давлет мог попытаться спастись… но перед танком, не скрываясь, ничего не боясь, стояла САУ нацистов, и она готовилась открыть огонь по добивающей бандеровцев пехоте.

Давлет никогда не был религиозен, но тут он взмолился, прося у Бога одного — чтобы его «Бесстрашный» пожил ещё хотя бы пару минут. Должно быть, Бог услышал эту молитву отважного бойца — повинуясь рычагам управления в руках Давлета, двигатель «Бесстрашного» заработал, и танк медленно, но неотвратимо пошёл в свой последний бой.

В первых лучах восходящего солнца бойцы штурмовой группы увидели, как искорёженный,

почти мёртвый танк врезается в борт украшенной нацистскими свастиками самоходки, и обе бронированных машины окутывает пламя взрыва.

* * *

Мальчик из Казани по имени Давлет хотел быть военным моряком, но не мог им стать. Ему удалось намного больше. Танк по имени «Бесстрашный» повторил подвиг «Варяга», вступив в неравный бой с пятью машинами нацистов, — и победил, ценой своей гибели.

И где-то в вечности, в мире бесконечного дня, куда приходят герои, отдавшие жизнь за Родину, на полянке у ворот Рая стоит танк «Бесстрашный», а рядом с ним сидит его экипаж — Егор Гиви-младший — Толстых, Сергей — Цой Пак и механик-водитель Давлет Мореман Альмяшев…

(Произведение создано на основе реальных событий)

Самая обычная работа

Андрею Макаровичу давно полагается пенсия. Украинскую, правда, перестали выдавать давно, а российскую он получил лишь недавно. Но, если честно, дело-то совсем не в деньгах. Восемь лет назад он провёл на фронт троих ребят: своего сына Кирюху, а ещё — Володю и Севу. Все трое работали вместе с Андреем Макаровичем.

Сейчас их осталось всего двое. Он сам да не менее старый Василий Патрушевский. Два специалиста на большую электроцентраль, которая еще помнила славные советские времена.

Но хуже всего было то, что несколько подстанций находились в «серой зоне». Когда строили эту централь, никому и в голову не могло прийти, что на этой земле опять будет война, а линия фронта подойдёт так близко к областному центру.

— Собирайся, Вася, — устало говорит Андрей Макарович, вваливаясь в дежурку. Они с напарником фактически живут здесь с тех пор, как всё началось. Потому что ничего, кроме работы, и не осталось.

Андрей Макарович — вдовец, жена умерла ещё до атаки бандеровцев на Донбасс. Иногда старый

электрик ходит на кладбище, хотя кладбище тоже в «серой зоне». Вася Патрушевский — бобыль; раньше, бывало, запивал, как итог — два развода. Сейчас не то чтобы не пьёт, но изредка и не допьяна. Иначе просто не выжить.

— Бедняку собраться — только подпоясаться, — ворчит Вася, поднимаясь с лежанки. Потревоженный кот Мурзилка, почти что штатный работник элекроцентрали, запрыгивает на подоконник и недовольно выгибает спину. Кроме Мурзилки в их хозяйстве имеется ещё «дворянин» Шарик, живущий в конуре между гаражом и каптёркой, и штук пять кур, для которых в гараже устроен насест. На яичницу для двоих хватает. — Я с утра прилёты слышу, думаю — точно будет работа. Где на этот раз?

— На шестом вроде провода порвало, — отвечает Андрей Макарович. — Но подстанцию тоже проверить надо.

— Не учи учёного, — ворчит Патрушевский, набрасывая на плечи ватник. — Ну, пойдём, что ли, помолясь?

Молиться никто не стал. Патрушевский и вовсе атеистом был с партийных времен, но на языке у него всегда была присказка. Андрей Макарович молча окинул взглядом Спас и Богородицу в углу

над верстаком — когда жены не стало, иконы он принес сюда.

Каптёрка. Обиталище холостяков. С одной стороны — верстак, дизель-генератор, шкаф с инструментом и расходниками, с другой — печка, кровать и продавленный диван; старый холодильник да столик, на котором и готовят, и едят. Дополняет интерьер телевизор «Шилялис» — легендарный чёрно-белый раритет, который работать уже, в принципе, не должен. Но на честном слове и золотых руках держится. «Мастерство не пропьешь», — хмыкает Патрушевский всякий раз, когда «Шилялис» вопреки всем законам мироздания включается.

Ещё один антиквариат ждёт в гараже — старенький ГАЗ-66 с вышкой. По дороге за ними увязывается Шарик — на такой случай у Андрея Макаровича в кармане всегда есть что-то вкусное. Раньше Шарик нервничал, когда мужчины уезжали — собака словно понимала, что едут хозяева не на прогулку. Но ко всему привыкаешь, даже к такому. Собачий век короток — восемь лет назад, когда всё начиналось, хвостатый был щенком со смешными ушами. Сейчас, по собачьим меркам, — в самой середине зрелого возраста. А скоро и пенсионером станет, как и Макарович

с Василием.

«Газон» заводится с полуоборота.

— Как думаешь, обстреляют? — спрашивает Андрей.

Тот кивает:

— А то ты укропа не знаешь. Раньше-то, помнишь, как было?

Да как не помнить? Каждый выезд на задание — смертельный риск. У нацистов была «милая» привычка — накрыть трансформатор или подстанцию в «серой зоне», выставить неподалёку ДРГ и ждать, а когда ремонтная бригада подъедет, открыть огонь. Им, говорят, за убийство мирных даже премии выплачивали. А не выезжать нельзя: нет света — значит, не будет ни воды, ни тепла в нескольких микрорайонах и прилегающих посёлках.

Сейчас стало полегче. Бандеровцев отбросили от города, и ДРГ в окрестностях появляются всё реже. Но все же не без этого. А то и арта ударит. И всё-таки работать стало проще.

Вообще, с началом СВО всё изменилось к лучшему. Главное — люди, их настроение. Если раньше Донбасс сражался с глухим отчаяньем обречённых — и при этом умудрялся бить врага, то теперь у людей в глазах явственно читалась

надежда. Андрей Макарович не знал, доживут ли они с Васей до Победы. Но в том, что она наступит, не сомневался.

* * *

— Миномёт сработал, сто двадцатка, — делает очевидный вывод Патрушевский, окидывая взглядом предстоящую работу.

Подстанция, к счастью, цела. Да и обрыв не так чтобы очень: провода повисли, но на земле не валяются. И то — хлеб. Андрей Макарович готовит инструмент, надевает монтажный пояс — сегодня «на высоту» идёт он. Затем забирается в корзину вышки. Беззлобно ругаясь, командует подъемом. Погода сносная — не слишком холодно, ветер небольшой, но все же на пятиметровой высоте слегка дискомфортно. Впрочем, когда это останавливало?

Но стоит приступить к работе, как в воздухе раздаётся знакомый хриплый свист. Вышка вздрагивает и качается. Прилёт. Те самые четыре и семь десятых дюйма, увы, хорошо известные Донбассу, особенно районам, прилегающим к чёртовой «линии соприкосновения». К счастью, мина ложится с большим недолётом.

— Кочевник! — кричит снизу Вася.

Кочевник — это «кочующий миномёт». Бандеровцы ставят такие в кузовы пикапов или таких же ГАЗ-66, превращая их в боевые машины террора. Выстрелил — отъехал, снова выстрелил.

— А то я не понял, — ворчит Андрей Макарович, не отрываясь от работы. — Ты за машину спрячься, что ли?

— Буду я ещё ховаться[10], когда ты там на высоте торчишь як тот тополь на Плющихе, — огрызается напарник. — Ежели суждено, прилёт везде найдёт. Пуля — дура…

Фатализм. Те, кто живёт и работает у передка, под обстрелами, не могут рассуждать иначе. Двум смертям не бывать, а одной — не миновать. Они знают, что старуха с косой может навестить их в любую минуту. Какой смысл бояться? Для этой гостьи давно накрыт стол.

Ба-бах! Ещё один прилёт и опять недолёт. Но ближе — даже слышно пение осколков. За восемь лет Андрея Макаровича ранило семь раз, но всё легко — кроме одного случая, когда снайпер вложил ему пулю в плечо во время замены трансформатора. Андрей прикинулся мёртвым, хотя боль была адской. Постоянно вертелась мысль,

---

[10] Примечания: 10
Ховаться (*укр.*) — прятаться.

что он может истечь кровью. Через полчаса он осторожно поднялся. Рука онемела, но старый электрик закончил работу и только потом кое-как добрался до госпиталя. Тогда он на сети был один — Вася подхватил коронавирус и лежал в больнице. Очухался, слава Богу. А сам Андрей Макарович, подлатавшись, поспешил вернуться «на линию». От госпитализации отказался, бурча «пока я буду в больничке прохлаждаться, кто вам свет-то даст?».

Третий прилёт совпал с окончанием работы. И опять с недолётом — совсем косорукие укропы стрелять разучились! Хотя оно и понятно: наши их знатно перемололи, старую гвардию отправили к Бандере, а новая поросль той — не чета, слава тебе, Господи.

Торопливо перекрестившись, сует за пояс инструмент. Оглядывается на Васю, с тревогой смотрящего в сторону источника выстрелов. Предосторожность не лишняя — какая-нибудь безбашенная ДРГ вполне может мотнуться «за ленточку», чтобы захватить пару престарелых сепаров для своего обменного фонда — ну, не берут они столько пленных, чтобы менять их на своих табунами сдающихся «героев»!

— Чего прохлаждаешься? — орёт он напарни-

ку. — Давай сматывай меня быстрее, и дуем на подстанцию. Или ждёшь, пока они не пристреляются?

И снова недолёт. Спускающийся вниз Андрей Макарович этому уже даже не удивляется. Молча они забираются в кабину грузовичка, молча разворачиваются. Их провожает очередной «ба-бах». Уроды косорукие.

* * *

Они много молчат. Но это комфортное молчание, которое бывает только между друзьями. Война сближает людей. Это ужасно, но это — жизнь.

— Завтра надо ретранслятор мобильной связи ставить на четырнадцатом, — сообщает Андрей Макарович.

— Знаю, — кивает Вася. — У Райкиного гастронома. Решили, что там безопасно.

— Ну да, — кивает Андрей Макарович. — Там давно прилётов не было. Даст Бог — и не будет. Наши вчера Красную Гору взяли.

Еще один кивок. Это Вася тоже знает. Напарники молчат. После обстрела утробное рычание движка практически не распознается слухом — кажется, в кабине царит тишина.

— А мне вчера пенсию выдали, — сообщает Андрей Макарович. На душе теплеет: вместе с пенсией почтальон принёс письмо от Кирюхи. Тот со своей частью был как раз под Красной Горой, судя по штемпелю полевой почты. Письмо Андрей Макарович ещё не читал.

— Мне тоже.

— Давай сделаем крюк к Райкиному гастроному? — предлагает Андрей Макарович. — Оценим фронт работ и возьмём маленькую на вечер. Посидим, отпразднуем взятие Красной Горы.

— Заметь, не я это предложил, — улыбается Вася. Но Андрей Макарович уверен, что его напарник, несмотря на своё алкогольное прошлое, выпьет в меру и не напьётся. Иначе бы не предлагал.

Вызов может прийти в любую минуту. Их только двое на всю большую централь, дающую свет — а значит, и воду, и тепло — в несколько районов областного центра и жмущихся к нему посёлков. Они делают самую обычную работу, но от работы этой зависит очень многое.

К тому же здесь, на Донбассе, даже самая обычная работа — уже подвиг.

Последние минуты

— Всё очень просто, — говорит мужчина в камуфляже с «вольфсангелем» на шевроне. — Камеру видишь? Сейчас я её включу, а ты на камеру скажешь, что русские бегут. Бегут, бросая своих раненых. Вот и тебя бросили.

Тот, кому он говорит это, лежит на земле. Собирается с силами. Сил у него мало, хватит только на то, чтобы сказать, но совсем не то, чего хочет бандеровец.

А тот ходит гоголем, буквально упиваясь своей властью. Ещё бы — его собеседник не может дать сдачи. Даже не потому, что безоружен — солдат не чувствует ни рук, ни ног. Их разведгруппа пробралась к нацистскому складу боеприпасов. Уточнила, что склад действительно существует — из немецкого грузовика бандеровцы как раз разгружали снаряды для РСЗО. Но тут их накрыла охрана склада. Завязался бой, и командир, видя, что окружение не прорвать, вызвал огонь на себя.

Четверо погибли на месте. Уцелел только он. Наверно, если бы ему оказали квалифицированную медицинскую помощь, как того требуют

Женевские конвенции, его можно было бы спасти. Но помощь ему никто оказывать не будет. Его били ногами, чтобы он пришёл в себя. Потом прострелили ему ноги, хотя он и так уже их не чувствовал — осколочные ранения. Руки пробили штыком по запястьям. В раны тыкали шомполом автомата, раскалив на костре.

Спрашивали что-то. Он не отвечал. Подносили раскалённый докрасна шомпол к глазам, грозились выжечь. Он не отвёл глаз, хотя «слепые пятна» до сих пор застили взор. Вообще, грозили самыми страшными пытками, но тут пришёл вот этот, с камерой.

По-русски говорит с акцентом, но не украинским, другим каким-то. Подкурил сигарету, дал затянуться. Пообещал привести врача из МКК.

— Подлечат — отдадим по обмену. Но сначала… — и на камеру показывает.

— А… что… тебе… ещё… сказать? — говорить трудно, очень трудно.

— Ещё? Ну, расскажешь, что в армию записался от нищеты. Что живёте в России бедно. Ходите в дырку в полу. Едите одну пустую пшёнку. Что воровал стиральные машины для офицеров. Что никогда в жизни не видел «Нутеллы», даже не знал, что бывает что-то такое вкусное…

— Ложь… — говорит он. — Всё… это… ложь…

Его собеседник присаживается на корточки рядом с ним, мягко улыбаясь:

— Конечно, ложь. Но это не имеет никакого значения. Когда эта ложь будет на Ютубе, ей все поверят. Никто не будет проверять, правда ли это. Так что соберись с силами, сейчас вколю тебе адреналин… — Нацист достаёт из кармана одноразовый шприц, демонстрируя раненому, — оттарабанишь — и в больничку…

Туманящимся взглядом солдат смотрит на нациста. Тот говорит по-русски. С акцентом, но правильно. Можно не обращать внимания на акцент. Многие говорят чисто, без акцента. Но они другие. Душа у них другая.

Они думают, что ложью можно чего-то добиться. Потому и лгут о своём величии. Лгут — и сами своей лжи верят. Но ложное величие — это ничто. Пустышка.

— А… если… нет? — спрашивает солдат. Лицо нациста из елейно-слащавого становится жёстким. Он прячет шприц обратно в карман, выпрямляется…

…и с размаху наступает кованым сапогом на кисть солдата, безвольно лежащую на земле. Больно ужасно, но боец сдерживает крик, из его

груди вырывается только хриплый стон.

— Больно? — участливо переспрашивает бандеровец. Солдат чуть заметно кивает. — Будет ещё больнее. Так что, скажешь?

…он вспоминает родной дом в маленьком поволжском городке. Вспоминает родной двор, где они с братом, с друзьями гоняли в футбол. Школу родную вспоминает и девочку с передней парты, с которой встречался в выпускном классе. Вспоминает её улыбку…

Вспоминает отца, как он учил их с братом обращаться с инструментом, мастерить из дерева разные поделки, как рассказывал об устройстве двигателя их старого жигулёнка, который отец принципиально не хотел менять на новую машину. Как они возвращались из гаража, перемазанные машинным маслом, и мама нарочито-сурово гнала их отмывать лицо и руки. А потом угощала их вкуснейшим ужином — домашними куриными котлетами с нежной пюрешкой или макаронами по-флотски, которые их отец любил и привил эту любовь сыновьям…

Вспоминает почему-то небо над красными крышами, как меняется оно по весне, становясь из серого ярко-синим, как глаза одноклассницы Наташки. Вспоминает старую берёзу у могилы деда

— ветерана войны. Осколок, который хирурги не сумели достать, убил его через тридцать пять лет после Победы.

И кажется, до всего этого рукой подать. Сделай то, что требует бандеровец — и всё. Тебя поймут и не осудят. Что ты мог с простреленными ногами, с пробитыми штыком руками? Ничего, но…

Нельзя. Не купишь жизнь, предав то, что дорого. Нельзя предавать Родину, ведь Родина — это твои отец и мать, твой дом и школа, берёза во дворе и гараж с жигулёнком, это твои друзья и девочка Наташа с первой парты. Это вечное синее небо, которое будет меняться с каждой весной.

И израненный солдат… улыбается:

— Скажу… давай… включай… камеру.

Позабыв об обещанном адреналине, нацист включает камеру и наводит её на солдата.

— Мы в эфире, — говорит он. — Идёт прямая трансляция с места, где агрессор, отступая, бросил своего раненого бойца. Мы привели его в чувство, и он хотел бы сказать пару слов…

— Идите… вы… — чётко говорит солдат, добавляя, куда именно, — и ты, и ваше ВСУ, и НАТО, и США. Русские… не сдаются! Слава… России!

Гримаса ненависти искажает лицо бандеровца. Не контролируя себя, он выхватывает из кобуры

пистолет и стреляет в лицо раненого бойца. При этом камера продолжает снимать. Спохватившись, нацист выключает её, а потом проверяет пульс солдата. Но тот уже мёртв.

Злобно пнув труп, нацист уходит, бормоча про себя что-то про проклятых русских фанатиков, готовых умереть за свою Родину. Только что он убил безоружного, раненого человека. Убил, но так и не сумел победить.

Его рубашка

Аня живет в Москве. У Ани желтоглазый кот, работа с девяти до пяти и две пересадки на метро, маленькая студия — даже парк из окна видно, «своя» кафешка на Чистых прудах, где играют на пианино, подружки, мама, у мамы — дача… Словом, у Ани обычная жизнь. И даже неплохая. Мама здорова, кот приучен к лотку и воспитан не драть обои, зарплата — хорошая, подружки — такие, что и в огонь, и в воду, официантка в «кафешке» кивает: «Как всегда?»

Аня живет в Москве. Это очень далеко от войны. Анины подружки знают, что в случае чего вроде бы надо укрыться в метро, время от времени переводят деньги на сбор для наших ребят («потому что наши»), читают «телегу»[11] по диагонали, не успевая следить за новостями. Война идет где-то *там.*

Но Аня знает, что война ближе, чем думают подружки. Аня знает, за что мы воюем и почему это важно. Она не говорит об этом в офисе, никого не переубеждает, просто держит знание в своем

---

[11] Примечания: 11

«Телега» (*разг.*) — сокращенное наименование мессенджера.

сердце. Тихая, неконфликтная девочка из Москвы, сердце которой сейчас там, на передовой.

* * *

Это было, кажется, так недавно. Или — ужасно давно? Он уехал, и неяркое московское солнце на миг вышло из-за туч, высветило золотым русые волосы ее героя. Камуфляж, небольшой, но плотно набитый рюкзак, ботинки на шнурках.

Это было, кажется, так давно. Или совсем недавно? Они познакомились на какой-то вечеринке. Светлоглазый юноша говорил об Айвазовском — об изумрудных волнах, золотых бликах, переходах цвета. Говорил о том, что искусство вечно, а русская школа — одна из величайших на свете. Андеркат, приталенная рубашка, узкие джинсы… И все же что-то отличало его от модной молодежи, собравшейся в тот вечер. Возможно, убежденность, с которой он говорил о русской культуре. Тихая, молчаливая Аня вдруг вступила в разговор.

Разговор продолжился далеко за полночь. Они стояли на балконе и всё говорили, говорили, говорили, говорили, узнавали друг друга. Много еще было таких разговоров — обо всем. Они встречались то в музеях, то в парках, в ресторанах, на

показах фильмов, говорили, говорили, говорили… И как-то само собой случилось, что зубная щетка Андрея поселилась в ванной у Ани, а его рубашка заняла место в ее шкафу. Его рубашка.

Они планировали пожениться через год. Неторопливо выбрать платье, ресторан, взять «двушку» в ипотеку. Дети, конечно, тоже будут — двое, мальчик и девочка, а лучше — чтобы близнецы.

Потом пришла повестка.

— Что будешь делать? — спросила Аня. У нее уже была пара знакомых, живущих по чужим квартирам и спешно заказывающих билеты.

— Не понял? — Взгляд Андрея стал жестким, глаза потемнели.

— С этим, — дрожащими пальцами девушка взяла повестку со стола.

— А что можно делать? Меня позвали — и я иду. Какие еще варианты? Там гибнут ЛЮДИ. — Последние слова Андрей выделил особенно. — Женщины и дети, мужчины, старики. По ним уже восемь лет стреляют. Ты понимаешь? Восемь лет обстрелов, подвалы, кровь, страх. Нацистские ублюдки, которые убивают своих же. Представь, если бы это ты не знала, *кто* идет в камуфляже тебе навстречу и наступит ли завтрашний день?

Это было ужасно давно. Русые волосы на полу в парикмахерской, вместо анорака — ёжик, вместо узких джинсов — камуфляж. В рюкзаке — лекарства, стельки, термобельё. В стаканчике в ванной — только одна зубная щетка. Уходя, он целовал ее в припухшие веки. Сердце будто вырвали.

Но Андрей знал, зачем он туда идет и за что будет воевать. И Аня узнала.

* * *

По утрам она берет свою одинокую щетку. Чистит зубы. Наносит тоник. Сыворотка, крем, масло для волос. Сегодня выходной. Можно выпить кофе, не торопясь. Она читает новости… И вдруг замирает. Видеосюжет — родное лицо, светлые глаза, короткий ёжик, камуфляж. Он не захватил вражеского шпиона, не прорвал линию обороны, не награжден орденом или медалью. Но он делает то, что должен. Честно и добросовестно выполняет работу, которую дала ему Родина. И если Родина потребует больше — сделает все, что сможет. У него пока нет звания Героя, но он — один из тысяч героев, которые пошли по зову своей страны. Ее герой.

— За что вы сражаетесь? — спрашивает корреспондент.

— За жизнь, — твердо отвечает Андрей. — За мир.

За считаные месяцы его мир изменился. Он совсем не такой, каким был раньше. Мир разделился на «до» и «после». В его мире больше нет пересадок на кольцевой, кофе с собой, модной стрижки, французской рубашки. Там не говорят о художниках, лишь обмолвятся о «музыкантах»[12] — с уважением. Здесь всё совсем по-другому. Идет битва — не за последний айфон или билет на «Щелкунчика» в Большом, идет битва за мирное небо над головой. За жизнь. И не важно, кем ты был до, что ты делал, чего страшился и о чем мечтал. Важно, кто ты есть сейчас. И парни, которые прибыли сюда, — такие, как Андрей, многие-многие жители больших и маленьких городов, оставившие привычный уютный мирок, чтобы сражаться за свою страну, — знают это. Они — настоящие герои вне зависимости от наград.

Аня смотрит на изумрудную зелень парка и город, лежащий за этим зелёным морем, улыбается городу и миру. Кот щурится на подоконнике. Девушка отставляет чашку и грациозно, будто танцуя, подходит к платяному шкафу. У Ани

---

[12] Примечания: 12

«Музыканты» — народное название бойцов ЧВК «Вагнер».

много красивых платьев, но сегодня выходной, потому она игнорирует свои наряды. Вместо шёлка и ситца Аня выбирает висящую на плечиках мужскую рубашку. Осторожно снимая плечики с вешалки, подносит рубашку к лицу, зарывается в ткань, втягивая носом запах…

Она вспоминает день, когда впервые надела эту рубашку. Вернее, не так: это Андрей набросил свою рубашку на Анины обнажённые плечи, когда они только въехали в эту студию и поздней ночью решили выйти на лоджию, чтобы любоваться светом фонарей, пробивающихся сквозь листву. На короткое мгновение ей становится грустно — его нет уже так долго. Кажется, это было совсем недавно. И кажется — ужасно давно. Вот и сейчас его нет рядом, он пока очень далеко, но она ждёт…

В этой рубашке, в ощутимой только ей самой ауре их аромата она чувствует себя в полной безопасности. Иногда Аня ходит в ней целый день, если не нужно никуда идти. Иногда — надевает вечером, придя с работы, или даже просто набрасывает на плечи, когда становится не по себе, когда холодной змеёй подкрадывается страх.

Он знал, что так будет, — он вообще, кажется, всё знает, всё может предусмотреть. Когда они

расставались, он сказал ей:

— Если тебе будет грустно, надевай мою рубашку.

Андрей не объяснил, зачем это надо, но она послушала его. И первый раз набросила её на свои плечи через несколько дней — после выпуска новостей.

Она смотрит каждый выпуск новостей, но больше не боится. Почему? Потому что верит. Потому что надеется. И потому что любит.

Больше жизни любит того, кто набросил на её плечи эту рубашку.

Надеется, что их разлука не будет долгой — и теперь каждая сводка новостей говорит ей об этом.

Верит, что с ним ничего не случится. И знает, что он вернётся к ней, потому что любит. Эта любовь хранит их в самых страшных испытаниях. Эта любовь делает его непобедимым. Невидимой рукой их любовь отводит от него пули и осколки, слепит глаза снайперов и заставляет снаряды пролетать мимо, не причиняя вреда.

Потому что сильнее смерти любовь и тот аромат, в который она закутывается, как в одеяло, и который он там, на Донбассе, тайком вдыхает, прикладывая к губам её шарфик, повязанный на вокзале в момент расставания, — это запах

их любви. Их будущего. И сама Смерть робеет, ощутив этот еле уловимый запах…

Он вернётся. Уже скоро. Она знает это.

Этот мир уже никогда не будет прежним, но он вернется, и они построят его заново. И будет платье, будет торт, «двушка» у парка, будут двое детей — мальчик и девочка, а лучше чтобы близнецы.

Часть II. Дети подвалов

«Россия, проснись!». Дети из села Любечане,

Брянская область, 2 марта 2023 года

Взрослый

Лето. Димка валялся на кровати. Димка не делал зарядку. Димка завтракал бутербродом вместо каши. Димка долго читал книжку. Все — потому что лето. Каникулы. Сейчас бы еще с пацанами в футбол погонять.

Но мама не велит. Мамы сегодня весь день не будет дома. И, уходя, она говорит:

— Только не выходи никуда, малыш? Пожалуйста.

Димка фыркает. Какой же он малыш? Он уже взрослый ведь, целых восемь лет.

— Слышишь? Никуда не ходи. Я тебя очень прошу. Скоро я увезу вас туда, где не стреляют. Там будет безопасно. Нагуляешься еще.

Стреляют только по мастерским у железки, не по жилым домам. Но что-то в глазах матери сквозит такое, что не позволяет ему ослушаться. Ключ в двери поворачивается. Мамы сегодня не будет весь день. Она уезжает в Донецк за продуктами для магазинчика.

У Димкиной мамы длинный список. («Дрожжей закажи, дочка. Совсем вышли. Как теперь печь?» — скажет Марья Алексеевна из седьмой квар-

тиры.) И мама закажет. В списке будут дрожжи, макароны, томатная паста в жестяных банках, мивина[13], мука, подсолнечное масло… Продукты нужны всем, а магазинчиков в городе почти не осталось. Димкина мама не считает, что она делает что-то особенное, но Димка знает — его мама очень крутая. Папа говорил, что «механика» — не женское дело, но мама выучилась водить красный «лансер» с прицепом еще давно. Теперь пригодилось. Больше-то некому — все мужчины в ополчении.

Мама возвращается с работы поздно. Суп она вчера сварила, но дома кто-то должен убраться. Димка моет посуду. Запускает стирку. Подметает полы. Когда поднимется Лёха с первого этажа, Димка с мокрыми коленями как раз будет выжимать тряпку.

— Всё полы намываешь? Ты что, девчонка? — смеется Лёха.

— Сам ты девчонка! — дает ему тычок Димка. Завязывается борьба в коридоре, мальчишки сопят. Наконец Димка кладет друга на лопатки и наставительно говорит: — Просто ты малой еще, а я уже взрослый.

---

[13] Примечания: 13

Мивина (с ударением на вторую и) — лапша быстрого приготовления, любая.

— Я не малой! — обижается Лёха. — А вот Славик говорит…

— Хай говорит, — отмахивается Димка. — Пока отец воюет, я за мужика в доме. А настоящий мужик никакой работы не боится.

Димке восемь лет, но он уже про всякое понимает. И про что понимает, тому учит свою сестру Катюшку и младшего друга. Он будет говорить долго. Про войну, про отцов, про то, что их матери работают с утра до утра, а кто-то — и в три смены.

Мама уехала на весь день. Надо забрать Катюшку. До сада совсем недалеко — пройти через дворы, потом через сквер. Димка вдыхает летний воздух — он еще теплый, но уже чувствуется вечерняя свежесть. Лето…

Знаете, это такое чувство, когда впереди целое лето. И будут казаки-разбойники, воды, тайны, секреты, карты, клады, можно перелезть через забор и объесться черешни (и пусть она немытая и даже немного незрелая, все равно детям от нее ничего не будет, так уж повелось). Когда впереди целое лето — такое чувство, что обязательно пройдет что-то хорошее, будет приключение, будет такое, эдакое, волшебное.

Так вот этого чувства у детей Донбасса нет.

Отцы на войне. Кто-то из друзей уже уехал в эвакуацию, кто-то — скоро уедет, а кто-то… не уедет уже никогда.

Димка идет через парк. Тут и там цветут на клумбах петушки[14] — бордовые, фиолетовые, желтоватые, светлые. Мама любит петушки. И Катюшка любит. Она будет останавливаться у каждой клумбы. Димка строгий, не разрешает рвать цветы. Поэтому Катюшка только

смотрит.

Они идут через парк домой. Катюшка прыгает с плитки на плитку — только бы не наступить на линию, когда Димка слышит звук. Дети Донбасса хорошо разбираются в оружии. Они не то что гаубицу с миномётом не спутают — по звуку знают, что по ним стреляет, какая модель, с какого расстояния и чем это чревато. И Димка сразу понимает, что звук не такой, как прежде, — близко, слишком близко.

Он еще не успевает додумать как следует эту мысль. Просто валится на асфальт вместе с сестрой. Катюшка снизу, Димка сверху, накрывает сестру. Потом кто-то кладет ему на спину раскаленный утюг…

---

[14] Примечания: 14

Петушки — так на юге называют ирисы за форму цветка в виде гребня.

Я встречаю его в донецкой больнице. Дима заново учится ходить. Опираясь на ходунки, идёт по коридору больницы. Проходит к своей палате, тянет на себя дверь. Спешу ему помочь, но Дима помощь отвергает:

— Не надо, сам справлюсь.

— Почему? — спрашиваю я.

— Я взрослый уже, — отвечает он. — Взрослый мужчина во всём должен рассчитывать только на себя.

Они все-таки уехали. Но не туда, где безопасно, а туда, где есть врачи, которые каждый день вытаскивают осколки из детей и взрослых, зашивают рваные раны, пришивают оторванные пальцы, вытаскивают с того света.

У Димы на тумбочке — самодельная картонная открытка с карандашным рисунком. Два покосившихся дома справа и слева, между ними — клочок неба, два ярко-красных взрыва — слева и справа, а посредине — чёрная фигурка, прижимающая к себе другую, тоже чёрную, но с большим красным бантом. У маленького художника было, наверно, только три карандаша — чёрный, синий и красный.

— Это Катюшкино, — поясняет Димка. Он и сам знает, что маленькие девочки не должны

так рисовать. На рисунках у маленьких девочек обычно светит солнышко, распускаются цветы, взмывают вверх зеленые деревья, держится за руки счастливая семья.

Катя в той же больнице, только в другом отделении. С ней работают психологи — у девочки тяжелейший посттравматический шок. Девочка никогда не забудет запах теплого асфальта и крики брата. Димка кричал страшно. А кто бы не кричал?

Диму психологи тоже смотрели:

— Сказали, что я крепкий парень. — Он улыбается, очень сдержанно, уголками рта. Если учесть, что каждый шаг отзывается у него болью, — это неудивительно. Осколок мины вошел ему в спину. Раздробило несколько позвонков в поясничном отделе, собирали буквально по кусочкам. Думали, что Димка останется парализованным. Он до сих пор помнит мамино белое лицо — белее только халаты в операционной. Врачи сказали: Димка не сможет ходить. А он смог.

— Понимаете, мне нельзя здесь валяться. Нельзя быть обузой. У меня есть Катя. И мама есть. Папка воюет — вот кто о них позаботится? Кроме меня — некому.

Героем себя Димка не считает.

— Герои — это те, что на фронте, как папка. А я что? Каждый же на моём месте так сделал бы! Катька — сестра моя, я за неё отвечаю.

Димка очень старается. Но реабилитация — это ужасно долго. И, если честно, ужасно скучно. Димка просит принести ему книжку про героев. Чтобы приключения и все такое. Димка просит книжку про героев.

А я думаю, что напишу такую. Про мальчика, который в свои восемь лет храбрее многих взрослых мужчин, которые побежали, как только запахло жаренным. Про мальчика, который, пока эти взрослые, сидя в тепле и безопасности, рассуждали о том, что войны нет, все это фейки, вранье и вообще Донбасс сам виноват, сделал в свои восемь лет больше, чем стоят все эти взрослые.

Отец

Что такое отец? Отец — это сильные руки, которые поднимают тебя, чтобы ты мог дотянуться до самого красного яблока. Отец — это могучие плечи, на которых ты сидишь, маленький, и смотришь салют в День Победы. Отец — это твой защитник, твоя стена и опора в этом мире. Отец — это справедливый совет, который поможет, когда ты, став старше, поругался с другом. Отец — это разговор по душам, совместный поход на рыбалку, проторенная лыжня, футбольный мяч, который ты в первый раз забиваешь ему в ворота, отец — это вместе ковыряться в открытом капоте, потом смотреть фильм и есть макароны с тушенкой на ужин…

Но что, если его так долго нет? Что, если ты видел отца всего несколько раз за свою жизнь? Такое бывает, когда живешь на войне. Здесь нет салютов — только рвется за окном железный дождь, наполняющий землю кровавой рекой. Дети, которые могут лучше учителя ОБЖ объяснить, как вести себя во время обстрела, определяют по звуку летящий самолёт, а по осколку — снаряд, могут рассказать, каково это — знать отца боль-

ше по маминым словам, чем по собственным воспоминаниям. Так живут дети Донбасса.

Арсен знает своего отца. Мама говорит о нем каждый день. Папа ушел воевать на фронт, чтобы защитить тех, кого пытается сломить нацистская рука. Папа Андрей — боец ополчения с первых дней, сейчас — боец легендарной «Спарты». Арсен знает и в честь кого назвали его самого — это папин командир, он герой, такой же смелый, как папа (ведь смелее его папы не бывает). Тот Арсен, в честь которого его назвали, уже погиб. Но бывших командиров не бывает, как и бывших отцов, не важно, жив ты или нет.

Отец Арсена жив. Каждый день они надеются, что он жив. Каждый день ждут его весточки оттуда. Там — это совсем недалеко, на машине доехать можно. Но там — совсем другое дело, там идет непрекращающаяся битва. Раньше война была прямо здесь, каждый день, теперь — понемногу отступает. Каждый день, каждый час отступает благодаря нашим ребятам. Каждый метр этой войны, которую гонят наши бойцы прочь от мирных домов, пропитан кровью. Вчера союзные силы подавили артиллерию врага в Авдеевке. После нескольких недель самых сильных и интенсивных обстрелов за весь период войны

пушки нацистов наконец замолчали.

— Мама, а мы уже умерли? — спрашивает Арсен. Он знает, что нет, но ему очень нужно говорить. За сутки все изменилось, мир будто стих, и мальчику, еще недавно засыпавшему под колыбельную канонады, просто нужно сейчас говорить.

Ольга смотрит в окно. За окном зима, но снега нет. Детская площадка, кусты сирени. Она надеется увидеть, как цветет сирень, вновь. Только уже под мирным небом.

— Нет, конечно, — отвечает она тихо. Здесь все говорят тихо — словно враг, притаившийся на горизонте, может услышать. — Почему ты так решил?

— Очень тихо, — серьёзно говорит Арсен. — Так тихо уже очень давно не было.

Действительно, эта ночь очень тихая. Не слышно канонады, не слышно прилётов. Ольга боится загадывать, но твердо верит — это теперь новая жизнь. Это теперь навсегда. И Арсен верит. И даже не боится — он ужасно храбрый, весь в отца. Ольга притягивает мальчика к себе. Они немного молчат вместе.

— Это потому, что мы прогнали врагов, — медленно произносит Ольга. Точно пробует слова

на языке.

— И папка вернется? — тут же спрашивает мальчик. Он так долго ждал, когда сможет задать свой вопрос. Самый главный вопрос в его жизни: папка вернется? У него есть друзья, к которым отец не вернется уже никогда.

Это очень тяжело. Это почти невозможно объяснить такому большому, но все еще маленькому человеку, что война не заканчивается, как только прекращаются обстрелы. Откуда ему знать? Он не видел мира без войны. Он не знает, как это бывает, когда заканчивается война. Да и сама Ольга… Еще не знает, но ждет так же горячо, как и сын. Однажды война закончится, и он вернется домой — тот, что храбрее всех. Отец ее ребенка. Мужчина с большой буквы.

— Уже скоро, сынок. Еще немного осталось. Сначала папка добьет врага, чтобы тот никогда больше не вернулся. — Ольга говорит увереннее. Слова становятся твердыми, почти осязаемыми.

Арсен кивает. Это он понимает. Он так долго ждал — целую жизнь. Подождет и еще немного. Главное, чтобы враг ушел навсегда. Он не знает отца, который ходит с ним на рыбалку. Не знает отца, который держит его на плечах в День По-

беды, который разводит костер у палатки в лесу, рубится с ним в шашки, сидит на трибуне, пока Арсен играет свой футбольный матч в школьной команде… Сколько еще всего он не знает про своего отца.

Но Арсен знает отца-героя, который бьется на фронте — бьется за лучшую жизнь для них самих, их родственников и друзей, для всех жителей окровавленного, но несломленного Донбасса. Бьется за мирную жизнь. За самую обычную жизнь. И битва его продолжается. Отец нужен им с мамой, но и на фронте он тоже нужен — куда же без папки? Там без папки никак нельзя, ведь он самый храбрый.

И Арсен подождет. Он знает, что отцовское дело важнее всех прочих дел на свете. И он будет ждать столько, сколько нужно, потому что верит, что однажды в донецком небе расцветёт салют в честь Победы — той, что уже была, и той, что еще только будет. И они с отцом будут вместе стоять, задрав головы в небо, и его рука будет лежать в твердой и большой отцовской руке. Так обязательно случится.

Пабеда

Тетя Наташа скоро придет. Если ничего не случится, конечно. Но тетя Наташа — она такая правильная, с ней никогда ничего не случается. Она всегда приходит вовремя, ни разу даже не опоздала, всегда на ней идеально выглаженная блузка с чуть повыцветшими розами, строгая коричневая юбка — всякий раз одна и та же.

Мишка ставит чайник. Забирается на табуретку и вытаскивает чашки. Немного варенья — бабушка упрямо варит его каждый год. Чуть-чуть сахара в сахарнице. Мишка с сахаром не любит, бабушка экономит, а правильная тетя Наташа говорит, что сахар для здоровья вредный. Но ритуал есть ритуал. Если есть гостья, значит, должны быть чай, варенье, сахарница и салфеточки — бабушка сама их крючком вязала.

Бабушка вообще мастерица. Она уже не так хорошо видит, но все равно вяжет. Что угодно может: распустит старый свитер — будет Мишке кофта теплая, а из остатков — варежки с носками. Петля за петлей, петля за петлей, пропустила — распусти, и опять, упорно, спокойно — петля за петлей. Иногда это помогает не сойти с ума.

Если есть бабушка, должны быть спицы и клубок. Когда совсем становится невмоготу от ужаса, который делают люди с людьми, только привычные ритуалы помогают удержаться и осознать, что ты все еще живой — просто кто-то устроил этот ад на земле.

Тетя Наташа приходит вовремя. Ставит туфли в обувницу, моет руки. Присаживается на табуретку, разглаживает юбку.

— Ну что, Мишка, не передумал?

Мишка упрямо мотает головой. Тут как раз бахает. Но Мишкина рука, разливающая чай из чайника в советский сервиз — бабушка сберегла! — не дрогнет.

— Это далеко, — сообщает Мишка со знанием дела.

— Может, все-таки поедешь со мной?

— А как же я Бабаню оставлю? — вскидывает на нее глаза Мишка. Глаза у Мишки голубые — что вода в озере, прозрачные, чистые. Взгляд их твердый, до самого сердца проникает. Тетя Наташа отводит взгляд. Ей сложно сказать правду.

Бабаня — это Анна Анатольевна. Бабушка Аня. Мише, правда, она никакая не бабушка. Просто соседка дяди Толика. Когда Мишке было полтора, его родители умерли. Умерли во сне. В их дом по-

пал снаряд, они даже ничего и не поняли, просто умерли. Не самая ужасная смерть по сравнению с тем, что случается, когда фашисты приходят убивать. А Мишка выжил — чудом. Он спал в своей кроватке, и плита, раздавившая родителей, лишь смяла-выломала деревянные прутья с одной стороны.

За окном раздается еще один взрыв. Чуть ближе. В Киевском районе стреляют чаще других. Тетя Наташа смотрит в окно. Потом на Мишку.

— Что ты будешь делать, когда прилетит сюда? — настаивает тетя Наташа. — Здесь оставаться опасно.

— Было бы близко — стёкла бы вылетели, — хмыкает Мишка. — У нас два раза вышибало. Дядя Толик вставил.

Дядя Толик — это мамин брат. Он тогда Мишку и забрал. Он в соседней квартире живет. Но у дяди Толика своих трое, причем Антошка тогда совсем маленький еще был, титьку просил. А Мишка все время плакал. Даже не плакал — выл. Истово, монотонно, на одной ноте. Осиротевший в одночасье, испытавший ужас, когда в один миг вместе с обрушившимся на голову домом рушится вся его маленькая жизнь. Он никак не мог понять, почему нет мамы и папы, почему он

плачет, а они не приходят. Тогда-то и появилась Анна Анатольевна. Пришла из соседней квартиры. Просто взяла Мишку и увела к себе. Что-то она ему говорила, во что-то они играли, кашу варили. Дядя Толик с женой были благодарны соседке за передышку. Мало-помалу Мишка выть перестал и… остался. Дядя Толик его забрать хотел, а Анна Анатольевна сказала: мол, пусть остается, она ведь одна, совсем никого не осталось, сыновей война забрала, незачем стало жить, а вот для Мишки она поживет еще. Мишка вновь стал говорить слоги. А первое его слово было: «Баба Аня». По-мишкиному — «Бабаня».

По документам он у дяди Толика жил. Тот опеку оформил, чтоб Мишку в детдом не забрали, всё как полагается. По-настоящему — у Бабани. Вместе куховарили, вместе полы мыли. Вместе спускались в подвал, когда стреляли по району. Бабаня теперь с трудом ходит, с работой по дому ей тоже справляться тяжелее стало, но Мишка уже подрос — во всем помогает. Когда им приходится ночевать в подвале, Мишка говорит:

— Бабаня, пошли спать. Во сне умирать не так страшно.

Его мир — война. Война была, сколько он себя помнит. В любой момент мог погибнуть кто-то из

друзей, мог быть ранен кто-то из соседей. Были прилёты, горели дома. И всегда были фашисты.

— Никогда не поеду, — говорит Мишка. — От снаряда всё равно не убежишь. Но вы чай пить все равно заходите. Если не придете, волноваться буду.

Он не верит, что в мире есть место, где не бывает прилётов. Тетя Наташа — социальный работник. У нее такая работа — приходить и уговаривать. Кто-то даже соглашается. Потому что если есть возможность спасти своего ребенка… В общем, есть те, кто соглашается. Но не Мишка. Бабаня и сама ему предлагала, но Мишка даже обсуждать это запретил. Она его вернула в жизнь, она его вырастила. Теперь его черед заботиться.

— Тетя Наташа, у вас ведь есть муж? — вдруг спрашивает Мишка. — Он воюет?

— Да, — растерянно кивает соцработница. — Воюет.

— Передайте ему вот это. — Мишка вытаскивает картинку. Там нарисован российский танк с двумя флагами: белый, синий, красный и черный, синий, красный. Флаги России и Донецкой народной республики. Танк едет, даже еще не стреляет, а от него разбегаются маленькие фигурки — без лиц, но с рогами. Внизу большими

буквами выведено: «ПАБЕДА!!!»

— Я желаю ему поскорее победить, — говорит Мишка. Он не верит, что есть мир без прилетов, но твердо верит, что такой может быть. Для этого нужно только одно — победить.

Мишка не поедет с тетей Наташей. Мужчины воюют, а у него тоже есть дело — зорко следить, чтобы с Бабаней ничего не случилось, чтобы Бабаня увидела, как победят наши.

Пятёрка

«Вот бы сейчас в школу», — шепотом говорит Варя. Кто бы мог подумать, что непоседливая девчонка с вечно растопыренными косичками, сбившейся от беготни на переменах юбкой, — София Павловна всегда качала головой и молча возвращала непослушную юбку на положенное место, — девчонка, которая считала уроки письма самыми скучными на свете и, не раздумывая, променяла бы любой из них на беготню в парке, девчонка, которая нередко приносила домой четверки, а то и тройки из-за помарок в тетрадке, словом, обычная, немного суматошная, смешная, веснушчатая, Варька из третьей квартиры, будет зябко поеживаться в отцовской пайте[15] с подвернутыми рукавами, сидя за тетрадкой, и мечтать о школе.

Теперь она — Варька из подвала. Все они — дети подвалов. Правда, детей осталось уже не так много. Их поселок очень маленький. Маша, Алена, Катя больше не проберутся поиграть, их семьи уехали в эвакуацию. Перед отъездом девчонки

---

[15] Примечания: 15
Пайта — теплая кофта, толстовка, фуфайка.

поклялись: «Подружки навсегда!» Потом они уехали в Россию.

Интересно, какая она — Россия?

— МалАя! — позвал Женька. — Ты чего задумалась? Мне тоже еще домашку делать.

Рабочее место у них в подвале одно на двоих. В углу, у крохотного светового окошка, куда иногда проникает немного света, если отодвинуть закрывающую его заслонку, стоит старый стол. За ним занимаются по очереди Варя и Женя — сын соседей. На самом деле им еще повезло — их подвал довольно большой, в нем помещаются три семьи, у многих такого нет.

Школу разрушили год назад — попал снаряд. Возможно, из «Акации». Били прицельно, но в тот день уроки отменили — предупредил кто-то с другой стороны. С *той* стороны. Там у многих были родственники, друзья. Пока еще держалась мобильная связь в городке, бывало, с *той* стороны взрослые получали по телефону проклятия и пожелания «сдохнуть вместе со своей Россией» — от кумы или тети, которая еще недавно присылала детскую одежду в большой коробке, перемотанной почтовым скотчем. Но были и те, кто предупреждал об обстрелах.

Всего этого Варька и Женька, конечно, не знали.

Они знали лишь то, что вечером придет Софья Павловна — учительница начальных классов. Учительница школы, которой больше нет. Уже год на месте школы руины. Уцелела только котельная со срезанной посредине кирпичной трубой, одноэтажное помещение, где проходили уроки труда и рисования, и стена спортзала — больше ничего. Даже на школьном стадионе большая воронка рассекает надвое беговую дорожку, захватывая футбольное поле и часть трибун.

А еще Варя знала, что делать уроки важно. Война закончится, будет мир, и в этой мирной жизни нужны будут знания. Так Женька объяснил, он большой уже — целых двенадцать лет. Басом старается говорить, а когда город «накрывают артой», если Варя боится, разговаривает с ней, чтоб не так страшно. Женька сказал — и Варя верила: война обязательно кончится. А сейчас… Софья Павловна говорит, что они и так сильно отстали от школьной программы — придется догонять.

И Варя пишет. Ей задано сочинение — «Мой город». Она очень старается. Варькины буквы — и без того неровные — в неверном свете из маленького окошка выходят еще кривее, но Варя

пишет все равно: «Мой город — самый лучший на свете. Он маленький, но очень красивый. В нём всего несколько улиц, и одна площадь, где храм, автостанция и Дом культуры с колоннами. Там показывают кино и выступают артисты…»

На самом деле в Доме культуры уже давно не идет кино и никто не выступает. Колонны изъедены осколками, стекла выбиты. Поселковый супермаркет закрыт. Только в храме все еще идут службы. Колокольный звон прокатывается по городку, чистый и светлый. Как будто бы ничего не произошло. Как будто бы страха нет.

Когда людям очень страшно, они идут к Богу. Бог большой, огромный, Он всех выслушает, всё простит. Когда стоишь с мамой в церкви, с икон смотрят спокойные глаза святых — они многое выдержали, у них тоже были испытания. Но они не убоялись. И мы не будем. Бог поможет. На Него одна надежда — на Него и на наших ребят-ополченцев.

Варя не хочет писать, что в храме нет крыши и одной маковки, что в ее доме не осталось ни одного целого стекла — в опустевших квартирах гуляет ветер. Что автостанции больше нет — прилёт тяжёлого снаряда превратил в руины это небольшое строение. Она старается вспомнить,

каким все было до войны. Это трудно. Дети редко бывают на улице — это небезопасно ни днём, ни ночью; а когда бывают — не отходят далеко от дома. Только Софья Павловна разносит задания, ходит из дома в дом. Точнее, из подвала — в подвал. Ее даже ранило однажды.

«Но фельдшер тетя Надя — самая лучшая. Когда я бежала и упала на стекло, она мне зашила руку, и всё потом быстро заросло. И Софью Павловну тоже вылечила. И Катину маму.

Катя — это моя подруга. Она уже уехала в эвакуацию. Но она все равно мне подруга навсегда, мы так поклялись. И мы тоже уедем скоро, так мама сказала. Мы будем жить далеко отсюда. Может, даже, где Катя. В России.

Но я все равно буду любить свой город. Он для меня самый…»

— МалАя! — снова зовёт Женька. Софья Павловна придет скоро, он передаст через нее и свою домашку. Надо доделать.

Варя могла бы уже и не писать это сочинение. В подвале стоят сумки — мама собрала. Они уезжают сегодня вечером. Варя будет учиться дальше — там, где над головой не стреляют, в настоящей школе. Там в классах будут целые стекла, парты — может, старенькие, но это все равно хорошо.

А может, даже и новые. Там будут девчонки-подружки. Может, даже Катя. Маша, Алена…

За окном бухает. Варя не вздрагивает — в этот раз далеко, в этот раз нестрашно. Она ставит последнюю точку и уступает место Женьке. Приготовить тетрадки, сложить пенал в свою сумку.

Софья Павловна приходит раньше обычного. Но сочинение уже готово. Она бросает взгляд на сумки, обнимает Варю. Учительница говорит много разных слов про то, что у Вари обязательно все получится в новой школе, что у нее обязательно будет много друзей. Варе и грустно, и немного боязно, и интересно — как там будет, в России. Софья Павловна пишет свой адрес на бумажке — пусть Варя отправит ей письмо, когда освоится на новом месте.

Немолодая учительница успевает прийти домой до того, как начинают стрелять по посёлку. Хорошо, что она сегодня вышла раньше. В своем подвале она склоняется над тетрадками. Сочинение Вари можно было и не проверять, ведь девочка скоро уедет, но учительнице хотелось его увидеть

Немолодая учительница успевает и вывести красивую, аккуратную пятерку — Варя очень старалась, и сочинение вышло и вправду хорошим.

Успевает проверить до того, как узнает, что ее ученицы больше нет. В дом, где жила Варя, попал реактивный снаряд, и на этот раз подвал не смог спасти своих обитателей.

Маленький городок, где жила Варя, действительно был очень уютным и красивым. И в нём никогда не было ни одного военного объекта.

Три мандарина

— Кто нажмет на красный нос, у меня большой вопрос! — пропел Бим-Бом, прихлопывая себя ладонями по животу, словно аккомпанируя на барабане. Тоненькая детская ручка потянулась к носу, но — оп! — клоун уже отклонился от Дани и дунул в крошку-трубу. Ту-ру-ру! Мальчик захихикал, довольный шуткой.

— Нос не дался Дане. Поймает нос мой Ваня? — спросил клоун и наклонился вновь. Хитренькие искорки заплясали в глазах мальчугана. Влево! Вправо! Всякий раз Бим-Бом оказывался проворнее. Клоун надул щеки и показал пальцами, чтобы и Ваня тоже надул.

— Пф-ф! — Клоун хлопнул по Ваниным щекам, и воздух со звуком вырвался в комнату. Ваня радостно хохотнул.

— Очень-очень хитрый нос, его поймай, Александрос? — Бим-Бом подался к Сашке, и тот вдруг поймал. — Какой ловкий мальчик! Отдай мне мой нос, а я за это покажу, как умею жонглировать.

И клоун со своим носом вновь вернулся на середину комнаты, вытащил из необъятных

карманов мандарины, лихо закрутил их в воздухе, самодовольно улыбаясь и раскланиваясь, встал на одну ногу, но потом вдруг зашатался, закачался на этой ноге и плюхнулся на пол, а мандарины, взвившись в воздух, попадали к детям. Маленькая публика дружно рассмеялась, а клоун, сделав сконфуженное лицо, задом попятился из комнаты, словно краб, отсалютовал сестричкам на посте и направился в следующую палату.

— Вот же человек… — сказала одна из сестёр.

— И не говори! — согласилась вторая.

Эти дети… Эти дети прибыли оттуда, откуда многие не возвращаются. Даня, ловивший одной рукой клоунский нос, не имел второй: они играли на улице, и его сестра подобрала «лепесток» — тогда он еще не знал, что это такое. Сестра погибла на месте, а Даня очнулся в реанимации без руки. Ваня, Сашка, Андрюша… У них у всех чего-то не было — руки или ноги. Такая уж была палата. Одна из палат в одной из больниц одного из русских городов, где лежали на реабилитации дети Донбасса. «У обычных детей не бывает выпавшего молочного зуба или десятой по счету машинки, а у них…» — думала Валентина Михайловна.

Она смотрела все сводки. Все новости, каналы. На одном из них с ужасом обнаружила их зеленый

жигуленок. Сначала не поверила. Развороченный снарядом кузов, погнутый и разверстый багажник, из которого разметало сумки, Олечкины кофточки, платья, медвежонка Пашку. И три мандарина, Олечка очень их любила. Три мандарина, странным образом уцелевшие в этой мясорубке. Они аккуратно выкатились и остановились неподалеку от жигуленка, предательски целые.

Потом ей позвонили и сказали то, что Валентина Михайловна и так уже знала. Знала, что их больше нет. Ни Оленьки, ни Вадика, ни мамы. На память о них остались только три мандарина.

В то время Валентина Михайловна играла в Донецком драмтеатре. Роли, конечно, доставались второстепенные, но и актрисой она была еще только молодой, начинающей. Впереди была целая жизнь, она собиралась добиться всего и однажды увидеть собственное имя в центре афиши.

А потом случилась война. Точнее, война в сердцах людей случилась уже давно. И то, что вместо косых взглядов и лозунгов в них полетели снаряды, было страшно, ужасно страшно на самом деле, но… совсем неудивительно.

В тот день Вадик поехал за Олечкой к бабушке, дом которой находился в «серой зоне». Бабушка,

мама и дочка должны были уехать в Россию, потому что если с ребенком что-то случится… Нет, Вадик не мог допустить, чтобы его женщины пострадали. Он решил, что должен сначала позаботиться о них, а потом пойти в военкомат.

В тот день Валентина потеряла всех. Мать, мужа и дочь. Только чертовы мандарины остались лежать на асфальте.

Восемь лет прошло. Но у Валентины Михайловны больше никого нет на этом свете. И не будет. Она еще не старая, хоть и совсем седая, но сердце ее навсегда отдано тем, кого у нее отняли люди, которые… Нет, это были совсем не люди. Совсем не люди обстреливали Донбасс и забрасывали его запрещенными во всем мире жестокими кровавыми «лепестками». Совсем не люди цинично заявляли после этого про самообстрелы. Совсем не люди продолжают и продолжают обстреливать города и сёла, где остались одни только старики и дети. Пока ещё живые старики и дети.

У Валентины больше нет семьи, нет дома. Только съемная квартира в Ростове и уголок в комнате сестры-хозяйки в больничном крыле. Там помещаются только стул и старенький трельяж. Сначала Валентина переодевается, потом достаёт свой грим. Последним штрихом будет красный

нос на резинке и рыжий кудрявый парик.

Дети в больнице не знают Валентину Михайловну, бывшую актрису, так и не попавшую на афиши, грустную женщину средних лет, живущую в съемной однушке с подобранной на улице дворнягой, похожей на помесь пуделя и медвежонка. Они знают доброго клоуна Бим-Бома. С которым хорошо и весело. Который никогда не плачет.

И клоун Бим-Бом выкатывается из палаты задом, салютует сестричкам, достает из кармана три мандарина и толкает дверь следующей палаты. Здесь лежат дети, которых привезли вчера, и им очень нужен кто-то, кто вновь научит их улыбаться.

Вербное воскресенье

У крохотного пруда — «сажалки», как их здесь называют, — стоит большой пень, в половину человеческого роста. От пня вверх тянутся молодые побеги вербы, покрытые пушистыми серебристыми «котиками». Вдали раздаётся колокольный звон — в селе празднуют Вербное воскресенье.

— Раньше в колокола не звонили, — говорит Улянка, моя маленькая провожатая. — Нацисты сразу стрелять начинали, будто у них от этого звона корчи начинались. По нам тяжёлым редко палили, но из миномётов били, и танки с БМП иногда подъезжали пострелять. Крайние хаты все разрушенные стоят, и ферма, и МТС старая.

Она останавливается у вербы и отламывает несколько веточек с котиками.

— Старую вербу еще в шестнадцатом срубило, — говорит она. — Осколок от мины, сто двадцать миллиметров. — Она улыбается. — Бабушка Уля говорит, что эта верба после войны выросла на месте пенька от другой, которую в войну точно так же осколком срубило. И видите — уже новые побеги пошли. Лет через десять опять будет здесь ивушка. Ничего у них не получится.

Уля ведёт меня в дом к своей бабушке, которую тоже зовут Ульяна. Папа Ульяны-младшей, сын её бабушки, воюет в ополчении. Мама — старший санитар госпиталя.

— Мы с бабушкой вообще очень похожи, — сообщает Ульяна и снова улыбается. — Просто невероятно. И судьба у нас похожая. В сорок первом — сорок втором в деревне немцы стояли. Тогда бабушке пять лет только было, так она чуть не погибла. Какой-то оккупант залез к ним в погреб, нашёл банку с вареньем и давай наворачивать, запивая каким-то пойлом, шнапсом, наверно. А бабушка как раз увидела это, зашла в «шию» — это такой тамбур перед погребом — и говорит:

— Дядя, а что это вы наше варенье едите?

А немец, видать, по-русски чуть понимал. Говорит:

— Тепр-рь это еда для зольдат ауф вермахт! А где твой папа, киндер?

А бабушка же маленькая была, не понимала, кто это, — дядька и дядька. Откуда ей знать было, что он фашист? Она возьми и скажи:

— А папка бьёт фашистов!

Немца скривило, как чёрта от святой воды. Он банку отставил, шарит по поясу, где у него

кобура:

— Ферфлюхтен кляйне хунд! Уб-ью, русишь швайне!

Бабушка почуяла неладное и рванула во двор, к калитке. Немец за ней; достал пистолет и пальнул, не целясь, да сам споткнулся и упал. Бабушка со страху в обморок упала, лежит, как мёртвая. Немец то ли успел уже глаза залить, то ли просто ему всё равно было. Поднялся, грязь с куриным помётом с рукава отряхнул, подошёл к бабушке, ногой пнул, да и ушёл прочь. Прабабушка это в окно видела. Чуть немец за порог, она во двор к дочке, а бабушка уж и сама в себя пришла, поднимается на ноги. Прабабушка её в охапку и в дом. Дней десять на улицу не выпускала! Они с прапрадедушкой целый спектакль разыграли, гробик сколотили, на кладбище отвезли, схоронили, соседям всем сказали, что «Улюшку нашу немец убил».

* * *

Я стою, слушаю, опираясь на пень от вербы, уже два раза пострадавшей от обстрела, а Уля продолжает:

— А когда наше село в «серой зоне» оказалось, послала меня как-то бабушка в соседнее село, к

тёте Вале. Она ездила в Горловку, передачи оттуда возила, ей полсела заказывало — лекарства в основном, много-то не привезёшь. А накануне нацики в «серую зону» вошли, как раз в то село, где тётя Валя жила. Я уж домой возвращалась, вижу, идут двое. Подумала, может, наши — на них никаких знаков не было, обычно нацисты себя всякой пакостью украшают, свастиками там, черепами — эти нет. И один говорит мне, на русском… они все ж на русском меж собой, кроме галицаев, ну и наёмников:

— Девочка, ты местная?

— Не, — отвечаю, — я из соседнего села, у бабушки живу.

— А родители твои где? — спрашивает.

— Мама в больнице работает, — отвечаю, — а папа фашистов бьёт.

Его аж перекосило! Глаза прям на лоб повылазили:

— Ах ты, сучка сепарская… ой, простите, — краснеет Ульянка. — Ну, он меня так назвал, и еще много гадких слов было, «личинка колорада» — самое безобидное. Но я сразу поняла, что он — нацик переодетый, и как побежала.

Они мне стрелять вдогонку начали, одиночными. Я петляю, как заяц; добежала до края посёлка,

а там ривчак (ручеёк такой пересыхающий), и под дорогу труба уложена. Я вниз скатилась и в трубу. А там по берегам ривчака тоже всё вербой заросло. Я в трубе сижу тихо-тихо. Они подбежали, что-то гутарили меж собой, а что — я не слышала. Пальнули пару раз в ивняк, да и ушли восвояси.

Я дотемна в трубе просидела, боялась. А бабушка-то как перепугалась! Я как домой пришла, она было меня ругать, потом — я ещё и не говорила ничего, сама как-то поняла. Напоила меня чаем, дала валерьянки. А как я ей всё рассказала, она заплакала — и мне свою историю поведала.

* * *

…Мы идём к бабушке Ули, мимо пруда-«сажалки», берега которой поросли молодым ивняком. Ласково светит весеннее солнышко, поют-чирикают птички, и малиновый звон благовеста говорит, что через неделю светлый праздник Пасхи. В руке у меня — веточка вербы с серебристыми котиками.

Я обязательно вернусь сюда через десять, через двадцать лет. Навещу Ульянку — она думает по окончанию школы поступать в пединститут, чтобы вернуться в деревню учительницей в мест-

ную школу, — и обязательно посижу у раненой осколками вербы.

Надеюсь, к тому моменту она уже вырастет снова. Потому что жизнь всегда побеждает смерть.

Часть III. Были и притчи о войне

«Охотники на привале. Наши дни». Морпехи 336-й гвардейской бригады морской пехоты Балтфлота России

Солдат и Дракон

— Деда, расскажи сказку.

В доме тихо и темно, но не потому, что он пуст. Этот дом не бывает пустым никогда. У хозяина дома, которому недавно исполнилось девяносто пять, четверо детей, девять внуков и уже четыре правнука. Так уж повелось, что кто-то из них гостит у него и хозяин дома Георгий Петрович никогда не остается один. Эта традиция началась с того дня, как он похоронил свою Вареньку — единственную любовь его долгой жизни, с которой он прожил шесть десятков не самых простых лет. Когда-то Георгий Петрович очень боялся ее потерять — Варя была хрупкой, болезненной; но внутри этой маленькой женщины, издали похожей на ребенка, был какой-то несгибаемый стальной стержень. *Это он понял сразу еще тогда, когда она тащила его, здорового парня — косая сажень в плечах, по снежной целине под Сталинградом. Маленькая, хрупкая — а в нем, несмотря на все лишения военной поры, было под центнер — восемьдесят восемь килограмм чистых мышц, чистой ярости и ненависти к врагу.*

И дотащила, правда, он этого уже не помнил

— отключился из-за потери крови. Другой бы на его месте не выдержал — шесть ранений, пулеметная очередь из немецкого MG, — а он выжил. Другого бы комиссовали — в тылу ведь тоже нужны крепкие руки, — а он добился того, что его вернули в родную дивизию, в родной полк и родной истребительный батальон…

— Ну деда, ну чего ты молчишь…

Он рассеянно ерошит сухой, старческой рукой волосы правнука — такие же пшенично-русые, как были у Вареньки. Никуда она не ушла; она по-прежнему с ним, ее черты проглядывают в чертах его сыновей, дочери, внуков, правнуков…

— Сказку… ну хорошо. Вот только я же тебе, Боря, уже все сказки рассказал, что знал.

— Ну, так придумай новую! — потребовал Борька, Борис Васильевич, младший внук его среднего сына. Вот, говорят, не такая сейчас молодежь… да где же? У Георгия Петровича все его внуки, все правнуки были такими, что не нарадуешься. Может, потому, что он всегда уделял им внимание и детей научил тому же?

— Придумать, говоришь… — А память с годами не гаснет; наоборот — словно какая-то стена становится все тоньше, и через нее начинают сочиться воспоминания так, что порой ты ви-

дишь словно наяву, как заходит в комнату другой Борис, молодой лейтенант, навсегда оставшийся под Сандомиром. Снимает пилотку, нервно комкает в руке, потом присаживается рядом — и молчит. С другом ведь можно и помолчать… — Ну, разве что рассказать тебе, как я с драконом воевал?

В темноте глаза Борьки прямо вспыхивают.

— А ты с драконом воевал?

— Вся страна воевала, — улыбается Георгий Петрович, — дракон был уж больно силен. Один бы я не справился, конечно…

* * *

— В одном красивом русском городе жил-был мальчик, совсем простой, такой же, как другие ребята с его двора. Он учился в школе и верил, что завтра будет лучше, чем вчера. Что жизнь с каждым днем будет все лучше, все радостнее. Он верил в это потому, что жил в счастливой, богатой стране, но, как водится, чужие богатства кому-то не давали покоя. И вот однажды, когда его город мирно спал в самом начале лета, прилетел дракон и стал поливать с небес огнем дома со спящими жителями…

…Почему дракон? Может, потому, что воющие

«юнкерсы», заходящие в пике над родным Киевом, напоминали этих былинных чудовищ? Это потом Георгий Петрович узнал, что немцы специально ставили на свои самолеты «жужжалки», которые усиливали звук во время атаки, чтобы пугать тех, кого нацисты считали унтерменшами[16]. Но бояться дракона он перестал раньше, намного раньше.

Можно сказать — почти сразу, но это будет неправдой. Первые бомбы, упавшие на мирный город, первые сгоревшие дома, первые погибшие, которых хоронили — он хорошо запомнил такие похороны, красные гробы вряд и пожилого секретаря партячейки, что-то говорившего о гневе, о мести…

Внешне не изменилось ничего — все так же ярко светило июньское солнце на безоблачном небе над Днепром, все так же щебетали птицы, и с реки ветер доносил привычные летние ароматы, но теперь к этому примешивался надрывный лай зениток, гул бомбардировщиков, глухие разрывы бомб, от которых дребезжала посуда в старом серванте…

---

[16] Примечания: 16

«Недочелове́к» — философско-антропологический, впоследствии пропагандистский расистско-евгенический термин в идеологии немецких национал-социалистов.

И обращение Молотова, и тревожные сводки с фронтов, и первые похоронки. И очереди у военкомата.

— Мальчик хоть и был молод, но выглядел старше своих лет; у него уже начинали расти усы, да и вид был бравый, молодецкий — рост под два метра, силушкой Бог не обидел. Однажды он, написав прощальное письмо матери, решил пойти в войско, чтобы дать бой проклятому дракону…

Все было так… но не совсем. Сначала пришла похоронка на Петра — старшего брата Георгия. Он служил в погранвойсках, принял бой в легендарной Брестской крепости в самый день войны. Похоронка оказалась ошибочной — таких ошибок в те дни было много. На Петра мать получила потом еще две похоронки, прежде чем он вернулся домой — раненный при Балатоне, без пальцев на одной руке, но живой, можно сказать, в рубахе родился. Но в те, первые, дни они не знали об этом, они были уверены, что Петр погиб; мать онемела от горя; отец пытался записаться добровольцем — мастер завода «Арсенал», оптик, он куда нужнее был в тылу, да и возраст был уже не тот.

Пытался записаться и Георгий, но ему дали от ворот поворот — мал еще. До призывного возраста Георгию Петровичу оставалось два года. И не

было другого выхода, кроме как в бессильной злобе наблюдать в небе фашистских стервятников и слушать вовсе не победные сводки Совинформбюро.

Враг наступал, танки фон Клейста рвались к Киеву. Город наполнялся отступающими частями, которые переформировывались и вновь уходили в бой. Однажды… Георгий Петрович не мог вспомнить, как это было. Многие вещи помнил он до малейших деталей, а эту вот забыл — как отец сказал, что они едут в эвакуацию. И тогда он решился. Написал матери то самое письмо, оставил его на кухонном столике и ушел.

Он боялся. Боялся сказать матери, куда идет. Она его бы точно не пустила. А он — он не смог бы быть достаточно твердым, чтобы настоять на своем. Он знал, как это письмо подействует на мать, особенно сейчас, после потери Петра.

— Понимаешь, Боря, когда дракон нападает, никто не должен оставаться в стороне. Да, страшно выйти на бой с чудовищем столь могучим, что его дыхание сжигает целые города. Страшно — потому, что один ты его победить не в силах и, только собравшись вместе, всем миром, от мала до велика, можно надеяться на победу.

Ушел подальше от родного Подола, туда, где его не знали. Сказал, что бежит с запада, с Волыни (там действительно жила родня его матери), соврал, что ему уже восемнадцать…

Офицер в фуражке с синим околышем, с рукой на перевязи, оторвавшись от бумаг, окинул его недоверчивым взглядом, хмыкнул и сказал:

— Вижу, у тебя крепкая спина. С винтовкой обращаться умеешь?

— Так точно! — гаркнул Георгий (он по фильмам запомнил, как надо отвечать по уставу).

Офицер одобрительно кивнул:

— Тогда записываю тебя рядовым в истребительный батальон…

* * *

Двери в комнату тихонько приоткрылись, луч приглушенного света из коридора прочертил на полу дорожку света, неярко блеснул на стекле серванта в стенке, стоявшей напротив кровати.

— Опять он к вам сбежал, Георгий Петрович! — Это Катенька, жена внука Васи и мама Бори. Голос у нее был взволнованным. — А мы его ищем…

— Тише говори, — приглушенным, как свет в коридоре, голосом сказал Георгий Петрович, — он уже почти заснул. Пусть спит, не будить же его.

— Я не сплю, — сонно, но деловито сказал Боря, — я сказку слушаю! Деда обещал рассказать, как он с драконом воевал.

Катенька замерла в дверях, словно не зная, что делать дальше; затем тряхнула головой (волосы у нее были свиты во множество тоненьких косичек, как у какой-то африканки; странная мода… но ей это шло) и сказала:

— Ну, слушай, что с тобой делать, — и ушла, закрыв за собой двери.

Странно, но порой какая-то маленькая деталь срабатывает, как ключик к потайной дверце, как потерянный кусочек мозаики, превращающий разрозненные воспоминания в единое целое. Косички Катеньки — и толстая, золотая коса медсестрички Маши, которая сопровождала санитарный эшелон, идущий на восток, прочь от уже окруженного врагом Киева.

А до этого был горячий август на линии Киевского укрепленного района — земля, пахнущая молодой картошкой, порохом и кровью, немецкие танки Гудериана, с грохотом надвигавшиеся на окопы с необстрелянными ополченцами, многие из которых вооружены были только бутылками с зажигательной смесью — оружия, боеприпасов не хватало, пушки были вообще наперечет…

— ...и тогда мальчик понял — дракон не бессмертен. Каким бы страшным он ни казался, как бы ни плевался смертоносным пламенем, скольких храбрых солдат ни убил бы. Конечно, убить дракона было не просто, а адски сложно — надо было изо дня в день срубать его стальные головы, иногда буквально голыми руками впиваясь в стальную плоть чудовища, бросаясь на его огнедышащие пасти, умирая, чтобы те, кто придут следом, жили — и вновь, и вновь рубили стальную гадину...

Противник рвался к Вышгороду, чтобы охватить Киев с севера, как до того охватил с юга, закрыв в котле под Уманью три дивизии. На его пути, на пути сытых, хорошо экипированных, до зубов вооруженных танкистов Гудериана, стояли такие, как Георгий Петрович, — вчерашние школьники с редкой порослью на щеках, а еще — старики, сгибавшиеся под весом трехлинейки, калеки, прямо из госпиталя рвущиеся на передок, даже женщины. Атака за атакой, проклятый хоровод из артобстрелов, налетов авиации, танковых атак, психических атак с идущими в полный рост под гул походного оркестра солдатами вермахта, знающими, что их не будут косить из пулеметов, потому что пулеметов

этих было так мало, что и упоминать не стоит...

У сожженной дотла деревни, рядом с Припятью, он принял свой, как ему казалось, последний бой. Немецкая винтовка маузера, две обоймы по пять патронов, шесть бутылок с зажигательной смесью — так мало, но тогда это казалось целым богатством. Но это только в кино солдат бросает бутылку — и пылает вражеский танк, словно сделан не из брони, а из фанеры. В реальности — поди еще попади в этот танк, когда ты контужен предварительным артобстрелом, оглушен лязгом гусениц и, что греха таить, напуган. Вот прет на тебя бронированное чудовище, грохоча траками, плюясь свинцом из своих пулеметов, — не подстрелит, так раздавит...

А если ты и попал — не факт, что танку это повредит. Лишь при большой удаче огнесмесью можно что-то поджечь внутри танка; чаще всего стальные чудища, пылая, продолжали переть вперед, сминая и давя траками своих обидчиков...

Когда осталась последняя бутылка, когда последний патрон трофейной винтовки заклинило в патроннике, когда справа и слева танки с пародией на кресты на башнях — чернота внутри белых уголков, уже преодолели тонкую линию

неглубоких окопов, на него вышел Pz-IV. Этот танк считался тяжелым, командирским. Его отличала короткая, кургузая пушка и антенна на башне. Два его пулемета не молчали, плевались огнем, и Георгий подумал, что вот она — его смерть. Пусть так, но умрет он не один.

Он всегда умел хорошо бегать, и в дворовой команде Жора был нападающим, тем, кого теперь называют форвард. Вспомнив, как гонял мяч по пустырю у Ильинской церкви, куда ходила его бабушка, Георгий, прижав к груди последнюю бутылку, бросился к танку.

Он петлял, как заяц, на которого с неба пикирует ястреб. Он чувствовал, что смерть была не просто рядом — она была вокруг него, обжигая жаром очередей, к счастью, пока проходящих мимо...

Пока. Он не добежал несколько метров, когда в левой ноге взорвалась боль, а сама нога подломилась, и он, ударившись боком о землю, покатился по траве, думая, впрочем, вовсе не о боли, а о бутылке, прижатой к груди. И когда вражеская машина оказалась рядом он, несмотря на еще усилившуюся боль, изогнувшись, как лук, метнул драгоценную бутылку — и попал.

Последнее, что он увидел прежде, чем поте-

рять сознание, было пламя, выбивающееся из щелей моторного отсека ползучего фашистского гада. А потом тьма, наполненная болью, поглотила его.

* * *

— Люди отвечали огнем на огонь, но их огонь был слабее, чем тот, что был у дракона, и тогда… о, да ты уже заснул, приятель…

Борька поворачивается на бочок, приоткрывает сонные глазки:

— Нет, нет, деда… так что там дальше было? А ты тоже умеешь плеваться огнем?

— Умею, внучок, — улыбается Георгий Петрович. — Раньше умел, теперь-то я старый уже стал…

Врага отбросили от деревни, название которой Георгий так и не узнал. Отбросили ненадолго, ровно настолько, чтобы успеть кое-как похоронить павших в воронке от снаряда, засыпав пахнущим картошкой, кровью и пороховой гарью полесской землей. Его нашли возле сгоревшего фашистского танка — это был танк командира роты, и за тот бой Георгий Петрович потом получит медаль «За отвагу». Медаль дошла до него только в сорок четвертом, когда у него на груди уже был

небольшой иконостас...

Киев почти зажали в стальные клещи Гудериан и Клейст; корабли Днепровской флотилии, те, кто прорвался к городу с Пины и Припяти, ушли куда-то на юг. Георгий Петрович приходил в себя ненадолго — два пулевых ранения вызвали у него лихорадку, было даже подозрение на газовую гангрену, и доктор хотел отнять ногу, но обошлось — опухоль спала, гангрена так и не проявила себя. Но в сознание Георгий Петрович пришел уже в эшелоне, эвакуировавшем раненых на восток.

Вчерашняя теплушка с кое-как сколоченными нарами, на которых вповалку лежали живые и умирающие, в сознании и без... все вокруг пропахло кровью, карболкой и еще какой-то гадостью. Поезд медленно шел, часто стоял, пропуская на запад другие эшелоны — с боеприпасами, с подкреплением... иногда на такой вынужденной стоянке санитарки — Маша и Динара, одна с толстой золотой косой, другая с двумя черными как смоль, азиатскими косичками, — выносили из вагона тела умерших.

Эти стоянки стали для их эшелона роковыми. Однажды, придя в себя после очередного приступа лихорадки, Георгий каким-то шестым чувством почувствовал приближение ***ее****, той, которая*

почему-то остановила свою косу у сожженного села над Припятью. Он закричал, кричал что-то нечленораздельное. Его крик утонул в криках других раненых — не только у него за какой-то месяц появилось это шестое чувство — предчувствие неминуемой беды.

Кое-как вскочив с нар, не обращая внимания на обжигающую боль в ноге и боку (оказывается, его задело дважды, а он и не заметил!), Георгий бросился к выходу, сталкиваясь на ходу с другими ранеными. Он вывалился из вагона, скатился по насыпи и тут же услышал уже знакомый вой — «юнкерсы», проклятые пикирующие «штуки». Тарахтели пулеметы, им отвечали наши зенитные «максимы», а потом все поглотили взрывы. Разверзся ад, все вокруг смешалось — обжигающие волны взрывов, летящие в лицо комья земли, щебень насыпи, какие-то щепки, чья-то окровавленая плоть…

Он видел, как вагон, из которого он успел выпрыгнуть, потонул в пламени взрыва, и через мгновение вынырнул — разломанный, искореженный, горящий… в пламени метались, падали, ползли темные тени — те, кому не так повезло, как ему, кто не успел отойти, отбежать, отползти от вагона. Вскоре горел весь состав; стих

бесполезный цокот зенитных «максимов», стих гул отбомбившихся лаптёжников, и лишь крики и стоны раненых доносились то тут, то там.

Георгий встал. Нога болела так, словно ее опустили в кипящее масло. Он зачем-то посмотрел на свои руки — возможно, для того, чтобы убедиться, что они на месте. Руки были в земле вперемешку с кровью, но это была не его кровь…

Этими руками он вместе с парой других раненых выкопал неглубокую могилку, куда положил тело Маши. Ее лицо чудовищно обгорело, одежда превратилась в угли, и лишь прекрасная золотая коса чудом не пострадала…

* * *

— Ну как, заснул наш любитель сказок?

Свет в коридоре погашен, чтобы не разбудить ребенка, а в приоткрытой двери видна голова Васи — внука Георгия Петровича и отца Бориса. Вася — человек серьезный: не так давно закончил университет, но уже работает каким-то начальником на РЖД, часто бывает в командировках в Заполярье. Георгий Петрович удивляется, говорит:

— Там же и дорог-то никаких нет!

— Теперь будут, — отвечает Вася. — Мы строим

сейчас Северный широтный ход, ну, как строим — пока только геодезическую съемку проводим. С дядей Андреем виделись в Салехарде — он приезжал туда, будет мост через Лену проектировать.

Такие новости Георгию Петровичу нравятся.

— Спит, — шепотом отвечает Георгий Петрович, убедившись, что Боря действительно заснул и тихо посапывает, чему-то улыбаясь во сне. Хорошо, когда дети во сне улыбаются, а не вздрагивают — наверно, им снятся в это время добрые сны. А значит, они живут в добром, спокойном мире.

В мире, в котором «штуки» не бомбят санитарные поезда, где трое исхудавших, полумёртвых бойцов не хоронят в степи в неглубокой могилке девочку, еще вчера сидевшую за школьной партой. Не опознают ее по чудом не сгоревшей в фугасном пламени косе…

— Я не сплю, — сквозь сон пробормотал Боря. — Рассказывай дальше… про дракона.

— Уморит он тебя, — усмехнулся Вася. — Ты его к своим сказкам приучил, теперь не отвяжешься.

— Сказки — это хорошо, — все так же вполголоса заметил Георгий Петрович. — Вы все на моих сказках выросли, и мне за вас не стыдно.

Он рассеянно погладил Борю по голове и продолжил:

— И тогда дали мальчику чудо-копье. Была в том копье заключена волшебная сила — оно способно было пронзать броню чудовища, поражая того в самое сердце.

И снова он в большой, светлой палате госпиталя в сосновом лесу под Москвой. Здесь так спокойно, что, если бы не крест-накрест заклеенные окна, если бы не тревожные сводки с фронта, можно было бы подумать, что нет никакой войны вовсе.

За окном — глубокий снег, старые ели под белым покрывалом, а в палате тепло, можно сказать, уютно. Но он рвется туда, наружу, где снег, где мороз…

Где стальные чудовища с пародиями на крест приближаются к любимой Москве.

Их выстроили в ряд в проходе между кроватями — тридцать выздоравливающих молодых мужчин. Все они были ранены, и ранены тяжело, но, спасибо чутким и умелым врачам, выжили и уже чувствовали себя так, что становилось стыдно лежать на кровати и потреблять усиленный паёк выздоравли-

вающих.

Сначала он почувствовал едва уловимый, но хорошо знакомый запах — кислую пороховую гарь; потом в палату вошел офицер — молодой, лишь на несколько лет старше Георгия, но что-то в его движениях говорило о том, что он не просто ускоренно получил звездочки лейтенанта — повзрослел он тоже в ускоренном режиме.

Как и сам Георгий, как и все присутствующие.

— Здравствуйте, товарищи выздоравливающие, — приветствовал их лейтенант.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — хором ответили бойцы.

— Кто из вас подавал рапорт с просьбой о переводе в действующие части — шаг вперед!

Шагнули все, и Георгий этому не удивился. Он знал, какие настроения в его палате, да что там — во всем госпитале. Даже те, кто лишились чего-то — руки, ноги, глаза, — даже они рвались на фронт.

— Все, значит, — усмехнулся лейтенант, — что же, хорошо. Значит, так, меня зовут Борис. Борис Евграфович Левушкин. Я командир истребительно-противотанковой роты. Бронебойщик. Знаете, что такое бронебойка?

Кто-то знал, кто-то нет. Георгий Петрович не знал. Пришлось лейтенанту Лёвушкину объ-

яснять:

— Бронебойка — это такое очень большое ружье. Калибр в два раза больше, чем у трехлинейки, длина — под два метра. Пуля пробивает броню всех типов немецких танков — лобовую, конечно, не возьмет, но в борт или корму — с лёту.

Выздоравливающие заулыбались. С фашистскими танками довелось повстречаться почти каждому, и многие пережили бессильную ярость, когда эти твари беспрепятственно утюжили наши позиции.

— У меня в роте дюжина таких ружей, — продолжал лейтенант. — Есть и бронебойщики, пристрелявшиеся. Но не хватает вторых номеров, подающих. К тому же винтовка тяжелая, носить приходится вдвоем. Так что я отберу восьмерых на вторые номера…

Улыбки сменились тревогой. Только восьмерых? Из тридцати?

— …а остальным тоже найдется работенка, — улыбаясь, продолжил лейтенант. — Расчетам ПТР нужно прикрытие, так что получите свои трехлинейки — и вперед. Заберу всех.

— УР-Р-РА! — ответили выздоравливающие.

Лейтенант поморщился:

— Да не орите вы так! Связки сорвете. Ну и кто

у нас самый крепкий?

— И что, деда, он с этим копьем… убил дракона?

Наверно, только дети так умеют — и спать, и одновременно слушать сказку. Георгий Петрович вновь машинально погладил русую головёнку.

— Если бы это было так просто! Головы дракона рубили и рубили, а он отращивал себе новые, все более смертоносные.

— Не горячись, Жора, никуда он от нас не денется…

Они лежали вдвоем в снежном окопе, где-то между Кубинкой и Наро-Фоминском, позади было Голицыно, а здесь — изрытое воронками и неглубокими окопами поле, на котором то тут, то там виднелись уже припорошенные снегом черные трупы немецких панцерцугов, а с запада с лязгом и грохотом надвигались новые.

— Подождем, пока у него борт не откроется, — продолжал его первый номер. — Что толку в него сейчас палить, в лоб нам его точно не взять.

Умом Георгий понимал, что Сергеич, его первый номер, прав, но как же чесались руки… и пусть не он спускал курок, пусть он только досылал патрон-переросток в патронник однозарядного ружья, но каждый выстрел считал своим. И

когда немецкий танк, чаще все-таки легкий или средний, останавливался или начинал крутиться волчком, подстреленный, — это была и его заслуга.

Бах! Кто-то выстрелил справа от них; тут же застрекотали пулеметы — и наши, и немецкие, а затем в тылу что-то рвануло — танки открыли огонь из пушек, к счастью, с большим перелётом.

— Нуте-с, начнем, во славу Божью. — Куприян Сергеевич, его первый номер, был стар, и особо не скрывал, что был верующим, — и крестился, и молился, похоже, конечно, не прилюдно, но и не сильно прячась. Зато стрелял так, словно Бог его ружье наводил: один патрон — один панцерцуг.

Бах… звук от выстрела громче, чем у трехлинейки, отдача сильнее — и намного, у Сергеевича, да и у других первых все плечи были в синяках от приклада. Но немецкий танк вдруг, словно наткнувшись на невидимую стену, замирает и…

— Интересно, куда я попал, — размышляет Сергеич, пока Георгий досылает патрон в патронник. — Если сейчас задымит, то, значит, в двигатель, а коли рванет…

Глухой взрыв — и немецкий танк словно оседает на подвеске, а из щелей воздухозаборника

начинает валить смолисто-черный дым.

— …тогда, выходит, в бензобак, — спокойно продолжает Сергеич. — Ну и слава Богу, неплохо получилось. Ага, вон еще один подползает. Этот посерьезней будет, троечка, и целить ему надо о-очень аккуратно…

— Страшный дракон, теряя головы одну за одной, все рвался и рвался к Москве. Ему, казалось, все было нипочем. Но те, кто с ним сражались, знали, что отступать некуда. С чудовищем нельзя было договориться, оно не считало людей равными себе и видело их только мертвыми, и никак иначе. Потому мы сражались, день за днем, ночь за ночью…

Они переползли под подбитый ими танк — из донного люка свешивалась закоченелая рука мертвого танкиста, под люком подернулась грязным ледком лужица свежей крови. Сергеич торопливо перекрестился и свободной рукой скомкал «козью ногу»:

— Отсюда нас выковырять сложно будет. Так, меньшой, сколько, говоришь, у нас патронов?

— Одиннадцать, — отрапортовал Георгий.

— А им конца-краю нет. — Сергеич осторожно выглянул из-за гусеницы. — Вон, еще подходят, три… четыре… а, нет, четвертый вроде бульдо-

зер. Заряжай!

— Заряжено, — ответил Георгий, выдвигая ружье вперед.

Сергеич упер приклад в плечо, чуть сдвинулся в сторону.

— Глаза слезятся, не пойми от чего, — сказал он. — Ох, только бы не смазать...

Бах. И тут же еще один танк замирает среди трупов своих собратьев. Два других тоже на мгновение останавливаются, потом сдают назад, неприцельно паля из пулеметов, а между ними появляются серые тени — немецкая пехота.

А вот это уже дело для Георгия: он вскидывает трехлинейку, прицеливается — и одна из фигур падает на снег. За ней другая, третья... выстрелы со всех сторон, редкие, но меткие — немецкие фигуры хорошо вырисовываются на белом снегу.

Сергеевич делает еще один выстрел и чертыхается:

— Промахнулся, черти бы его разодрали. Да заряжай же, не смотри!

И тут грохот становится сильнее. Пехота залегает, а позади нее мрачными тенями появляются новые танки.

— Два, три, пять... да что ж за напасть? Откуда они лезут, чёртовы тараканы! Ну, чего

смотришь! Заряжай!

…последний патрон, последний подбитый танк, а за ним, сдвигая в сторону менее удачливого собрата, плюясь пулеметными очередями, ползет новый. Сергеевич пинает ПТР Георгию:

— Так, младшой, слушай мою команду. Ты молодой, сильный, винтовку допереть сможешь. Приказываю тебе… — он закашлялся, — отступить в тыл. Спасай наше ружьишко, их у нас пока не так много, как танков у этих фраеров.

— А в-вы? — У Георгия зуб на зуб не попадал не то от пронизывающего морозного ветра, не то — от старого знакомца, вернувшегося не-

кстати, — страха.

Сергеич смотрит на него; его лицо серое от пороховой гари, от копоти… пот со лба оставил на нем следы в виде полос, тянущихся сверху вниз:

— Эх, младшой… я хочу пригласить немецких танкистов на короткий диспут, как говорил наш политрук. У меня найдется для них парочка аргументов. А ты — дуй в тыл, что есть духу.

— Н-нет, — качает головой Георгий. — Н-не могу. Кто будет в-вас прикрывать?

— Ангел-хранитель прикроет, — невесело улыбается Сергеич. — Хватит, младшой, не геройствуй понапрасну: умереть за Родину — сча-

стье, но если смерть небесполезная, а ты ежели сейчас погибнешь, то даром. Спасай винтовку. Стрелять я тебя научил, будешь первым номером — за меня…

* * *

— Мы победили в той битве. Мы не пустили чудовище в Москву, не дали его огненному дыханию коснуться нашей любимой столицы. Но враг был еще силен, и еще много дней и ночей длилась наша битва с драконом…

Тихонько приотворилась дверь, на пороге снова появилась Катенька со своими смешными косичками:

— Вы такие серьезные вещи ему рассказываете, — тихо сказала она. — не боитесь, что ему сны будут плохие сниться?

— Я рассказываю ему сказку, — улыбнулся Георгий Петрович. — Просто сказку про дракона.

— Ну, я-то понимаю, что это не про дракона, — покачала головой Катенька. — Это же про то, как вы воевали.

— Хорошая сказка должна быть немного страшной, — ответил Георгий Петрович, — но обязательно со счастливым концом. Тогда и сны будут сниться хорошие.

— Да, — подумав, согласилась Катенька. — У этой сказки был хороший конец. Вы все для этого сделали…

— Ма-ам, — сонно попросил Боря, — не мешай нам, хорошо? Я хочу, чтобы деда досказал, как он убил злого дракона своим волшебным копьем…

Его второй номер признался ему, что приписал себе год, чтобы уйти на фронт. Худой большеглазый мальчишка с пушком над верхней губой — таким был сам Георгий два года назад, когда думал, что останется навек под неизвестной деревушкой на берегу Припяти.

Вася — так звали его второго номера — рассказал об этом, когда они вдвоем долбили саперными лопатками мерзлую землю у станицы Чирской. За спиной был Сталинград с миллионом окруженных, но еще не сдавшихся фашистов, а прямо на них двигались танки сорок восьмого немецкого корпуса. В ответ Георгий рассказал ему свою историю. А потом начался ад.

Патронов у них было побольше, а против пехоты у Васи был ППШ — пистолет-пулемет, косивший настырных гитлеровцев не хуже станкового «максима», но только на близком расстоянии. Но и противник оказался зубастым — старые знакомые, Pz-IV, которые уже не счи-

тались тяжелыми, обзавелись более толстой шкурой; на них навесили дополнительную броню, и подстрелить такого зверя было уже совсем непросто.

Удар был мощным; их оборону смяли, заставив отступать, но отступали они, огрызаясь. То и дело, укрывшись за ненадежной защитой снежного намета, скрывавшего какой-то куст или пень, они внезапно стреляли в борт вырвавшемуся, как ему казалось, на простор немецкому танку. Но силы все равно были не равны. Одна за одной замолкали батареи «сорокапяток», бывшие основой их обороны, и немцы все глубже и глубже вклинивались в расположение наших частей, продавливая оборону, чтобы пробить коридор к своим окруженным соратникам.

Георгий знал, что допустить прорыв нельзя. Знал он и то, что все зависит от каждого бойца, в том числе от него лично. И с методичной настойчивостью он петлял, то отступая, то выдвигаясь вперед, выбирая новые позиции, стреляя…

Пока не кончились патроны.

— Вот что, Вася, — сказал Георгий, закуривая, — дело пахнет керосином. Мой тебе приказ — бери ружье и тащись в тыл. Стрелять… эх,

некогда мне тебя учить было, но глаз, вижу, у тебя наметанный, без меня научишься.

— А в-вы… — У Васи зуб на зуб не попадал; Георгий решил, что от холода, на вид парень был не из пугливых, а морозец стоял январский.

— А я для наших немецких гостей пару гостинцев припас, — ответил Георгий, распахивая полу ватника, под которой на кожаной петле была подвешена связка гранат, немецких, на одной общей деревянной рукояти. — Не терпится угостить фрицев их собственным лакомством.

— В-вот что, — сказал Вася, — я в-вас не оставлю. Кто ж вас прикроет в бою?

— Найдется кому прикрыть, — ответил Георгий. — Кому сказал — отступай! Спасай вверенное тебе имущество! Быстро, пока не наподдал…

…покрытый толстым слоем цемента, безбашенный «хетцер» казался каким-то болотным чудищем, крокодилом, вылезшим из вековой трясины, чтобы отведать человечины.

«Сейчас ты у меня наешься, — зло думал Георгий, сжимая в руке связку гранат, — подползи только поближе, подлюка…»

Взять такую самоходку связкой гранат было непросто — слишком толстая броня, еще и покрытая сверху цементом. Но хороший охот-

ник знает, что у любого зверя есть уязвимые места…

Сгущающиеся сумерки добавляли шансов Георгию, но… на войне как на войне. Когда ему показалось, что пришло время, когда он, распрямившись, как пружина, приготовился для броска — что-то обожгло его руку, потом бок, бедро, отбросило назад… он бросил гранаты, но видел уже, что без толку — недолет, да и в сторону увела его бросок раненая рука…

Он упал, попытался привстать, и завалился на бок от жгучей боли справа. Он видел надвигающуюся на него громаду «хетцера» и понимал, что из САУ его тоже видят… видят и специально двигаются так, чтобы подмять его, намотать на гусеницы.

Ба-бах! — и на морде «хетцера», там, где торчит хобот орудия, расцветает цветок из пламени. Машина даже вздрагивает, она не просто останавливается, она даже подается назад, словно огретая огромным небесным молотом. Чуть извернувшись, Георгий видит за своей спиной нечто огромное и не сразу понимает, что это. И лишь теряя сознание, он осознает, что его противника приговорила наша противотанковая самоходка. А это значит, что начался контрудар

и немцы не сумеют прорвать нашу оборону.

Теперь можно было и умереть…

* * *

— Но когда наш герой решил, что ему конец, его судьба изменилась. Когда враг отступил и поле боя опустело, рядом с телом воина на землю опустился ангел.

— Ангел? — бормочет Борька. — Деда, ты видел ангела?

— Видел, — улыбается Георгий Петрович, — конечно, видел. А ты знаешь, кем был этот ангел?

— Нет.

Георгий Петрович не может понять, спит ли Борька. По всему выходит, что спит — дыхание ровное, глазки закрыты, — а отвечает всегда впопад, хоть и в полусне.

— Твоей прабабушкой, — отвечает Борис Петрович с грустью. — Вот так.

Он очнулся от боли и холода. Его тело словно стало ареной битвы льда и пламени — простреленные рука, бок и бедро горели, словно на них опустили раскалённое железо; другой бок замерз, буквально закоченел.

Потом он почувствовал, что его куда-то волочат.

Он попытался что-то сказать, но из горла вырывался только хриплый клёкот, словно там ключом закипал кипяток.

— Тише, — ответил ему голос, похожий на звон ледяных колокольчиков, — не говорите, пожалуйста. Вам нельзя, кажется, у вас лёгкое прострелено.

Он послушно замолчал, чувствуя во рту вкус земли и крови. Его волокли, медленно, но верно, порой останавливаясь, но ненадолго. Зрение проясняться не желало, хотя было довольно светло, в небе висела почти полная луна. Во время одной из передышек он наконец увидел, кто его тащит.

Монгольский овчинный полушубок казался на ней тулупом, такой она была маленькой и хрупкой. Шапку она потеряла, русые волосы, коротко подстриженные, рассыпались по вороту полушубка, сливаясь с ним. Она казалась сотканной из лунного света и напомнила ему какую-то полузабытую не то картину, не то икону…

— Ангел, — прошептал он, — вы, наверно, ангел?

В ответ она неожиданно тихо рассмеялась:

— Да нет пока. Вряд ли ангелу под силу было бы вас вытащить, вон какой здоровый. Ничего, тут уже близко… — и добавила серьезно: — Вы только

не помирайте, договорились? Вы ведь не умрете?

— Ну, нет, — сказал он, собирая последние силы, — но только если ВЫ пообещаете мне…

Он хотел попросить своего ангела встретиться с ним после того, как… после того, как что, он не знал, да и попросить не успел — потерял сознание…

* * *

— Может, мы его заберем? — спросил Вася, появляясь в дверях. — Ты, наверно, тоже устал, спать уже хочешь…

— Да какой у меня сон? — отмахнулся Георгий Петрович. — Сам знаешь, как старики спят, полчаса прикорнул, и больше не хочется. На том свете высплюсь.

— Ну, что ты, деда, — сказал Вася, — ты еще…

— Да-да, сто лет еще проживу, — покивал Георгий Петрович, — нет уж, и так я уже нажился, до стольника пару лет не добрал пока. Ладно, как Бог судит, так и будет. Идите сами спать, не мешайте с внуком общаться…

— Да, папа, не мешай, — все также сонно подтвердил Боря, — деда мне про ангела рассказывает.

— Ну ты и затейник, дед, — усмехнулся внук, —

то драконы, то ангелы.

— Жизнь такая, — пожал плечами Георгий Петрович. — В ней и ангелы, и драконы встречаются чаще, чем нам кажется.

Так они с Варенькой оказались в тыловом госпитале. Нет, она там не работала, ее тоже ранили в тот же день, когда она его вытащила с передовой. Вытащила — и рванула обратно, да и влетела в самую гущу боя. Это только на карте фронт непрерывной линией нарисован — на деле же такое редко бывает, особенно если одна сторона наступает, другая контратакует.

Ранили Варю тяжело, но не опасно: осколочное в плечо, пройди кусок стали повыше, могло пострадать горло со всеми вытекающими — не дай Бог, артерию перебило бы или вену, да и просто ранение в горло само по себе не подарок.

Но ангелы-хранители существуют, и не только в госпиталях. Наверняка какой-то ангел-хранитель в тот день отвел смерть от комсомолки Варвары Марусиной, отвел для того, чтобы она с Георгием расписалась сразу после девятого мая, а затем и повенчалась, уже когда оба на пенсию вышли.

Но до победы было еще очень, очень далеко. Сорок третий год, словно огромный маятник,

раскачивался над страной, принося то победы, то поражения.

Георгий вернулся на фронт — как раз перед Курском. Так уж вышло, что фронтовая судьба швыряла его из огня да в полымя. Так уж вышло, что всякий раз судьба эта проводила его за руку по долине смертной тени…

Они прощались на вокзале Воронежа… хотя какой там вокзал — груда камней и щебня, весь город, так и не сдавшийся врагу, так и не захваченный полностью, лежал в руинах. Рядом в эшелон грузили венгерских военнопленных; в другой — на носилках заносили раненых. В третьем отправлялись бойцы на фронт.

Он уезжал на этом третьем; она — на втором. Ранение, хоть и неопасное, нарушило связки, и теперь левая рука Вари почти не работала и до конца жизни так и не восстановилась; хорошо, хоть сохнуть не начала, а риск такой был.

Они немного говорили, больше понимали друг друга без слов. Он знал, что она боится его потерять; она знала, что он не может воспользоваться предложенной демобилизацией по состоянию здоровья, что он должен быть там, в кровавой мясорубке сражений…

— Знаешь, Борька, раненый, огрызающийся

дракон — он в чем-то пострашнее даже здорового и полного сил. Когда он понимает, что ему крышка, он только злее становится. И у него отрастают все новые и новые, все более страшные головы. Рубить которые намного сложнее, чем в самом начале…

Он пообещал ей, что вернется, и она поверила. Это было так по-детски — верить в то, что он сумеет исполнить свое обещание. Выжить на войне — это не от человека зависит. Можно лишь снизить вероятность своей гибели, но нельзя защититься от смерти, когда она повсюду. Это все равно что нырнуть в воду, рассчитывая остаться сухим.

Он догнал свою часть под Обоянью; его бывший второй, Вася, уже сам был первым номером, а на груди у него красовалась медаль «За отвагу». Георгий принял нового второго, получил новое, пятизарядное ружье Симонова и приказ — удерживать фас железной дороги любой ценой…

А это оказалось непросто. На их позиции наступали новые танки, намного больше тех, с которыми приходилось встречаться раньше, с более мощной пушкой и более толстой броней. Их называли «пантерами», и, возможно, года два назад они вызвали бы панику у Георгия. Но два

года боев изменили что-то во вчерашнем школьнике: вместо того чтобы паниковать, Георгий деловито проверил возможные уязвимые места вермахтовских кошек и выяснил, что они тоже смертны.

Одну из «пантер» Георгий и Вася, действуя совместно, обездвижили, а потом, в сумерках, захватили, перебив весь экипаж. Второй номер Васи, по прозвищу Пьер, поскольку у него почти не было ушей вследствие ожога, оказался бывшим танкистом. До утра он разбирался, как устроена немецкая кошка, — и к утру сумел ее приручить. Подбитый танк стал дотом для бронебойщиков, а когда танков противника стало слишком много, Вася и Пьер, развернув башню, открыли по немцам огонь из их же оружия…

— И дракон, шипя и плюясь огнем и ядом, стал отползать, а мы били его, били, били — потому, что знали: недорубленный лес снова вырастет, а значит, гадину надо было загнать в ее логово и там заставить загрызть саму себя…

А потом был октябрь, хмурый, но для Георгия очень светлый. Почему? Потому что он оказался на Букринском плацдарме, всего в восьмидесяти километрах от родного Киева. Они буквально вгрызались в родную для Георгия приднепровскую

землю, зная, что вот-вот начнется переправа у Лютежа, а потом, когда наши неожиданно для нацистов ударили с фланга, уцелевшие на Букринском тоже перешли в наступление. И вот уже впереди Почайнинская пойма, крутые холмы Лукьяновки, Кирилловская церковь, где со стен смотрели плохо закрашенные ангелы Врубеля…

И родной Подол, где прошло детство Георгия, Подол, который было не узнать, Подол, лежащий в руинах… Замковая гора, изрытая окопами, Лавра с разрушенным фашистами Успенским собором, Крещатик, превратившийся в груды щебенки, среди которых бродили, как тени, местные жители. Георгий остался в Киеве ненадолго — подлечился в местном госпитале, к тому же их часть отправили на курсы обучения новому оружию.

Противотанковые винтовки, увы, устарели; им не по зубам была шкура новых зверенышей Гитлера — «тигров», «пантер», «элефантов»… Так из бронебойщика Георгий перешел в артиллеристы.

Теперь его оружием стала пушка, которую в войсках прозвали «зверобой» — за то, что она с лёгкостью прошивала толстую шкуру немецкого зверинца — всех этих «тигров», «пантер» и слонов-«элефантов»…

* * *

— И с этим новым мечом-кладенцом погнал наш герой фашистскую гадину в ее логово. С каждым его ударом тварь все более слабела. Наконец забралась она в свою глубокую нору и со злости откусила сама себе последнюю и самую главную голову. И издохло чудовище, пропало, будто и не было его никогда…

Борька уже спал — спокойно, не вздрагивая во сне с тревогой. Наверняка он чувствовал себя в безопасности здесь, рядом с дедом, который когда-то победил страшное, многоголовое чудище и вернулся, как и обещал своему ангелу…

Конечно, все было не так просто. Все было тяжело и кроваво. Враг, предчувствуя скорую погибель, яростно огрызался, не отдавая без боя ни пяди захваченной им земли. Погиб под Сандомиром большеглазый Борька, погиб, успев получить лейтенантские звездочки и пять медалей; погиб и майор Лёвушкин, так недавно — и так давно! — бывший лейтенантом, набравшим из выздоравливающих героический истребительно-противотанковый полк.

А сам Георгий Петрович еще раз был ранен в ноги, но дошел, доковылял до Победы, пусть и

встретил он ее не в Берлине, а в Праге. Там, на Карловом мосту, художник в смешном берете нарисовал его портрет. На картине Георгий Петрович был изображен не в форме, а в старинных латах; в руках его копье, и этим копьем он разит коричневую змею с крошечными свастиками вместо чешуек…

Георгию Петровичу картина не понравилась, и он не взял ее, хоть художник и предлагал бесплатно. Может, и зря… но как-то не тянуло везти с собой что-то, что напоминало бы о той гадине, что сожрала Борьку, Лёвушкина, медсестру Машу…

Он вернулся домой, где его ждала Варя. Та сумела разыскать в эвакуации родителей Георгия Петровича и помогала им как могла. Вместе они вернулись в Киев, вместе переехали в Москву, где Варя окончила мединститут, а Георгий Петрович — Институт железнодорожного транспорта. Варя родила ему четверых детей. Они прожили долгую, счастливую жизнь…

Но детей своих Георгий Петрович назвал в честь тех, кого не пощадило чудовище. Сыновей — Борисом, Василием, Куприяном — в честь своего первого номера, погибшего под Голицыном, а дочь — Машей — в честь медсестры, похороненой им у

насыпи в приволжской
степи.

Пока об этом рассказывать самому младшему Боре еще рано. Возможно, он уже сам и не расскажет. Но Георгий Петрович был уверен: если он не расскажет, то Борис все равно узнает об этом — от своих родителей, от дедушек и бабушек, от кого-то из его большой и дружной семьи…

* * *

Сентябрь выдался дождливым. В один из хмурых осенних вечеров Василий Куприянович заехал за сыном в школу. Обычно Борьку со школы забирала Катя, но в тот день Василий освободился раньше и решил сам заехать за сыном.

Галина Вадимовна, учительница младших классов, которая сейчас была учительницей Бори, очевидно, нервничала:

— Василий Куприянович… простите, могу я с вами поговорить о Боре?

Василий насторожился:

— Что-то не так? Он что, плохо учится? Ленится?

— Нет, вовсе нет, — смутилась Галина Вадимовна.

— Плохо ведет себя? — продолжал гадать Васи-

лий. — Шалит?

— Нет, ну что вы, — возразила учительница. — Боря у вас молодец: и ведет себя примерно, и учится прилежно, но… видите ли, меня тревожат его фантазии.

— Какие? — уточнил Василий.

— Дело в том, — ответила Галина Петровна, — что Боря рассказывает, что у его прадеда было чудо-копье, которым тот охотился на разных зверей — тигров, пантер, даже слонов. И что его дед убил этим копьем дракона по имени… — учительница бросила короткий взгляд на раскрытый ежедневник, лежащий на столе, — по имени Панцерцуг. А еще — что он женился на ангеле…

— Все так и было, — подтвердил «фантазии» сына Василий. — Просто дети все воспринимают по-своему. Для детей самая страшная быль — только сказка, грустная или пугающая. Советую вам погуглить на досуге, что такое «панцерцуг»…

— Папа пришел, ур-р-ра! — Боря с портфелем наперевес влетел в кабинет, где Василий разговаривал с его учительницей. — Пап, а нам сегодня рассказывали, откуда взялась нефть. Короче, когда-то давно людей еще не было, а землю населяли эти… как их? дизайнеры!

— Не дизайнеры, а динозавры, наверно? —

улыбнулся Василий. — Вот что, давай-ка ты мне эту занимательную историю в машине доскажешь, а то нас мама ждет. Давай попрощайся с учительницей.

— До свидания, Галина Вадимовна, — попрощался Боря.

Учительница рассеянно кивнула. На экране ее смартфона угрожающе рокотал немецкий танк Pz IV с кургузой пушкой и черными пародиями на кресты на башне…

Сказка о танке

— Дедушка, а почему здесь столько цветов? — спрашивает внучка у деда, теребящего в руках букет алых гвоздик.

Обожаемая Катарина — маленькая белокурая девочка, сущий ангел, если, конечно, у ангелов бывают косички с красивыми бантами, — смотрит на старика. Ей интересно сразу все вокруг, и эта огромная военная машина, только вчера появившаяся на городской площади и почти сразу усыпанная тысячами роз, — тоже.

Пожилой немец отвечает не сразу. Он думает, как объяснить ребёнку вещи, сложные даже для взрослого.

— Потому что это — словно памятник героям, — говорит наконец старый Гюнтер. — Помнишь, как мы в прошлом году ходили в мае в Трептов-парк?[17]

— Это там, где дяденька с мечом? — спрашивает девочка. Дедушка кивает. — Ты мне ещё про него

---

[17] Примечания: 17

Трептов-парк — берлинский парк, где установлен монумент «Воин-освободитель» в память о павших в боях за Берлин советских солдатах.

рассказывал…

— Да, про него, — рассеянно кивает дед. — Про ту войну рассказать проще. Это было давно. Этот грех немецким народом оплачен, но не забыт.

Немцы помнят. Помнят старики, помнят взрослые, родившиеся уже после войны, рассказывают своим детям. И когда юный белокурый ангел спросил деда, тот придумал для своей любимицы сказку про злого колдуна с куцыми усишками и косой чёлкой, который задурманил голову немцам и повёл их завоёвывать соседние страны. «Но с Востока, — однажды всплывет в памяти уже повзрослевшей девочки родной голос, — пришёл добрый великан и развеял чары куцеусого. Потом скульпторы увековечили его в виде памятника. А девочка у него на руках — это юная Германия, спасённая им от злого колдуна Адольфа».

Катарина смотрит на дедушку большими ясными глазами и не понимает. Она ещё не может связать воедино великана с мечом и танк, укрытый цветами. Придётся придумывать для неё новую сказку. Или продолжить старую:

— У злого волшебника было много приспешников. Давным-давно они собрали большую армию, в ней были полчища танков — железных машин, несущих с собою смерть. Но у доброго великана

танков тоже было много, а еще знал добрый великан, что воюет он за правое дело — за Родину против захватчиков, за свободу, за равный мир для всех людей независимо от того, к какому народу они принадлежат. Много дней и ночей бились две армии. И добро победило зло, согнавшее одурманенных немцев под свои знамена. Осознал немецкий народ, и горько раскаялся он.

И добрый великан не стал мстить нам, хотя армия колдуна делала на его родине страшные вещи. Он даже помог нам восстановить всё, разрушенное войной.

Но не все те, кто служил злому колдуну-фюреру, понесли наказание. Многим удалось скрыться. Как крысы, забились они в норы и ущелья, долгие годы скрываясь в лесах Америки и горных ущельях Азии. Они научили своих детей ненавидеть доброго великана, и их потомство вернулось в города, стало жить обычной жизнью, скрывая свои взгляды, пока однажды не почувствовало себя сильным.

Далеко на востоке есть страна, в которой собралось много таких оборотней. Ты же знаешь, что такое оборотень?

— Да, — кивает девочка. — Это дядя, который умеет становиться чудовищем.

— Или чудовище, выдающее себя за обычного человека, — уточняет дедушка. — Оборотни решили, что сильнее и умнее своих предков и что они точно сумеют победить великана. Но на деле оказалось, что нет у них столько сил. Однако оборотням хотелось крови, хотелось самоутвердиться, быть сильными над кем-то. Стали оборотни избивать и убивать тех, кто с ними не согласен, — в основном обычный мирный люд.

Проснулся тогда добрый великан. Почувствовал в воздухе дым пожарищ. Этот запах он хорошо помнил — ещё с той войны. Так пахли горящие деревни и трубы концентрационных лагерей. Неужели снова? Окинул великан своим оком землю и увидел оборотней. Узнал он, что пролитой крови им нужно все больше и больше, что разрушили они дома мирных людей и что готовят нападение на таких же мирных жителей его родины.

Собрал великан свои армии — хорошо помнил он прошлую войну, когда зашумели в небе над городами железные птицы и обрушили на спящих жителей огонь и смерть. В этот раз он решил не ждать, когда враг нападёт, и ударил первым. Оттого тайные сторонники злого колдуна зовут его агрессором.

— А что же было дальше? — нетерпеливо спрашивает внучка.

— Великан двинул свои армии на врага, и тот стал в панике бежать. Но у злого колдуна были жестокие и могущественные хозяева из-за океана. Теперь они пригрели на груди соратников злого фюрера, снабжая их оружием и деньгами. Милость этих господ имела высокую цену, а гнева их оборотни-нацисты боялись пуще смерти.

Хозяева приказали своим служкам воевать. Пришлось тем подчиниться. Воевали они, как умели: обстреливали мирные города, разбрасывали по детским площадкам мины-ловушки, а когда приходили солдаты великана — пускались наутёк, иногда огрызаясь. Этот танк получил предательский удар в спину…

— Откуда ты знаешь, дедушка? — спрашивает внучка.

Откуда он знает? Опытный танкист читает историю по следам бронебойного снаряда.

— Видишь эту рану на башне? Она сзади, — отвечает Гюнтер. — Раненый танк остановился, и подлым солдатам-оборотням удалось его захватить. Я уверен, что они жестоко убили всех, кто был внутри. И вот теперь привезли его к нам, похвастаться своей «победой». Но они плохо

учились в школе, иначе знали бы, что такое уже было…

— Когда, дедушка?

— Восемьдесят лет назад. Мне рассказывал мой папа, твой прадедушка, как в тысяча девятьсот сорок третьем сторонники злого колдуна привезли в Берлин подбитый танк с огромной башней и мощной пушкой. Даже смертельно раненный, он пугал своей мощью. А через три года по брусчатке Берлина громыхали, направляясь к Рейхстагу, его младшие братья — ещё более опасные.

Тот танк звался КВ-2, а на смену ему пришли танки ИС. Они и вошли в поверженный, готовый сдаться Берлин.

Отец завещал мне всегда помнить, что танки доброго великана надо встречать цветами. Тогда они не сделают ничего плохого, ведь великан — добрый и хочет только защитить слабых.

— Поэтому ты купил этот букет.

— Не я один, — отвечает Гюнтер. — Сегодня все люди в Германии, чьи души живы, принесут цветы этому танку. И не только у нас. Оборотни думал, что они продемонстрируют свою мощь, покажут ее людям на улице, запустят эти кадры в новостях по телевизору. Они потащили обманом и подлостью добытые танки по разным городам,

где когда-то проходил добрый великан. Они думали показать людям, что победили доброго великана. Но не только в Берлине, но и других городах, в других странах люди встретили танки доброго великана цветами. И по телевизору показали совсем не то, что хотели оборотни.

* * *

Тем временем на башню танка взбирается беловолосый парень с правильными чертами лица. Крепко ухватив за древко жёлто-синий флаг, кое-как закреплённый на башне, он с силой выдергивает его с импровизированного постамента.

Опустив полотнище флага на броню, он выпрямляется — в это время люди вокруг танка ободряют его криками, — а потом швыряет бесполезный кусок ткани на асфальт. Сразу несколько молодых парней бросаются к флагу и топчут полотнище. От своих родителей они знают, кто такие нацисты и почему немецкий народ больше не может позволить себе стать одурманенным.

Пожилому немцу это выражение известно. Ему, который всю свою жизнь честно трудился, не брал чужого, не обижал слабых и жил по закону, совсем не нравились эти новые

пришлые — потомки неискорененных бандеровцев, которые размахивают такими тряпками, уродуют стены его великого города граффити, устраивают потасовки, проводят дикие акции на камеру и все требуют, требуют, требуют — внимания, денег, оружия, всенародной любви, снова денег и больше оружия…

— Зачем они сделали это, дедушка? — В ясных глазах Катарины читается недоумение.

— Это — флаг сторонников злого колдуна, — спокойно отвечает Гюнтер. — Оборотни хотели показать, что победили доброго великана. Но ударить в спину — это вовсе не победа. А сойтись лицом к лицу с великаном у этих трусов не хватит духа.

Дедушка Гюнтер верит, что его внучка Катарина вырастет хорошим человеком. Что никто никогда не заставит её считать чёрное белым и раболепно вскидывать руку в нацистском приветствии.

— Ну и правильно тогда, — со всей серьёзностью маленького человека говорит девочка. — Я вообще не понимаю, как можно служить этому отвратительному злому колдуну.

— Ну и хорошо, что не понимаешь. — Дедушка ласково гладит золотистые кудри малышки. —

Пошли положим наш букет к танку доброго великана, а потом я отвезу тебя к маме с папой.

И уже через минуту три гвоздики, принесённые дедушкой Гюнтером и крошкой Катариной, ложатся на броню подбитого, но непобеждённого танка — среди тысяч других букетов.

Потому что Германия помнит, на чьей стороне правда, и не желает повторять свои ошибки.

Сто четыре

«Здравствуй, Серёженька!

Получил твое поздравление с днём рождения. Я очень рад весточке от тебя и тронут, что не забываешь. Молодец, дружочек. Спасибо большое!

Особенно ценна для меня твоя открытка тем, что я знаю, откуда ты ее отправил, где писал ее. Я ведь тоже такие писал — твоей бабушке. Поздравлял ее с наступлением Нового года — 1943-го. Это было под Шлиссельбургом, я тогда на Волховском воевал… Так много лет прошло, но до сих пор помню: холод был страшенный, блиндаж не прогревался. У печки — тепло, а по стенам — изморозь. И я сидел, скрючившись, на ящике из-под гранат и писал открытку любимой.

Как ты там, мальчик? У вас ведь тоже сейчас холода. Да что рассказывать — сам небось уже понял, как это, когда друг рядом сядет и сразу теплее становится…

Знаешь, я теперь каждый день новости смотрю, и дневные, и вечерние. Энтернет — это для молодежи, у меня глаза устают от такого. Письмо — и то тебе пишу с перерывами. Совсем уж старый стал. Родину защитил, свой долг выполнил, а

теперь твое время пришло. Горжусь тобою!

Карту покажут, как вы Артёмовск окружаете, а я тебя представляю. Хотя, наверно, всё не так, как я вижу. Вы теперь и вооружены, и экипированы не в пример нашего, и снабжение у вас лучше, слава Богу.

Я-то войну с берданкой начал — не хватало оружия на всех, только в сорок втором поменял её на мосинку. И с ней, родимой, уж и Победу в Праге встретил.

Сколько же я всего вспомнил! Как ждали мы весточку из дому, как писали ответы. Старались написать сразу, да и отправить побыстрее: завтра-то неизвестно, что будет. Война — на то и война. Да ты и сам уж понял. Храни тебя Бог, дорогой. И товарищей твоих.

Помню, как ранили моего друга Вилена Комарова, плохая рана была, в голову. Выходили его, но на фронт уж не вернулся. Увезли Вилена, а я в землянке письмо его матери нашёл, недописанное. Запечатал и отправил, с припиской — сына, мол, срочно в штаб вызвали, велел передать, что любит. А что делать было? Помните про матерей своих, пишите им, пишите, солдатики!

Часто я теперь те годы вспоминаю. И без того никогда б не забыть, а теперь, как сызнова на-

чалась война, так и является мне всё — что во сне, что наяву. Много хроники смотрю, и в новостях, и брат твой Игорь в Энтернете показывает. Низкий поклон тем, кто всё это снимает, в наше время такого не было. Смотрю — и представляю там тебя. Ты не писал, с чем воюешь, но Игорёк говорит, что с ручным пулемётом. Доброе дело. У нас пулемётчикам с ДП все завидовали — даром, что клинил часто.

А всё равно думаю: война — всегда война. Техника, снаряжение — это все меняется, но другое остается. Кровь, смерть, боль. И люди. Герои. Каждый из вас — герой. Ты, Сережа, — герой. Горжусь тобою. Писал уже, что горжусь. Прости старика, повторяюсь. А куда без этого? Думаю про тебя всегда.

Начал уж… У вас всё то же, что у нас было: обстрелы и бомбёжки, окопы и блиндажи. Крикнут: „В атаку!“ — и короткими перебежками рванешь то в чистом поле, то в перелеске, то меж сгоревших хат. И тоска по далёкому дому та же, и тревога за близких людей, и скорбь о павших товарищах. И боль от ран, и надежда на Победу — всё ведь как у нас. Даже танки со свастиками похожие, разве что против нас „пантеры“ были, а против вас — „леопарды“.

Знаешь, Серёжа, я как открытку твою получил, почудилось мне, что от неё порохом тянет. Этот запах я на всю жизнь запомнил — за пять лет весь им пропитался, он потом мне слышался ещё долго повсюду. Показалось, наверно; у вас теперь, наверно, так порохом не пахнет…

Память — она такая, то запах придёт, то вкус, то настроение. Поживешь — поймешь. Смотрю новости, а перед глазами все, что со мною было. Мариуполь показывали — вспоминал разрушенный Петергоф. Из Соледара кадры — а я мызы сгоревшие в Прибалтике вижу. Или репортаж: наши солдаты среди белых берёзок залегли, обойти линию окопов противника пытаются, а я вспоминаю берёзовую рощу под Калишем. У них по стволам раны от осколков, а в ранах сок стоит, весна. Я пальцами этот сок собирал и плакал, думал тогда — до Победы уж два шага осталось, а немец зол как чертяка, не ровен час — завалит перед самым светлым днём! Но Бог миловал. И тебя милует, Сережа. Я верю, я знаю это. Храни тебя, Бог.

Ночи наши в чистом поле вспоминал. Август, звёзды падают, а я, хоть и не суеверный, взял да и загадал — живым и невредимым к прабабушке твоей вернуться. Сбылось, как видишь. И ты

загадай.

Знаю, Серёженька, что и ты там тоскуешь по дому, по близким. Виду не показываешь, но я-то сам воевал. Дед всегда поймет.

Дома всё хорошо. Катя совсем к твоим перебралась, живёт в твоей комнате, фотографии перебирает, а то замрет, обнимет рубашку твою. Но молодцом держится, храбрая девочка. Хорошую ты себе невесту выбрал. И меня не забывает, про тебя все говорим — она мне свое рассказывает, а я ей — свое, какой ты маленький был, как за яблоками лазал на дерево, как штаны на заборе рвал, как на все свои деньги обеденные две недели продукты бабе Ане покупал.

Отец твой говорит, что, как ты вернёшься, возьмёт вам ипотеку — там какие-то льготы большие. Ну, ему виднее, вырос мой сынок. И ты вырос тоже. Все вы стали мужчинами, один я постарел. А все ж не жалею — хорошая жизнь моя была, не зря прожил, коли таких мужиков вырастил.

Мы все ждём тебя с Победой. Верим, что побьёшь нацистов и вернёшься — целым и невредимым. Это важно, Серёжа. Я вот думаю, что меня всю войну хранило, так это то, что твоя прабабушка меня ждала. И мама моя, царствие ей небесное, в церкви свечки ставила. Я тоже в храм

стал захаживать, Игорёк меня возит. Нечасто, но выбираемся. У нас там батюшка служит, так он был в СВО полковым священником, вернулся после контузии. Про тебя не слыхал, не встречал, но за тебя теперь молится, я ему про тебя сказал.

Для солдата-то это и есть главное — чтобы дома всё хорошо было. Чтобы там, вдали, жила страна родная. Чтобы матери не плакали, чтобы дети смеялись, чтобы счастливы были те, кого мы любим. За то мы, русские люди, и воюем — со времён древних и поныне. Горжусь тобой, Серёженька! Больше горжусь, чем орденами своими и медалями. Потому что вырастить правильных, хороших детей, внуков, правнуков, за которых не стыдно, за которых сердцу радостно, — награда куда большая, чем любой орден или медаль!

Прости, Сережа, не получится длинное письмо: быстро стал я уставать. Это в три подхода писал. Катя говорит: „Давайте я напишу“, но пока могу, буду сам. Шутка ли, сто четыре года на белом свете прожить? Кто придумал эту дурацкую фразу: мои года — моё богатство? Да если бы не они, я бы сейчас рядом с тобой был в окопе.

Батька твой тоже на фронт просился, да не пустили, сказали, что возраст уж не тот. А дядя Миша ушёл, но не на фронт — в госпитале под

Горловкой раны штопает. Многие просились, да не многих взяли, и то правда — в тылу тоже люди нужны. Зато здесь мирная жизнь, страна строит и строится, а всё благодаря вам, защитникам нашим. Но всё-таки обидно, и даже мне. Хотя мне и не по годам уже на войну, ручка нынче тяжелей винтовки в руках.

Я часто думал, почему Господь мне дал такую долгую жизнь. Знаешь, ведь из моего поколения с войны вернулся только каждый четвёртый! А я не то что вернулся — вон, сколько прожил. Каюсь — иногда просил смерти у Бога, особенно как твою прабабушку схоронил.

Но теперь, знаешь, я умирать не собираюсь. Обязательно дождусь тебя с Победой. Посидим, помянем друзей — твоих и моих. Покажу тебе медали свои, расскажу о каждой — как в детстве, помнишь? Мне мой отец так свои показывал — четыре Георгия и Красное Знамя. А ты мне свои покажешь, мама твоя говорит, что тебя уж третий раз награждают, и обязательно расскажешь всё подробно.

Береги себя, Серёженька! Знай, что тебя здесь очень ждут. Про то я уже писал, а все ж опять хочется. Воюй хорошо, как я воевал, и возвращайся — целым и невредимым.

Не подведи прадеда!»

Стражи. Притча

Год 2211-й

Это небо видело разные народы — веками они приходили в эту степь, чтобы пасти свои табуны, а затем уходили в иные, чужедальние края. Там они сливались, растворялись среди местных народов или создавали могучие государства, империи, от которых ныне осталась лишь память.

Народы приходили и уходили, сменяя друг друга, мир менялся, но не менялась эта Традиция. Та, что сегодня привела меня в эту степь, далеко от людских поселений и обитаемых мест. Я пришел сюда с моими внуками — сыном сына и сыном дочери. Мальчики похожи, как близнецы, хотя всего лишь двоюродные. Бог не обделил их — высокие, статные, сильные, трудностей не боятся… смотрят прямо, говорят честно, они вырастут достойными мужчинами. Но сперва им придётся провести ночь в пустой степи, на родине моего народа, и услышать Главную Притчу.

Даже для меня странно, а ребята, наверно, такое видят впервые — до края горизонта вокруг ни огонька, кроме нашего костра и серебристой реки Млечного Пути над нашими головами. Луны нет,

новолуние, но света костра и звезд нам хватает, чтобы видеть лица друг друга. Я должен смотреть на ребят — не промелькнёт ли страх в глубине их чёрных, как ночь в степи, глаз, но уверен: этот гость сегодня не выйдет к нашему костру.

Мы — из рода бесстрашных.

Время подходит, я чувствую это. Наливаю в чашу чистую, родниковую воду — нет её вкуснее. Она холодная, аж скулы сводит, но от неё словно обостряются все чувства разом. Я отхлёбываю из чаши и даю отхлебнуть внукам. Пора начинать главный рассказ…

* * *

— С давних времён в нашем мире правил Запад. Власть свою он получил не столько силой, сколько обманом; его вожди и воины легко нарушали клятвы и презирали все уговоры и правила, кроме придуманных ими самими. Лукавые духи были советчиками западных правителей, внушая им и их подданным, что они — особенные люди, а все остальные — вроде бы и не люди вовсе, а рабочий скот, наделённый разумом. Для людей Запада не имело значения, насколько ты умён, честен, храбр или добр: если ты не был в числе избранных, они видели в тебе только раба.

У этого учения было много имён и названий, но мы помним его под именем «нацизм».

Владыки Запада не верили ни в какого Бога, но охотно прикрывали именем Бога свои деяния. На самом деле за богатство и власть они давно продали душу врагу рода человеческого, доверившись его советам, лукавый дух вечно нашёптывал им ту же ложь, что и древний змей говорил прародителям людей: вы и есть боги, а весь мир — ваши рабы. Не знали они чести, а лишь свою выгоду. Они набивали свои карманы и брюхо, не глядя на то, каково будет другим людям, природе и миру. Ложь и обман, алчность и ненасытность — вот те черты, по которым можно было отличить западных владык…

— Дедушка, — перебивает меня Серёжа, сын моей дочери; он более непоседливый и любопытный, чем степенный Володя, сын моего сына, — если всё было так, то эти люди были настоящим злом. Неужели богатыри народов мира не могли, собравшись, поставить их на место?

— Ты забегаешь вперёд, Серёжа, — улыбаюсь я в седые усы. — Но вопрос твой справедлив. Не могли — по многим причинам. Запад был богат неправедно нажитым богатством, ведь они обманом и силой отнимали ценности у всех

народов. Но самым страшным их оружием была ложь. Виртуозной ложью они заставили народы мира верить в своё превосходство; обманом они стравливали между собой соседей, заставляя убивать друг друга на радость и на обогащение западных владык. Как гиены-падальщики, они пировали на трупах любой войны — продавая оружие, давая для этого деньги на кабальных условиях, превращая другие народы в своих вечных должников. Тяжко было быть их врагами, но ещё тяжелее — союзниками.

Чем дальше, тем больше развращался Запад, потому что, если у человека нет Бога в душе, он становится животным. Они дошли до крайнего разврата; владыки их Запада развлекались тем, что наряжались в свиней и валялись в грязи, пожирая из корыта дорогие деликатесы — в то время, когда у простых людей голод был нередким гостем. Но им мало было и этого — они не погнушались бы есть и себе подобных. К счастью, до этого не дошло.

— Почему? — спросил Серёжа.

— Бог, в которого мы верим, не вмешивается в дела людей силой, — ответил я. — Он создал нас свободными, и мы сами отвечаем за все свои поступки. Но всё-таки в мире есть люди, что

прожили такую достойную жизнь, что могут обращаться к Богу напрямую…

— Святые, — кивнул Володя.

— Да, — подтвердил я. — И видя всё это, святые разных народов обратились к Богу с просьбой остановить безумие и беззаконие Запада. А когда люди соглашаются просить о чём-то важном, Бог принимает их молитву — тем более молитву великих святых.

* * *

Был тогда человек некоторый; ни ростом, ни статью не выделялся он, а выделялся лишь мужеством и благородством. Однажды он в чужой стране сумел остановить огромную разъярённую толпу, не дав совершить беззаконие. В ту ночь он спас тысячи жизней, но узнали это многим позже. И один в поле воин, коли по-нашему скроен, а был этот человек солью земли нашей, да об этом никто тогда, кроме Господа Бога, не знал, не ведал.

Принадлежал этот человек к нашему народу и был верным сыном своего Отечества. А Родина наша всегда славна была тем, что мужественно вставала на пути у всякого, кто хотел присвоить себе власть над миром. Тяжкую цену платила

наша Отчизна за это — многие её сыновья гибли в лютых битвах, но не уступали ни пяди земли врагу; знала наша страна и годы ига, когда предательство открывало врагу двери наших городов…

Человек, о котором я веду свой рассказ, родился в особенном городе. Однажды очередной безумец, желавший поработить нашу Родину, а с ней — весь мир, окружил этот город кольцом войск, и почти девятьсот дней держал в жестокой блокаде. Люди умирали от ужасного голода, но не сдавались. Был среди защитников города и отец нашего героя. Многих мирных людей тогда забрала смерть от голода и холода. И брат нашего героя умер в это лютое время.

Страшная то была война, пожалуй, самая страшная изо всех войн. Не знал враг пощады; как бешеный зверь, убивал он всех от мала до велика. Но наша страна встала, как один человек, на смертный бой с вражеской силой тёмною, с отрепьем человечества. Так говорили богатыри земли нашей: бескрайня наша Родина, да отступать некуда — позади отчий дом. Двум смертям не бывать, а одной не миновать! И стояли насмерть. Миллионами жизней мы заплатили, чтобы остановить зло, желающее поработить

весь мир. Освободила наша армия порабощённые этим злом страны — и как больно было потом, когда они отвернулись от нас, предав память отцов и дедов, и пошли за новыми вождями, соблазнившими их сладкой ложью превосходства над другими… но я забегаю вперёд, а надо говорить по порядку.

Зная историю своей семьи, наш герой всем сердцем и душой решил служить любимой Родине, достойно защищать её. Он избегал наград, не искал ни чести, ни славы. Паче жизни любил наш герой своё Отечество. «Зачем, — говорил он, — такой мир, где не будет Родины, не будет нашего народа? Такой мир ни к чему, да и погибнет он без нас».

Всей душой любил наш герой широкие и вольные просторы Отчизны, любил путешествовать по ним, и вот однажды судьба привела его в эту степь. В ту ночь сидел он у костра, как мы ныне сидим, но был совсем один. Думал он о судьбе Родины. Горьким было это время; негодные правители за малую мзду продали нашу свободу Западу, и его стервятники пировали, разрывая на части великую нашу державу и питаясь её богатствами. Всё это терзало душу нашего героя. И вот, он, пав ниц, молился Всемогущему и Мило-

стивому: Господи, пощади Отчизну мою! Забери жизнь мою, отними душу, но сохрани мою любимую Родину!

И тогда сошли к нему с небес святые, те, что молили Бога о том, чтобы смирить зло Запада. Принесли они ему весть благую — услышана его молитва. Но чтобы сохранить Родину, ему придётся отречься от всего и все силы отдать на служение Отчизне. Трижды они спрашивали его, готов он, а лукавые духи, кружась вокруг костра, соблазняли всеми мысленными благами мира — богатством, знатностью, славой, почётом… пугали его злые духи, показывая будущее, что будут его ненавидеть, будут злословить, будут пытаться и убить, но ни страх не страшил нашего героя, ни соблазны не прельстили. В мыслях своих он видел свою страну богатой и могущественной, а свой народ — счастливым и многочисленным, как звёзды на небе…

Видя всё это в сердце нашего героя, Бог привёл его в столицу и склонил безумного и слабого правителя, утопившего совесть в вине, отдать ему власть над страной. Но что то была за власть! От некогда могучей державы оставалась едва половина, и народы окраин, когда не грызлись между собой, лаяли на своего большого соседа;

всем заправляли иностранцы, а народ увяз в нищете и невежестве. Пусты были храмы, да полны кабаки, а дети мечтали о таком, о чём и взрослому стыдно говорить!

И наш герой принялся за работу. Святые не могли помогать ему, но он нашёл себе Соратников — с таким же большим сердцем и верным духом.

— А как их звали? — спросил Серёжа.

— Были среди них и твои тёзки, — улыбнулся я, — а один из них ещё и происходил из нашего рода. Были и другие — вам расскажут об этом на уроках истории.

Долго, почти четверть века, поднимали они страну. К счастью, Запад, опьянённый своим могуществом, думал, что сокрушил нашу Родину и больше никто не мешает их власти над миром. И пока горе-победители упивались своей подлостью, наш герой со своими сподвижниками сумел возродить былое могущество, укрепить и усилить его. Как зеницу ока берёг он честь своей Отчизны, больше жизни заботился о её славе!

Спохватился Запад, видя, как свет и могущество разливаются от нашей Родины, да было поздно. Но без боя Запад не хотел отдавать свои позиции. Больно привыкли они мнить себя хозяевами мира, больно ненавистна была им сама мысль,

что какие-то «недолюди» встанут с ними наравне — а именно это и было целью нашего героя. Не просто поднять свою страну — поставить зарвавшийся Запад на место, давая и другим народам возможность вздохнуть полной грудью и жить собственной жизнью.

Грозные ветры задули над западным миром. Пошатнулось его могущество. Видя успехи нашей страны, другие народы всё громче и громче стали заявлять о своих правах. Сложнее стало Западу отнимать чужое, а без постоянного грабежа уже невозможно было жить так вольготно, как прежде, и кичиться своим богатством, к чему Запад так привык. Говорят у нас: не садись не в свои сани, да Запад привык на чужом горбу в рай ездить…

Попытался он задушить нашу страну, как когда-то блокадой пытался задушить родной город нашего героя. Да не тут-то было: их побрякушки нас больше не прельщали, а свои товары мы нашли кому продать и без них. От бессильной злобы опускались западные владыки до мелких пакостей — то культуру нашу отменять повадились, да сами без культуры остались, одичав ещё больше. То учёным своим запретили с нашими советы вести — и стали отставать в науках, постепенно сползая к безграмотности. Недаром

говорят: не рой другому яму, сам в ней очутишься. Даже атлетам своим запрещали они с нашими атлетами соревноваться, но наши атлеты всё равно становились быстрее и сильнее западных, и весь мир видел это.

Но задумал тогда Запад коварную пакость. Сам он воевать с нами боялся — есть у нашей страны такое оружие, перед которым Западу не устоять. Случись война, весь мир им разнести можно, а владыки Запада смерти боялся — на той стороне ничего хорошего не ждёт тех, кто не по совести живёт.

Тогда Запад так выучил наших ближних соседей, бывших тоже когда-то одним с нами народом, да западным сусальным золотом соблазнившихся, что стали некоторые из них хуже лютых зверей. Внушил им Запад свою ложь: что-де они — сверхлюди, и право у них есть других убивать и мучить. А ещё — что наш народ их угнетал тем, что учил их, лечил их, строил им города и дороги, и за это ужасное угнетение надо всенепременно отомстить. Поставил владыкой над ними Запад горького пьяницу, да вторым — кровавого лжеучителя. Стали они в своей стране убивать и пытать всех, кто родства с нашим народом не потерял. А делали они это по двум

причинам: чтобы звериное нутро своё потешить чужими страданиями и нашему народу больнее досадить, ведь нет для нашего человека хуже муки, чем видеть страдания невиновных…

И поднялось в земле той братоубийство, доселе невиданное, — стали слуги Запада обстреливать и рушить свои же мирные города, убивать и калечить людей. Детей малых убивать да калечить.

Тяжкой мукой всё это было для нашего героя; не хотел он воевать со своим же народом, с людьми, от алчности и глупости поверившими сатанинской лжи Запада. Стала наша страна потихоньку помогать тем людям, кто власть Запада признавать не желал. И так от этой помощи эти отважные люди воспрянули духом, что стали бить врага везде, где видели. Ведь мал золотник, да дорог, а даже малая помощь друга — отвага и крепость духа!

Долго ли, коротко ли, а стали войска врага нести тяжёлые потери. Тогда владыки Запада, лицемерно прикинувшись миротворцами, уговорили нашего героя остановить своих людей, чтобы не победили они их прислужников. Не от доброго сердца поступали они так: хотели они своих слуг лучше вооружить да усилить и напасть внезапно на наших людей, отстоявших свою землю.

Но ведал о том наш герой — открыли ему правду святые Божии, да он и сам догадался, в чём коварство Запада. Все его козни обращал наш герой против врага — этому умению обучился он, овладев древним искусством борьбы без оружия, в которой был он сам великим мастером.

Запад сходил с ума ещё больше: стали там рушить церкви, сжигать святые книги, глумясь над всем, что соединяет человека с Творцом. Мужчины у них стали как женщины, женщины — как бесполые существа; учёбу забросили, от культуры отказались. Но от этого стали слабее — когда-то отправляли корабли в небесные дали, к высоте звёздной устремляясь, а ныне — ни на что способны не оказались, да и на звёзды больше не смотрели. Заплыли жиром глаза их, и сами души разжирели.

Поставил Запад в стране предателей нового наместника. Опоили его дурманом своей земли, таким, от которого человек безумным и бесноватым становится. Был тот правитель ничтожным человеком, шутом гороховым, но мнил себя великим воином. Собрал ему Запад войско, отдало тому войску своё оружие — в гордыни своей Запад считал это оружие лучшим в мире, ведь не могут же те, кого они мнили дикарями создать

что-то более совершенное!

Но всё вышло не так — уже поднимались на бой орды Запада, да наша армия первой ударила по врагу. Вновь, как один, поднялся наш народ на защиту Родины, за своим лидером — и на передовой, и в тылу. И вновь звучали грозные слова — бескрайнее наше Отечество, да отступать некуда. И жертвовали наши солдаты жизнями своими, становились героями, перенимая славу у отцов и дедов.

Но это было лишь начало войны: не смирившись с поражением, Запад давал своему ставленнику всё новое и новое оружие, заставляя того силой забирать в войско и безусых юнцов, и стариков, и калек, и женщин…

Не помогло. Не помогло ничего из того, что Запад считал своей силой, — ни «совершеннейшее» оружие, которое оказалось устаревшим и слабым, ни глумление над святынями и пытки мирных граждан, которые вместо страха внушили нашим бойцам только праведный гнев. Била наша армия орды Запада, била умело, да всё равно крови нашей немало пролито было, а прислужников тьмы — сторицей.

И вот взвились наши флаги над последним пределом Родины, над самой дальней её истори-

ческой границей. И испугались владыки Запада неминуемого возмездия. Нечем им было ответить — у берегов их несли свою вахту наши подводные корабли, от удара которых целый материк мог погрузится в пучину водную; целились по их городам и крепостям дальнобойные снаряды, сметающие ударом своим целый город со всеми его слободами, а другие снаряды, неуловимые и неуязвимые, готовы были пустить на дно дорогие, но ставшие бесполезными боевые корабли грозных армад западных владык. А наши мирные города и веси от ответного удара надёжный и невидимый щит прикрыл, и создали ту защиту мудрецы земли нашей.

Грозил Запад нашему Отечеству, грозил развязать страшную войну, которая всё человечество могла уничтожить. Но не испугался наш Главнокомандующий; спокойно ответил он врагу: начинайте! Не боимся мы ваших угроз; мы если и погибнем, то в Рай, как мученики, а вы — просто сдохнете! И согласен был с ним в этом весь наш народ, ведь лучше стоя умереть свободным, чем влачить жалкое существование позорного раба!

Долго мы запрягаем, да споро ездим. Кто с мечом к нам приходит — тот от меча и погибнет. Не осталось тогда между нами слабых и малодуш-

ных — были поначалу, да всех повывели.

Нет, не испугался наш герой, а с ним — и весь народ наш, воспрянув духом. Пуще прежнего струсили тогда владыки Запада и запросили мира. Не надеялись они, что пощадит их наш герой и весь наш народ, — много зла за ними было. Но не стали мы тогда добивать врага — даже не из милости, хотя милосердие — удел сильных и свойственно нам наряду с отвагой. Но порой пощада страшней наказания бывает, ведь есть в мире сила, страшная для любого зла.

— Какая, дедушка? — спросил Вова.

— Правда, — ответил я. — Впервые владыки Запада смотрели в лицо Правде, и то, что видели, рвало на части их грязные душонки. Больше в мире их никто не боялся, никто не уважал. Бесполезной бумагой стали все кабальные договора, заставлявшие народы отдавать Западу свой труд и свои богатства, бесполезными фантиками стали деньги Запада — никто больше не рассчитывался ими, никто не хотел больше с Западом работать, торговать с ним, да и что Запад мог предложить, чего не было в большом и свободном мире?

Пришлось некогда богатому и горделивому Западу затягивать пояса, привыкая к голоду и нищете. Поделом им: не держи фигу в кармане

да камень за пазухой, мы их за версту чуем. От безысходности и злобы набросились друг на друга, сражаясь в сотнях гражданских войн и междусобиц, пока не смилостивился над ними Бог, пока наша страна с другими народами мира не протянула руку помощи нищим наследникам владык Запада. Они до сего дня не оправились от того удара, но новое поколение всё-таки лучше прежнего. Даст бог, и они научатся правде и вольются в братскую семью свободных народов.

* * *

Костёр наш догорал; небо на востоке из чёрного становилось бархатно-синим, как всегда бывает перед рассветом. Свет всегда приходит с востока — так было многие тысячи лет назад и будет до скончания времен…

— Теперь вы знаете всё, — сказал я, улыбаясь. — Наверно, что-то из сказанного мной вы слышали и раньше. Сегодня для вас начинается новая жизнь, сегодня вы становитесь мужчинами и сами отвечаете перед Богом и людьми за свои действия. Я рассказал вам всё это, чтобы вы знали — победа приходит к тому, кто жертвует собой ради других, а те, у кого желания только от брюха, теряют человеческий облик и живут, как

животные, вынужденные питаться объедками и помоями. Жить за чужой счёт — зло; считать себя великим, а других неполноценными — зло вдвойне.

Пришло время, когда наш герой оставил земное Отечество, чтобы возвратиться в другое, небесное. Не хотел он о себе особой памяти, но хотел, чтобы жили имена тех, кто был рядом с ним: двух Сергеев, Дмитрия, Михаила, железного генерала, которого тоже звали Сергеем, кстати…

— И что же, мы не помним, как звали этого великого человека? — спросил Сергей. Он был явно доволен тем, сколько сподвижников этого героя было его тёзками. Может быть, даже немного превозносился над братом. Ничего, это ненадолго.

— Разве можно изгладить из памяти народа имя того, кто победил мировое зло? — сказал я, думая, что завтра ребята разъедутся по домам и я ещё долго их не увижу. Вовка улетит к родителям в город, который носит имя первого человека, покорившего небесные выси, — он было тоже из нашего народа. Стоит этот прекрасный город на другой планете нашей системы. А брат его, Серёга, на невероятном подводном корабле отправится на дно океана, к иному городу, где под толщей вод живут отважные люди, в числе которых и

его родители — учёные, исследователи тайн океана… и в следующий раз мы встретимся только через год, когда моих внуков примут в Стражи. Я уверен, что они будут достойными защитниками нашего Отечества от любой опасности.

Где-то защебетали птицы; на горизонте разливалась пока ещё тонкая алая полоса рассвета. Её свет пока не мог затмить звёзд над нашими головами — звёзд, которые стали наследием нашего народа и всего Человечества.

— И века не сотрут со страниц истории это имя, — сказал я. — Оно такое же, как у меня и у тебя, Володя. Многие в нашей семье и нашем народе носят это имя — в память о нём, простом человеке, сумевшем однажды привести наш народ к победе над самым великим злом в истории…

Сын победы

Тёмная ночь. Бьётся в тесной печурке огонь, и сосновые поленья дышат терпкой пахучей смолой. Чадит коптилка — бензиновая горелка, сделанная из снарядной гильзы, отбрасывает пляшущие тени на стены из брёвен в три наката. Устала и смолкла гармонь, спят солдаты, примостившись на узких лежанках. Спят чутко, тревожно, ворочаются во сне, привычно не вздрагивают, когда где-то поблизости разорвётся снаряд. Тишины здесь не бывает никогда. Отдых на войне короток, а опасность близка. Там, снаружи, совсем близко, ходит Смерть, прячется за каждым укрытием, всегда готовая выскочить в самое неожиданное мгновение. Но в эту ночь старуха с косой не заглянет в землянку на волжском берегу. Сегодня здесь совсем другая гостья.

Она входит неслышной поступью. Невидимая в тусклом свете коптилки, медленно идёт по узкому проходу, вглядываясь в лица спящих бойцов. Тихо присаживается на край одной из лежанок, где спит, разметавшись, молодой парень. Ему нет еще и двадцати лет. Волосы цвета спелой пшеницы, но на висках отметины войны — седина.

Глаза его закрыты, но ОНА хорошо знает их цвет — васильковый. Знает ОНА и имя парня — Алёша, знает и всю его судьбу. Как ей не знать — ведь это её сын. Один из миллионов ЕЁ сыновей.

Сыновей Победы.

Её сыновья и дочери повсюду — на огромном, растянувшемся на тысячи вёрст, огненном разломе фронта. Ото льдов севера до тёплого южного моря пролёг этот страшный рубец, и каждый день, каждую ночь сыновья и дочери Победы поднимаются в атаку, бросаются со связками гранат под танки, сражаются до последней капли крови, не давая грозным стальным чудищам прорвать огненную дугу и устремиться к мирным городам в тылу.

И каждый день незримо сопровождает своих детей Победа — в окопах, в блиндажах и дотах, на полевых аэродромах, в кубриках подводных лодок и стремительных эсминцев. Знает она — сейчас её сыновьям и дочерям особенно тяжело. День и ночь бьются они с врагом, трудятся в госпиталях и сеют хлеб в поле, ведут к фронту эшелоны с оружием и боеприпасами, увозят в тыл машины с ранеными.

Много у Победы детей, и каждого из них она знает поимённо. Есть среди детей Победы и по-

жилые люди, что забыли о годах, едва услышав по радио тревожную весть, взяли винтовки и пошли в ополчение и в партизаны. Есть и совсем мальчишки и девчонки, что заменили на заводах ушедших на фронт отцов и, подставив под ноги ящик, точат у станков корпуса миномётных мин.

И рядом с сыновьями и дочерями Победы — невидимые её сёстры и братья, вдохновляющие на подвиг, вновь и вновь подымающие в атаку бойцов, вселяющие мужество в их сердца.

* * *

У Победы большая дружная семья. Много в ней братьев, много и сестёр, и зовутся они Доброта и Милосердие, Правда и Вера, Надежда и Любовь, Мужество и Отвага, Великодушие и Свет. Все они равны, но сейчас Победа важнее всех, и вся семья помогает ей. Только все вместе смогут они одолеть врага, день и ночь мечтающего о том, чтобы не было на свете ни Победы, ни её родни.

Враг Победы — Чёрное Зло, мрачное уродливое существо, порождение Смерти и Ненависти. Некогда вышло оно из тьмы, чтобы погубить людей, натравить их друг на друга, порождая войны и братоубийство, и окружило себя огромной сви-

той. Слуги Чёрного Зла — Ложь и Страх, Зависть и Жестокость, Алчность и Подлость. Стоит человеку поддаться одному из его слуг, как, словно стервятники на падаль, тут же слетается и вся остальная его свита. Вырвут они душу у такого человека, заполнят образовавшийся промежуток в сердце густой тьмой, и станет тогда этот человек новым приспешником Чёрного Зла, его очередным рабом.

Самых гадких, самых подлых и жестоких из своих рабов Чёрное Зло норовит приблизить к себе, сделать своим любимчиком. И сейчас у него в фаворитах бывший ефрейтор Адольф, маленький человечек с грязным пятном усов на верхней губе, возжелавший уничтожить всех, кто ему неугоден. Жаждет фюрер Адольф подчинить себе весь мир, но больше всего не даёт ему покоя Великая страна Россия с её необъятными бескрайними просторами, несметными богатствами и удивительным гордым народом — разных национальностей, но живущих одной семьёй. Нет для Чёрного Зла никого ненавистнее России. Вот и выкрикивает фюрер лживые речи с обитых алым крепом трибун с чёрным солнцем свастики, потрясает сухоньким кулачком — и отправляются в бой огромные армии, давят танками мирную

землю, разрушают, грабят, убивают и мучают. Гибнут сотни тысяч ни в чём не повинных людей: детей, женщин, стариков; умирают от голода и мучений узники концлагерей, дымятся трубы крематориев, сжигая всех, кого избранники Чёрного Зла сочли недостойными жить.

А среди живописных Карпатских гор прячется по темным норам схронов другой любимчик Чёрного зла — Бандера. Не осталось на свете того, что бы он ни предал, ни растоптал своими сапогами. И язык, и веру, и историю, и даже мужество и достоинство — всё продал он, лишь бы дорваться до мелкой властишки.

Лютой ненавистью ненавидят Чёрное Зло, его слуги и его рабы, Победу и её братьев и сестёр. Ведь всякий раз, когда Зло близко к триумфу, сыновья Победы изгоняют его с его свитой в кромешную тьму, а избранников Чёрного Зла предают справедливому суду.

Порой бывает так, что удаётся Чёрному Злу силой или обманом завладеть чужим, поработить какой-то народ, но приходит время — и сыны Победы отнимают у сил зла их добычу.

Могучую реку может перекрыть сошедшая с гор лавина; можно перегородить её рукотворной плотиной. Но приходит час, и напор воды

сметает преграду на своём пути. Мороз может сковать реку льдом, но весна неизбежна, и самый толстый лёд однажды растает. Неудержима воля сынов Победы, ведь сама Жизнь даёт им силы. Как Чёрное Зло служит Смерти, так и Победа борется за Жизнь. Каждый из детей Победы готов пожертвовать собственной жизнью ради жизни близких, жизни будущих, ещё не рождённых поколений. Ради свободы от чей-то злой воли. Ради любви — к своей Родине, к языку и вере отцов, к родному краю и его прекрасному народу.

* * *

Каждого сына, каждую дочь Победы хранит собственный драгоценный оберег. У одного это крохотная иконка, у другого — пожелтевшая фотокарточка, у кого-то — крестик, детская игрушка или даже просто воспоминание об огоньке в родном окне… Какое бы обличье ни принял оберег, он всегда будет хранить своего владельца, защищать от Чёрного Зла и дарить мужество для борьбы с ним.

У сына Победы Алёши, что ненадолго прилёг отдохнуть в волжской землянке, тоже есть такой оберег, и он не расстаётся с ним даже во сне. И сейчас обветренная, огрубевшая рука юноши

сжимает маленький синий платочек с узкой белой каймой по краям.

* * *

Та, что подарила Алёше синий платочек, ещё не спит. В далекой от фронта, но живущей только новостями с него Москве тихо и устало бредёт по заснеженной улице девушка по имени Таня. Она возвращается с дежурства в госпитале, где работает санитаркой. Кругом темно, ни в одном из крест-накрест заклеенных окон ни огонька, и только лучи прожекторов расчерчивают ночное небо, порой выхватывая из мрака пузыри аэростатов. Хрупкая девушка с трудом открывает тяжёлую, распухшую от мороза дверь подъезда, входит в квартиру, стягивает варежки, разматывает платок, снимает овчинный полушубок. После дежурства она измучена и голодна, но вместо того, чтобы лечь спать, Таня садится за фортепьяно. Открывает крышку и прикасается к клавишам, вызывая к жизни удивительную мелодию, грозную и чарующую. Ту самую, что стала символом далёкого непокорённого города, сжатого в смертельном кольце блокады. Созданная одним из его самых достойных жителей, музыка отозвалась по всей Великой стране, зазвучала в

холодных концертных залах городов, вошла в каждое сердце и стала бессмертной, как подвиг защитников города на Неве.

Усталость берет своё, Таня закрывает пианино, падает на кровать и забывается тяжким сном. Завтра будет новый день — с утра занятия в консерватории, потом короткий отдых, а затем снова ночное дежурство в госпитале. И каждое утро, выходя из дома, Таня с замирающим сердцем заглядывает в почтовый ящик — с надеждой увидеть там треугольник со штемпелем полевой почты и со страхом, что не увидит его больше никогда.

Скоро три года, как Таня встретилась с одной из сестёр Победы — с Любовью. Они с Алёшей мечтали о счастье, хотели пожениться, как только Таня окончит консерваторию… Но все мечты, все планы разрушила война. В первые же дни Алёша ушёл на фронт. Таня провожала на вокзале и у самого края платформы робким, несмелым движением вручила свой скромный подарок — маленький синий платочек с тоненькой белой каймой. И когда поезд пропал из виду, Таня осталась одна. Спутниками ей стали лишь долгожданные треугольники писем. Они и сестры Победы, которые, невидимые глазу, сопровожда-

ют Таню повсюду.

Вера вселяет мужество в сердца тех, кто сражается на фронте, и тех, кто ждёт их дома. Слушают люди голос Веры, подобный перезвону церковных колоколов, и нет у них никаких сомнений — Победа близка.

А когда после тяжёлой смены в госпитале, где израненные бойцы в горячечном бреду всё отбивают и отбивают атаку врага, Таня забывается коротким беспокойным сном, другая сестра Победы тихо кладёт руку ей на лоб — и тревожные сны уходят, уступая место мирным видениям. Эту сестру зовут Надежда. Именно она поддерживает дух защитников далёкого Ленинграда, именно она вновь и вновь поднимает на бой замёрзших, голодных, смертельно уставших бойцов. И рядом с ними со всеми всегда третья сестра, та, что подсказала Тане подарить уезжающему солдату синий платочек с белой каймой, оберег Победы. Эта третья сестра кажется хрупкой и беззащитной, но сколько в ней силы! Именно её повеления слушаются все сёстры и братья Победы — Мужество и Отвага, Стойкость и Храбрость. С ней сыновья Победы становятся бессмертными и непобедимыми, а лютый враг трепещет, чуя близящийся конец.

Имя ей — Любовь. Любовь к дорогим людям, к Родине, к Свободе, к Добру и к Свету.

* * *

Недолог сон солдата — нет на войне расписания, а на стороне врага воюют Подлость и Предательство, и нет для Чёрного Зла большей отрады, чем вероломно ударить тогда, когда не ждут. На рассвете застонет от разрывов земля, задрожат бревенчатые стены, но твёрдым останется сердце солдата. Молча вскакивают бойцы со своих лежанок, быстро выбегают в морозный полумрак траншеи. Теперь между ними и Смертью нет никакой преграды, но в бой их ведут сёстры и братья Победы — Отвага и Мужество, Стойкость и Смелость. Перед окопом колышутся тени, утробно урчат двигатели танков с кривыми крестами свастик на башнях. Приближаются стальные чудовища, выискивают себе цели, поводя хоботами-пушками.

Не оставляет Победа своих сыновей, и они чувствуют это, пусть и не видят её. Отважно принимают солдаты бой, ударяет пушка, скачет гильза по дну капонира, а вдали грозное стальное чудище вдруг начинает вертеться, как ужаленный зверь. Ещё один выстрел — и башня танка,

как отрубленная голова дракона, слетает с бронированных плеч и валится на землю, а из раны вместо крови брызжет пламя. А Алёша, закусив губу, уже переводит орудие на другого бронированного зверя, и Победа во всём помогает ему, стоя незримая за его плечом…

Расправляет Победа сложенные у неё за спиной крылья и взмывает вверх, в предрассветное небо. Поле боя остаётся далеко внизу. Чернота ночи, льющаяся с запада, словно нарвалась на алую стену рассвета, поднимающегося с востока. То тут, то там вспыхивают огоньки выстрелов, то тут, то там расцветают огненные клубы разрывов. Стоят сыновья Победы насмерть, не страшась смотрят они в пустые глазницы Смерти и не отводят взгляд.

Многое видит Победа с небес. Видит всех тех, кто пожертвовал своей жизнью ради Родины. Видит тех, кто на стенах казематов и катакомб писал: «Умираю, но не сдаюсь» — и умирал, забирая с собой десятки врагов. Видит тех, кто в объятом пламенем бомбардировщике огненным ангелом пикировал на колонну вражеских войск — и рядом с ним за штурвалом были Самопожертвование и Месть — самый благородный брат и самая яростная сестра Победы. Видит Победа тех,

кто накрывал своим телом амбразуру вражеского дота и с последней связкой гранат бросался под казавшийся тогда непобедимым танк с чёрным солнцем свастики на башне.

Нет, никогда не взойдёт над страной это проклятое чёрное солнце нацизма, не обожжёт своим губительным пламенем просторные её поля и нивы, не опалит чёрным дыханием леса и сады. Недолго стервятникам парить в вышине небес — поймают их силки прожекторов, разнесут им брюхо меткие зенитчики, и полетят нацистские самолёты огненными стрелами к земле.

Знает Победа, что ради неё вся Великая страна стоит у мартеновских печей и станков, ради неё мчатся к фронту эшелоны, везя на накрытых брезентом платформах неуловимые истребители, грозные танки, мощные орудия и грозу нацистов — могучий гвардейский миномёт с нежным именем «катюша». Видит Победа огненную дугу, сжимающуюся в кольцо, которое силится прорвать, армия Чёрного Зла. И знает Победа самое главное — её торжество уже не за горами.

Ведомо Победе и то, что Чёрное Зло не всесильно. У того, кого его слуги считают своим полновластным владыкой, есть своя госпожа, и имя ей — Смерть. Смерть жаждет жертв, и пока

Черное Зло в силе, его слуги щедро кладут их на её алтарь, поливая его невинной кровью. Но когда сыны Победы встают на пути армии Чёрного Зла, когда Смерти не дают насытиться, она поглощает собственных слуг. И потому всякий, кто принял на себя печать Чёрного Зла — свастику, сам подписал себе приговор.

А пока под звон небесных звонниц и рёв реактивных снарядов, под звуки разрывов и лязганье гусениц, в едкой пороховой гари и снегу, перемешанном с кровью и грязью, идёт невиданный священный бой. И видит Победа, как поднимается над полем боя величественная женская фигура. Это сама Родина-мать, и в руке у неё меч-кладенец, выкованный среди седых Уральских гор в самом сердце Отчизны.

И разит, и рубит Родина-мать этим мечом надвигающееся с запада чудовище, а на земле синхронно со взмахами её меча бьют по врагу тысячи орудий сыновей Победы. Огрызается чудовищный паук со свастикой на разжиревшем от крови брюхе, и слуги Чёрного Зла всё рвутся в бессильной злобе прорвать сжимающееся огненное кольцо.

Но тщетно это сопротивление, потому что нет силы, способной противостоять праведному гне-

ву Родины-матери. Нет силы, способной победить Любовь, с которой идут на бой сыновья Победы. Ведь с ними Правда, а тот, кто знает Правду, не просто силён. Для него открыты тайны прошлого, и будущее видит он так же ясно, как сегодняшний день. Знает Победа путь своих сыновей, знает судьбу каждого из них, знает, что многим, очень многим из них суждено отдать жизнь за Родину. Потому никогда и не просыхают от слёз глаза матери-Победы — ей суждено вечно оплакивать тех, кто не дошёл с ней вместе до самого светлого дня.

Вот и окончен бой, отступили нацисты. Из-за горизонта в высь зимнего неба поднимается золотой шар солнца. Пока его лучи несут мало тепла и не способны растопить снег и отогреть скованную холодом землю. Но с каждым днём его сила будет прибывать — и придёт день, когда растают снега, побегут по земле весёлые ручейки, питая окрестные реки, на ветвях деревьев зазеленеют первые листочки, вернутся из дальних стран перелётные птицы и по ночам запоют соловьи.

Война похожа на незваную смертоносную зиму, зиму Смерти, стремящуюся уничтожить всё живое. Была осень, когда казалось, что всё вокруг умирает. Словно невесомые листья с деревьев,

падали города, падали после долгого упорного сопротивления врагу. Падали на землю солдаты, до последнего отбиваясь, чтобы хоть на день, час, на несколько минут замедлить движение врага.

Потом пришла зима, принеся с собой холода и вьюги. Были самые короткие дни в году, были морозные утра, когда в ясном от холода воздухе звенели слова: отступать некуда. Были герои, на морозе сбрасывающие полушубки, чтобы показать врагу страшный для них знак — белые и чёрные полосы тельняшек. Были юноши, бросавшиеся под танки со связкой гранат, и девушки, умиравшие в петле после нечеловеческих пыток, но не предавшие своих. Была зима Смерти, унёсшая сотни тысяч жизней в далёком северном городе, со всех сторон сдавленном кольцом блокады и в десятках, сотнях, тысячах других городов и сёл…

Весна ещё не наступила. Ещё метёт ветер смертоносную позёмку, а по ночам от мороза раскалываются стволы деревьев. Ещё скованны льдом стремнины рек…

…но лёд уже темнеет, уже скрипит и вздрагивает, чувствуя скорое начало ледохода. А под сугробами, бережно хранимые снежным теплом, готовятся пробудиться первые подснежники.

Знает Победа, что весна уже близко, хоть ничто её приход еще не предвещает, и кажется, что холода пришли навечно. Лютует враг, как мороз в самую жестокую стужу. Но с каждым днём солнце Победы всё выше поднимается над горизонтом, всё больше тепла оно отдаёт миру, всё больше согревает исстрадавшуюся от холодов землю.

И уже скоро зажурчат ручьи, почернеют сугробы и покатится на запад армия врага под могучими ударами сыновей Победы.

* * *

Не бывает на войне долгих передышек, но солдат умеет использовать и самые краткие минуты для отдыха. Стоило врагу отступить — и вот уже дымит в тылу полевая кухня, которая привезла с собой обед и частичку домашнего уюта. Повар, ловко орудуя половником, раскладывает по котелкам кашу, раздаёт ароматный, свежевыпеченный хлеб. Вернувшись к орудиям, солдаты рассаживаются поудобнее — на снарядных ящиках, на пушечных станинах — и принимаются за еду. Знают они цену этой каше — ведь не раз, не два, бывало, такое, что из-за жесточайшего обстрела и непрекращающихся атак не мог кашевар привезти бойцам горячую еду. Приходилось

вскрывать неприкосновенный запас, а то и вовсе сидеть без еды. Что поделаешь? Голод и Лишения — тоже спутники Чёрного Зла, младшие братья и сёстры Смерти. И так же, как она, не знают они, кто свой, кто чужой, — бьют по всем, без разбору.

За обедом пойдут у солдат и шутки, и смех, и весёлые споры, что же всё-таки лучше — орден или медаль? Выйдет к бойцам ещё одна сестра Победы, младшенькая Радость в цветастом платье, тихо нашепчет что-то конопатому солдатику, и тот развернёт гармонь. И вот уже пляшут бойцы под разлив тальянки, а с ними в кругу и Радость вприсядку идёт.

Доносятся звуки гармоники и до слуг Чёрного Зла — и вселяют в их души недоумение и страх. Ещё сильнее им кажется мороз, ещё пронзительнее ветер, и не могут они взять в толк, как кому-то может быть весело в такую минуту. Не понять им, что веселье это тоже сквозь слёзы. Многие из бойцов потеряли родных и близких, многие давно не получали весточки из дому. Да только слезами-то горю не поможешь! Когда Лихо да Беда, вернейшие слуги Чёрного Зла, навалятся на русского солдата, тот только усмехнётся им в их кривые рожи, закурит с товарищем да двинется дальше. Вперёд — навстречу Победе.

Смотрит Победа, как пляшет её сын Алёша, и видит она в танце всё его будущее. Как дойдёт он до широкой старинной русской реки — Днепра, как ранят его там, на переправе, но всё-таки ступит он на противоположный берег и отобьёт вражескую контратаку, прикрывая подходящие подкрепления. Как отвезут его в тыл, и Таня, его невеста, нежной голубкой прилетит в госпиталь. Как он будет метаться в бреду, а она будет вытирать кровавый пот с его лба тем самым синим платочком. И врачи будут говорить, что надо готовиться к худшему, но Вера и Надеждой укрепят её любящее сердце, и Таня будет ждать исхода операции, чтобы с облегчением услышать, что её любимый спасён.

Они распишутся прямо в госпитале и проведут вместе всего несколько дней и ночей. А потом Алёша отвергнет предложение остаться в тылу преподавателем артиллерийских курсов и бросится догонять свою часть. И Таня всё поймёт, не скажет ни слова, только отдаст мужу перед отъездом на фронт тот самый платочек, чью синеву испещрили пятна крови.

Алёша догонит свою часть в Карпатах, где будут тяжёлые бои. Спереди будет огрызаться враг, с тыла станут подло бить приспешники любимца

Чёрного Зла — Бандеры. Этот Бандера мог бы быть сыном Родины-матери, но выбрал себе мачеху — монстра, который не щадит своих детей, продавая оптом бессмертные души. Страшно завидует мачеха Бандеры Родине-матери, завидует, ненавидит и боится, потому и открыла двери для Чёрного Зла и всех его слуг.

Знает Победа, что пройдёт Алёша пыльными и туманными дорогами войны до самой столицы вражеского государства. Это случится в особенный день — шестого мая. В том году в этот день будет святая Пасха. И недаром Победа придёт именно в этот праздник. Стихнут последние выстрелы, чтобы смениться другими, когда оружие поднимают вверх и выпускают весь магазин, чтобы отметить Победу. Но ещё до этого мгновения предстоит Алёше пройти ещё одно нелёгкое испытание.

Идя по улице Берлина, увидит он объятый пламенем жилой дом и на балконе высокого этажа — насмерть перепуганную девочку с куклой в руках. Пламя будет окружать девочку со всех сторон, ревя и протягивая к ней ладони, но Алёша не оробеет. Он подбежит к пылающему дому и заберётся по водосточной трубе. Вся улица с замиранием сердца будет следить, как молодой

русский солдат добирается до нужного этажа, как добирается по карнизу до нужного балкона, как берёт девочку на руки и как медленно, осторожно, движется с ней до соседнего балкона… Вынесет Алёша девочку из объятого пламенем дома, прикрыв от огня верной плащ-палаткой и пробежит по обломкам рухнувшей с фасада свастики. Этот момент запечатлеет фронтовой фотограф, а потом известный скульптор посмотрит на снимок молодого солдата со спасённой девочкой и вдруг увидит в его руке тот самый меч-кладенец, что сковала Родина-мать. Воздвигнет скульптор фигуру сына Победы, и застынет каменный Алёша, попирая свастику, на вечные времена.

А живой сын Победы отдаст испуганную малышку её немецкой мамочке, не слушая её «данке», и спешно уйдёт через Бранденбургские ворота — на восток, домой. И Таня встретит его на Белорусском вокзале, а рядом с ней будут встречать его сёстры Победы Любовь, Забота, Верность и маленькая Радость в цветастом платье.

Будут Таня с Алёшей жить долго и счастливо, и семья их будет такой же большой и дружной, как семья Победы. Много наград будет у Алексея, — и орденов, и медалей, — но самой значимой и доро-

гой для него навсегда останется синий платочек с тонкой белой каймой, прошедший вместе с освободителями Сталинград и Киев, предательские ущелья Карпат и ликующие площади Вены, руины Дрездена и огненные улицы поверженного Берлина.

* * *

Всё это видит, всё это знает Победа, наблюдая за своим сыном в минуту отдыха после боя. Знает она и то, что, когда Алёши уже не будет на свете, его внук достанет дедов платочек, положит в нагрудный карман и отправится защищать Донбасс, несгибаемый, как Ленинград в блокаду. Потому что Чёрное Зло живуче и бой между ним и победой будет продолжаться вечно, ведь всегда найдутся те, в чьей душе есть место для тьмы, и те, кто способен жертвовать даже самым дорогим, чтобы тьма не одолела свет.

Но знает Победа и то, что поражение ее врагов неизбежно. И любимчиков Чёрного Зла обязательно постигнет кара, не важно, от пистолета в собственной руке или от петли. Так будет с врагами Алёши, так неизбежно будет и с теми, кто через много лет попытается прийти им на смену.

Триумф победы и её семьи — её братьев и се-

стёр, её сыновей и дочерей — неминуем.

Потому что на их стороне — Правда.

Все это наша земля

В жизни бывают ситуации, когда у самого уравновешенного человека на душе неспокойно, хотя, казалось бы, никаких поводов для волнений нет.

Если ты — мастер своего дела, если ты его любишь, ты, по идее, всегда уверен в результате, но… Все равно, заканчивая какой-то важный, глобальный проект, ты не можешь не волноваться. А что, если какие-то твои расчеты неверны, а ты этого не заметил? Профессионалам тоже снятся кошмары — мостостроители видят, как построенные ими мосты рушатся в бездну, авиастроителям чудятся падения спроектированных ими лайнеров, а у певцов в кошмарных снах перед ответственным выступлением пропадает голос.

Сергей Чичагов не так давно окончил университет, но уже был известен как талантливый архитектор. Его проекты получали призы международных выставок, но для Сергея куда важнее было то, что уже несколько зданий возводилось по его чертежам и расчетам. А в некоторые его дома даже заселились уже люди, и Сергей порой навещал свои детища — чтобы просто посмотреть на счастливых людей, живущих в доме,

который построил он. Ну, не то чтобы он лично, но без его чертежей никакого дома бы не было или, что того хуже, было бы какое-то очередное безликое типовое здание, не весьма удобное и комфортное.

Сейчас Сергей закончил работу над настоящим шедевром — проектом вокзала для монорельсовой железной дороги, называемой маглев. Этот маглев был настоящей фантастикой — красивые вагончики бесшумно проносились по ажурным эстакадам, словно сбежав из научно-фантастического фильма. Для такого транспортного чуда и вокзал должен был быть под стать — и Сергей был уверен, что его проект идеально подходит, ведь в нем сплелись воедино традиционная русская архитектура, унаследовавшая от деревянного зодчества замысловатую ажурную вязь, и устремленные ввысь, в космос, к звездам современные линии.

Да, Сергей был полностью уверен в том, что его проект идеален, однако оценят ли его другие, те, кто будут его принимать? Люди разные. Кому-то идея Чичагова может показаться излишне консервативной, лубочной; другим, наоборот, может не понравиться новаторство. А кому-то и сам Сергей Чичагов может быть не по душе. Он же не

доллар, который любят все…

Когда человек сделал все, что мог; когда выложился по полной и все силы своей души влил в свою работу; когда сделал все, что мог, наступает время, когда от тебя уже ничего не зависит. До сдачи проекта оставалась неделя. Приходилось ждать.

А ожидание — одно из самых тягостных для человека состояний. В этот момент к нему, как мотыльки на свет лампы, слетаются темные мысли, сомнения, опасения. Что делать в такой ситуации? Рациональность подсказывает: выбросить все тревоги из головы и ждать. Возможно, это хорошая идея — если бы так просто можно было взять и отбросить все тревоги и сомнения…

До сдачи проекта оставалось время — три недели, и Сергей просто не знал, чем себя занять в эти дни. Как это часто бывает, идея пришла ему во сне, точнее, не совсем идея…

* * *

Ему снилось, что он — воин. Непривычная тяжесть щита на одной руке, в другой — древко длинного копья, упертое в землю тупым концом, острием целящее в дальний горизонт, у которого видна темная масса, словно туча опустившаяся

на землю. Он знает, что это за грозная туча — это приближается татарское войско. Огромное, несть им числа. Подходят они от Ивановских слобод. Но Сергею почему-то совсем не страшно — может, потому, что он знает, что рядом с ним друзья. Пахом, Ипатий, Феодул, Иаков…

Позади медленно течет река Волга. За ней — Кострома-город. Намедни они стояли ночным привалом у самой Костромы, у длинного озера — старицы реки. Носящей то же имя, что город (или город назвали по реке? Бог весть; давно это было…).

Они знали, с чем идут к городу Костроме: грозный враг, опустошивший, по словам некоторых, и сам Киев, теперь повернул к северу. Татары — как саранча; сколько в стаю саранчи из луков не пали, толку не будет.

Сергей отмахнулся от грустных мыслей, как от овода: нечего унывать, двум смертям не бывать. Чем себя томить предчувствиями — надо отвлечь помыслы от темных предвестий будущего. Будущее малой дружине доброго ничего не сулило — их, если говорить просто, выставили слабым заслоном, чтобы не разгромить, не обратить вспять и даже не остановить навалу гога и магога; нет, они должны были лишь замедлить

соколиный лёт татарской конницы. Умереть до единого, но замедлить настолько, чтобы мирный люд Заречья успел пересечь Волгу и укрыться за костромскими стенами… пока.

Падет и грозная Кострома; не удержат крепкие стены и башни татарской орды, как не удержали ее громадные, в две сажени толщиной и почти двадцать высотой, стены Киева. Но Русь жива будет! Кто может, уйдет на север, в леса, ковать мечи с топорами, справлять копья с рогатинами, сколачивать щиты да готовить стрелы — чтобы однажды вернутся сюда и вновь отстроить разрушенное.

Но то будут уже какие-то другие люди: например, сыновья Сергия, Косьма, да Трофим, да Мирон… Сам он поляжет здесь же, и кости его хорошо, если сама мать сыра земля погребет. Хорошо, хоть перед боем исповедаться да причаститься сподобил Бог — в маленькой не то избе, не то храмине отца Иова у Святого озера…

— Так ты, Ипатий, пошто так и не рассказал, отчего то озеро Святым зовется? — спросил Сергей у ратника, стоявшего с ним плечом к плечу. Ратник тот был русым, по широкому лицу щедро рассеяны веснушки. Сам Ипатий, сын Власиев, был костромич, что было зело кстати — их десят-

ку не требовалось, подобно иным, долго искать ни прокорм, ни постой, ни дорогу. — Ужель от кельи отца Иова?

— Да что ты, — степенно ответил Ипатий. — Отец Иов тут давно, конечно, обосновался, но Святым озеро стало еще при прадедах. Говорят люди, что князь Георгий, прозванный Долгоруким, когда здесь еще засеку сверял и о граде только думал, да у Бога просил знамения, забрел к источнику, из коего мы и почерпали, и в кустах увидел образ Богородицы. Счел он, что это знак: город-то звался спервa Богородицк-Костромской, да за сотню лет это забылось, народ-то ленив, Кострома — и Кострома…

Сергей бросил взгляд на темное пятно на горизонте. Зловещая «туча» приближалась, словно само дневное небо свивалось свитком, обнажая скрытую синевой темень ночи без звезд и месяца…

— Да прадед мой говаривал: озеро сие Святым называли еще и тогда, когда князь Георгий и не помышлял сюда в поход ходить, а Кострома не городом была, а выселком. Там, где ныне дом отца Иова, стояла-де не то часовня, не то крест поклонный. Иные говорят, что чудотворный образ — из той храмины, а кто ее поставил, то уж Бог знает,

но стояла она в здешнем краю далее, как век, да век, да век, да полвека с малым…

— Скажи еще тогда — прямо со времен апостольских, — фыркнул рыжий детина — новгородец Пахом. Росту был в нем, почитай, маховая сажень с лишком, кулаки — как гири пудовые. — Стариков хлебом не корми, дай басни поведать, а ты уши-то и развешал, как дитя малое… Хотя вода там и правда диво сладкая, словно в раю почерпали.

— Ты, Пахом, хоть и в Бога веруешь, — обиделся Ипатий, — а иногда говоришь как бусурманин некрещеный. Мало ли икон на Руси так обреталось? С чего мне старым людям не верить? Пожили они поболе, чем ты, Фома-неверующий, да и повидали не чета нам. С чего им ложь говорить?

— Да ради красного словца! — не унимался Пахом. — Не то не знаю я этих разговоров при лучине? Я в поморы ходил; там ночь в полгода бывает. Что делать, коли ночь да зима? Только и того, что по избам сидеть да басни травить — то про кита с рогом, как у Индрика-зверя, то…

— Довольно уж, братия, — сказал степенный Иаков — самый среди них старший. О боевом опыте Иакова лучше всего свидетельствовала

пустая глазница справа — след от бусурманской стрелы. — Чего лясы точить, глядите, татарва-то близко уже. Успеете к бою изготовиться?

— Да что там, — ответил Пахом, приподнимая острие своей полуторасаженной рогатины. — Готовы уж, пусть себе.

— А к смерти-то? — серьезно спросил Иаков. — Сколь не скрывай свой страх за пустопорожним разговором, а от правды-то не уйти: судил нам Бог сгинуть здесь, у Волги.

— Может, и не сгинем, — недовольно пробурчал Пахом. — Чего заранее саван шить да могилу рыть? Глядишь, и нам поможет Пресвятая Богородица…

Не выпуская рогатины, он прямо со щитом на руке кое-как снял свою крепкую шапку, по бедности заменявшую большинству ратников шеломы, и торопливо перекрестился:

— Бог свидетель: коли устоим в этой сечи — вернусь к отцу Иову и своим топором выстрою ему храм Божий. Людей-то по сёлам окрест много живет, а церкви Божьей не сыскать: за версты в Кострому ходят.

Он вновь надел шапку. Тем временем Сергей опять оглянулся на поле перед ними — татарская «туча» теперь покрывала его, как саранча

посевы.

— Что, братие, — сказал Пахом. — Дадите со мной обет такой?

— Дадим, — нестройно ответили остальные. Сергей молчал, но потом, увидев устремленные на него взгляды, быстро добавил:

— Да, и я тоже, конечно… простите, задумался…

Вдалеке ужа слышалось ржание татарских коней. Сергей только крепче сжал рукоять копья. Дать-то обет легко, а вот как его исполнить?

* * *

Увиденное во сне Сергея не удивило, но озадачило. Он хорошо знал то место, о котором говорили воины. Из Костромы, вернее, из деревни Некрасово, происходил его род, там жил прадед Сергея и его тезка — в честь его Сергея и назвали. Прадеда Сергей всегда величал «дед Сережа», и тот выделял его среди многих других своих внуков и правнуков. Это он Сергею рассказывал — и про то, как горстка ратников отстояла Кострому от татарской орды — потом это назовут «битвой у Святого озера», хотя сражались, строго говоря, не у него, а за Волгой; и про то, как ополченцы Минина и Пожарского разбили

здесь войско Тушинского вора — ляхов да наших вероотступников.

Верующим был дед Серёжа. Веру свою нашел он в окопах Сталинграда. На войну комсомольцем уходил. Сам он об этом Сергею и рассказал:

— Год мне до призыва оставался, когда фашист напал. Я, конечно, в военкомат. Ну, там долго не рассусоливали — определили в матушку-пехоту, сборный пункт маршевой роты — на вокзале. Явиться на следующий день.

Пошел я домой, в путь-дорогу собираться. Мать, конечно, в слёзы, сестры туда же. А прабабушка моя, Вера Иустовна, царствие ей небесное, старая была, все на печи лежала, даже летом мёрзла, кое-как с печи слезла, отвела меня в сторонку и говорит:

— Как солнце зайдет, пойдешь со мной. Дело у меня до тебя есть.

Прабабушку свою я любил, но и боялся. Что-то в ней было особое, будто не от мира сего. Бывало, как в комсомоле учили, заведу я дома разговор какой про религию да поповщину, а она глянет строго — и слова, как ком, в горле застревают… Вечером вышел во двор, дождался, как за лесом последний отсвет заката погаснет, — она уж тут, как тут. О клюку опирается, идем, говорит. Не-

далече идти.

Ну, пошли мы к Святому, вернее, сначала к часовне. Там тогда сенной склад был. Бабушка Вера двери открыла — они раньше с внутренним засовом были, а ключ-журавль у каждого в деревне был. Вошли внутрь. Она стала на колени и молится, я жду. Хотел было закурить, да не успел. Светлее стало в часовне, словно свечи зажгли, хотя какой там огонь, если сено сухое вспыхнет — пожар на всю деревню. На стене восточной вдруг пятно света образовалось, и, ей-богу, почудилось мне, что в этом кругу света лик Спаса появился. Строгий такой, спокойный…

Я глаза зажмурил, открываю — будто и не было. Темно в часовне, как и полагается по законам физики. Бабушка домолилась, стоит, на клюку опираясь. В руках сверток держит.

— О тебе я молилась, — говорит. — Чтоб с войны вернулся живым да не калекой. Долгой война будет. Твое поколение, почитай, все поляжет. Из твоего класса в школе ты один и вернешься.

— Да что ты говоришь! — возмутился я. Мы-то тогда, фильмов насмотревшись, «Если завтра война» и все такое, думали — обойдётся малой кровью да на вражеской территории.

— Что есть, то и говорю, — ответила она. —

Возьми то, что даю, и сохрани. На груди носи, там и петелька есть. Будешь носить — вернешься еще к своей Любушке (эх, прозорливая же была; я тогда еще к прабабушке твоей и не сватался, только ходил и смотрел; она самая красивая была на всю Некрасовку, ежели не на всю Кострому), а коли снимешь или потеряешь — тут тебя смерть и найдет… Перед рассветом у ключей водой омойся, да и ступай на свой призывной пункт.

Знаешь, Сергуня, я хоть и молод был, и дурь комсомольская у меня в голове играла, как хулиган на баяне, а все ж сделал, как она велела. И поди ж ты! Дважды из котла выходил, под Смоленском и под Брянском. У Истринского водохранилища один из роты остался, когда немцы на Истру перли.

Потом Сталинград. Там, помнится, отправили меня в разведку, я бабушкин подарок снял и в землянке оставил, и что ж? Обнаружили нас, из минометов накрыли, едва до своих добрались, а Славку Вотякова осколок мины уже на нашем бруствере догнал — втащил я его в окоп, а он мертвый. Больше бабушкиной котомки я не снимал, разве что в бане. Эх… как война началась, все мы комсомольцами были, религия — опиум для народа, бессмертная душа — вредоносный

атавизм… А помню, после Курска в бане мылся — гляжу, нательные крестики, почитай, у половины. Где они их только брали…

Курск прошел. Брянск со Смоленском обратно освобождал. Потом Минск, потом Южная Польша — у Зеленой Гуры три дня так нас бешено атаковали эсэсовцы — на минуту глаз не сомкнул за трое суток. Опять из роты нас трое осталось — я, Миша Кустодиев да Вася Цыганчук. Жаль, в Берлин не попал, накануне осколком в плечо долбануло, по кости только чиркнуло, а все равно в госпиталь направили. Да ладно, правильно направили — кость хоть и не задета, а рука онемела и лишь через неделю отошла. С такой рукой трехлинейку не удержишь — какой из меня при такой позиции вояка?

* * *

Для Сергея дед Сережа всегда был героем. Хотя он, конечно, и был героем — его пиджак, в котором дед ходил на разные торжественные мероприятия, украшал целый иконостас — ордена Красной Звезды, Славы третьей степени, Отечественной войны второй (потом, на сорокалетие Победы, и первую добавили), а уж медалей-то — не счесть. Дед Сережа Сергею-младшему вни-

мания много уделял — и плотничать его учил, и кирпичи класть; и на рыбалку с ним ходил, и в лес по грибы; и читал ему, и истории разные рассказывал… И в храм его привел дед Серёжа, и на Святое озеро сам водил, и часовню у него показывал.

Часовня эта с первого раза поразила Сергея. Вроде ничего в ней примечательного — небольшая, но с высокой, конусообразной крышей. Вот только было в ней что-то такое… особенное. Часовня была закрыта на большой амбарный замок, но лишь для виду — все местные знали, что замок можно раскрыть, дернув посильней, но потом надо обязательно защелкнуть обратно.

Внутри было пусто, неухоженно. Ни образов, ни фресок — просто пустое квадратное помещение, но… войдя внутрь, ты словно из нашего времени перемещался даже не в другое — куда-то между временами.

— Чего ж она пустует? — спрашивал деда Сережу Сергей. — Храмы везде восстанавливают, строят, а наш будто невидимый.

Дед Сережа только рукой махал:

— **Потому что люди Бога забыли. Деньги — вот их бог, а настоящего не видят. Есть, конечно, духовные люди на Руси, и много, но,**

видно, не в наших краях. Все о деньгах думают, даже в храм с тем же приходят. И милостыню подают, и жертвуют с тем, чтобы Бог им с процентами вернул. А Богу разве это надо? Бог не банкир и не ростовщик. Ему душа живая нужна.

Потом Сергей подрос, вступил в период, когда со взрослыми начинают спорить. Тогда ему казалось, что дед безнадежно отстал от жизни со своими рассказами, со своей верой в Бога и чудеса. Тихий и спокойный уют дедового дома, осиротевшего со смертью бабушки Любы, стал вдруг невыносимым. Хотелось в Москву, где жизнь била ключом, где были друзья, девушки, веселые компании…

Но с первого раза поступить не удалось. Пришлось идти в армию. Всего год, но он многое изменил в жизни Сергея. Как он сам считал, вправил ему мозги. И ведь ничего особенного не случилось — ну, побыл в учебке, потом на Дальнем Востоке, на Курилах. Что повлияло на Сергея? Может, увидел он величие нашей Родины — не только обширные пространства, но и другие города, заводы, зеленеющие по весне поля, космодром «Восточный», где он тоже побывал во время службы. Космодром только строился, но от

грандиозных планов захватывало дух.

И на контрасте — уют провинциальных городков; золотые маковки церквей, отражающиеся в водах тихих, спокойных рек; заснеженные вершины камчатских сопок, яркие звезды вдали от светового загрязнения мегаполисов…

В армии у Сергея изменилась цель в жизни — раньше он хотел поступать на юридический, а потом — он сам не знал почему — решил связать свою судьбу с архитектурой. На этот раз поступить удалось с первого раза, хотя во время поступления произошла неприятность, или скорее горе: между экзаменами Сергей узнал, что дед Сережа слег, а перед оглашением приказа о зачислении пришла новость о его смерти… на похороны Сергей не поехал. Не потому, что по-прежнему относился к деду с подростковой неприязнью, это прошло. Он искренне скорбел по деду и потому не поехал — не хотел видеть безмолвно лежащим в гробу того, с кем не успел по-человечески попрощаться.

С тех пор Сергей ни разу не был на малой родине. Иногда думал поехать, но как-то не собрался. А теперь — внезапно — к Сергею пришло чёткое понимание того, что надо ехать — туда, где стоят крохотная часовенка и старый дедов

дом, где в длинном озере, невидимые с берега, бьют ключи, а в сокровенном месте скрыт святой источник, из которого, наверно, набирал воду шеломом тот воин, в которого Сергей воплотился во сне.

Звала его родная земля, хотя еще семь лет назад он первым бы посмеялся над этими словами. Как земля может звать? Она же не одушевленная! А, выходит, не так. Может, и зовет. Да так, что не отвертишься.

* * *

Поездом от Москвы до Костромы в среднем пять часов езды; «Ласточкой» и за четыре добраться можно, но Сергею не нужна была скорость. Сергей любил поезда — он и с Дальнего Востока домой на поезде добирался, хотя мог бы и самолетом. Но есть в поездах какое-то свое волшебство. Потому и выбрал Сергей знакомую уже «Россию», выезжавшую с Ярославского вокзала в полпервого ночи.

Ехал Сергей плацкартом. К его удивлению, вагон был полупустым — возможно, потом доберут пассажиров, по дороге. Спать не хотелось, и Сергей пил чай и смотрел в темень за окном. Казалось, что поезд не по земле едет. А разрезает космические дали; впечатление добавляли руко-

творные «звезды» — огни поселков и маленьких городов. Тем не менее между двумя и тремя часами Сергея начало клонить ко сну, хотя спать он сперва не собирался. Поставив будильник на часах, Сергей, не раздеваясь и не разбирая постель, прилёг на полку и задремал…

…под ногами похрустывала стерня — не правильная, оставшаяся после серпа или косы, а болезненная стерня военного времени, стерня несжатой нивы. Сергей шел, и ему не надо было оборачиваться, чтобы знать, что позади, на расстоянии в пару верст, лежит Ипатьевский монастырь. Монастырь был взят ополченцами, взят дорогой ценой — хотя на войне любая цена дорога. Костя Мезенцев да Колька Костыгин пожертвовали собой, чтобы взорвать у могучих стен обители бочку с порохом, обрушившую казавшуюся непреодолимой преградой стену обители…

— Да туда ли ты нас ведешь, брат Ипатий? — На верзиле Пахоме была серая исподница да суконная сермяга, холодные штаны, лапти с онучами и суконная скуфейка. За поясом — топор с щербленым лезвием, если бы не ручница на плече и перевязь с ладункой — чисто тебе лесоруб или плотник. Впрочем, так одеты были все в маленьком отряде, разве что Иаков-старшой

заместо сермяги носил польский терлик да красный кушак, за который заткнуты были польская же сабля да пара разномастных пистолей. У Феодула-молчуна тоже была ручница, а Ипатий с Сергеем несли по большому бердышу и короткому самопалу, похожему на пистоль-переросток. Сергей откуда-то знал, что самопалы — оружие ненадёжное, не в пример ручнице, и годится лишь припугнуть. Да ты и из ручницы еще поди попади!

— Обижаешь, братишка, — ответил Ипатий. — Я в Святозерке родился, босоногим тут каждую тропу обегал.

— А то, гляди, еще и повторишь подвиг Ивана Сусанина ненароком, — фыркнул Пахом.

— Типун тебе на твой длинный язык, — осадил его Иаков. — Мелешь такое, прости, Гос-

поди…

Он вздохнул и добавил:

— Кабы нам до рассвета успеть! Ляхи медлить не будут — дали мы им жару, как солнце взойдет — мигом рванут прочь от монастыря, тут-то мы их и видали.

— Да не опоздаем, — обнадежил его Ипатий. — Вон за перелеском и часовенка виднеется. У нее подождем. Путь ляхам один будет — не пойдут

они меж Святым и Костромой, как пить дать, сюда двинут.

— Если по берегу не пойдут, — буркнул Феодул.

— Жаль, у воеводы нашего людей — кот наплакал, — размышлял Пахом. — Что мы вчетвером сможем, с двумя самопалами? Сомнут нас ляхи!

— Да хоть и сомнут, — урезонил его Иаков. — Не в том дело наше. Нам их конных в замешательство ввести надо, чтобы сумнятица случилась. Пальнем по ним раз, мало, другой — и то если успеем. А там хоть трава не расти.

— Чует мое сердце, сгинем мы тут, — буркнул Пахом.

— А хоть бы и сгинем! — возразил ему Ипатий. — Смерть, она и под камушком найдет. А второй смерти всяко не будет. Вот дивлюсь я тебе — сам вызвался, а теперь бурчишь, как баба.

Впереди показался покосившийся сруб с чудом уцелевшим деревянным крестом на покатой крыше.

— Нечто я о себе пекусь? — Пожав плечами, Пахом перебросил ручницу с плеча на плечо. — Привык я к вам, олухам. Я-то свое пожил уж, можно и на тот свет, а Сергуня наш совсем молоденький. Жить ему еще, а не под копытами ляхов сгинуть. А какие он церкви рисует, положим, вы

видали?

— Ты меня загодя не хорони, брат, — ответил Сергей. — Сказано в Писании: снаряжают коня на битву, а победа — от Господа. Я скажу: ежели даст мне Бог уцелеть…

— Ой, не зарекайся, — перебил его Ипатий. — Прежде перескочи беду. Потом «гоп» говори. Да мы уж и пришли.

Они остановились у покосившейся старой часовенки. Видно было, давно не приходили люди к ней, давно не поправляли. Того и гляди, повалится…

— Здесь, говорят, образ был чудотворный, — сказал Ипатий. — Видно, ляхи украли: очень уж они наших икон не любят. Государь мой Иаков, тут дровница есть да сруб колодезный. И за тем, и за оным укрыться можно. Мыслю, правильно надвое разделиться — кто за поленницей, кто у колодезя. С двух сторон по ним вдарим, просека и там, и там, как на ладони…

— Тихо всем, — скомандовал Иаков.

Все остановились и замолчали, а командир прислушался. Потом сказал:

— Раньше они двинулись. Идут, да далёко еще. Сделаем по слову Ипатия — сперва зайдем в часовенку, образам поклонимся, потом делимся

— Пахом да Ипатий к колодезю, а Феодул с отроком Сергием — за поленницу. Жив Господь, будет у нас время и Богу поклониться, и по месту убраться, и зелье подготовить…

…В часовне было темно — должно быть, в ней и днем-то не особо светло было, вряд ли через крохотные, почти слуховые окошки снаружи проникало много света. Тем не менее все увидели, что на стене, противоположной входу, висит большая икона Спаса.

— Ишь, не украли ее ляхи, — обрадовался Ипатий.

— Должно быть, войти не решились, — добавил Пахом. — Так-то они все храмы наши громят, а тут сочли, что эта часовенка и сама вскорости рухнет.

— Не должен храм Божий в таком запустении стоять, — сказал Феодул. — Не правильно это.

— Ежели Бог меня сподобит, — заговорил Сергей, — все сделаю. Чтобы вместо этой здесь каменный храм справили. Ходить буду за князем, за полу дергать, сам рисунок для него сделаю, но не упокоюсь, покуда не увижу здесь каменное строение заместо деревянного…

— Все ты камнями грезишь, — усмехнулся Пахом. — Стояла Русь столетия деревянной, даст

Бог, еще постоит.

Сергей хотел возразить что-то, но его остановил Иаков:

— Довольно. Ляхи близко уже, пора по местам, братия. Пора.

* * *

— Просыпайтесь, пора вставать, подъезжаем, — будила Сергея проводница. Он машинально посмотрел на часы — было почти шесть утра, выходит, проспал он часа четыре, но, на удивление, выспался. Сергей умылся, почистил зубы, собрал вещи — и через час уже выходил на платформу вокзала Костромы.

Несмотря на раннее утро, народу на вокзале было прилично — не так, конечно, как в Москве, но немало. Сергей пошел искать маршрутку до Некрасовки. В этом ему помог мужчина лет сорока с непримечательной внешностью, который оказался его попутчиком. Когда мужчина представился, Сергей вздрогнул.

— Ипатием меня зовут, — улыбаясь, сказал тот. — Родители назвали в честь нашего монастыря. В школе было дразнили так, что слёзы на глаза наворачивались, потом привык.

— А я Сергей, — представился Сергей. — А в

Некрасовку зачем едете?

— Живу я там, — ответил Ипатий. — В командировку ездил, в Питер, теперь домой возвращаюсь.

Работал Ипатий врачом, в свободное время занимался раскопками. Его, как специалиста в области анатомии, часто привлекали поисковые отряды. Когда никаких дел с поисковиками не было, Ипатий сам проводил раскопки в Костромской земле — чисто для себя.

— Здесь края интересные, — говорил он, — если знаешь, что искать. Например, я выяснил, что первая битва у Святого озера была вовсе и не там, а на противоположном берегу Волги, между Коряковом и Клюшниковом, там, где сейчас дачи. Дачники там постоянно в земле находят то наконечник стрелы, то копья, то рогатины, правда, чаще всего просто выбрасывают. Для неспециалиста даже сабля двенадцатого века — просто ржавая железка. А я там такой меч нашел! Он в музее истории Костромы теперь.

У маршрутки скучал водитель — непримечательный пожилой мужчина.

— Когда едем? — спросил его Ипатий.

— Минут через десять, Ипатий Саныч, — с ленцой ответил тот. Видать, с новым знакомым

Сергея он был знаком. — Сами видите, народу немного сегодня, даже странно. Подождем еще, может, пара человек подойдет.

— И я еще на свое имя жалуюсь, — тихо сказал Сергею Ипатий, забираясь в салон маршрутки. — Знаете, как этого парня зовут? Феодул. Он не местный, приезжий, хотя корни наши, костромские.

Сергей опять почувствовал, словно под кожей у него ток пробежал. Он решил пустить пробный шар и, как оказалось, попал в лузу:

— А почему вы решили стать поисковиком?

— Давай на ты? — предложил Ипатий. Сергей кивнул. — Почему решил? Земля наша костромская позвала. Она ведь особенная, а у нас в Некрасовке и подавно. Кстати, озеро у нас опять Святым называется, а сама Некрасовка в древности звалась Святозерской слободой.

А еще, знаешь, мне с детства сны снятся. То вижу я себя костромским ополченцем, то под танк с гранатой бросаюсь, то стану ратником, которому надо сдержать рвущихся к Костроме татар.

Я подумал: сколько народу в нашей земле лежит, без вести пропавшего? Сколько сгинуло, и никто не знает как да где. А я… не знаю, я как будто возвращаю их память, понимаешь.

Их разговор прервало появление нового пассажира. Это был крупный, степенный мужчина с окладистой рыжей бородой, в рясе иеромонаха. Тут Сергея проняло сразу же — мужчина как две капли воды походил на Пахома из его снов. Сергей решился:

— Отец Пахом?

— Пахомий, — удивленно поправил его иеромонах. — А вы кто, молодой человек? Мы с вами знакомы? Не могу вас припомнить.

— Ну… — начал Сергей. — Вы мне показались похожи на одного человека, которого я знал когда-то.

— Вы тоже мне кажетесь знакомы, — ответил монах. — Вы в Донском монастыре в приходе не были, случайно?

— Нет, — покачал головой Сергей. — Один раз только был в Донском.

— Ну, может, там и виделись, — улыбнулся отец Пахом. — Меня трудно не заметить, я до того, как в монастырь пошел, в морской пехоте служил.

— А мы скоро поедем? — спросил еще один пассажир, забираясь в маршрутку. — Привет, Феодул. О, Ипатий!

— Здравствуйте, Яков Матвеевич, — поздоровался Ипатий. — Тоже из Москвы возвращае-

тесь?

Вновь прибывший был самым возрастным в компании — под шестьдесят, наверно, но при этом бодр и энергичен. Он сел на свободное сиденье перед Сергеем и Ипатием (отец Пахомий сидел через проход).

— Да нет, отдыхать ездил. Замотался совсем. Заказов масса, решил махнуть на три дня в Крым, в море искупаться, и домой. Третий год без отпуска.

— Ну да, — согласился Ипатий, — у вас сейчас работы много, дома строятся, как грибы по осени растут. Познакомьтесь, это отец Пахомий.

«Как тут все запросто», — подумал Сергей.

— Очень приятно, — кивнул Яков. — Яков Езерский, предприниматель. У меня фирма по строительству.

— Отец Пахомий, — степенно кивнул иеромонах. — Буду окормлять ваш приход.

— Нужное дело, — кивнул Яков, и обратился к Сергею: — А вы, молодой человек, чьих будете? Я как будто вас знаю, но вспомнить не могу.

— Удивительно, — добавил отец Пахом. — У меня та же история.

— Ну все, выезжаем, — сказал Феодул, садясь за руль.

— Сергей Чичагов, — представился Сергей. — У меня прадед в Некрасовке жил, хочу дом его навестить, на могилку сходить.

— Так вот откуда я тебя знаю! — обрадовался Ипатий. — Ты же деда Сергея внук, выходит?

— Правнук, — ответил Сергей. — Но…

Отец Пахом откашлялся.

— Дорогие друзья, — сказал он. — Вы все здешние, как я погляжу; я же сам родом из Мурманска. Отродясь в ваших краях не бывал. Так почему же вы мне кажетесь такими знакомыми? Особенно вот этот юноша? — указал он на Сергея.

— Не знаю, — сказал Ипатий. — Я вот тоже, как вас увидел, подумал, что мы раньше встречались.

— Ну, я, как в командировки езжу, в храмы захожу, — добавил Яков. — Подумал, может, видел в каком…

— Не все так просто, — добавил сидящий за рулем Феодул. — Я тоже не костромской, да и не особо верующий, но вас, отче, уже где-то видел. И парня тоже.

И тогда Сергей решился…

* * *

Когда он закончил свой рассказ, маршрутка

подъезжала к Некрасовке. Подъезжала как раз с той стороны, где стояла часовенка Изнесения Честных Древ.

— Вот оно как, — задумчиво погладил рыжую бороду отец Пахомий. — Это выходит, что Бог нас нарочно свёл…

— Но зачем? — спросил Ипатий. Когда Сергей рассказывал про свои сны, он признался, что видит такие же с юности. Более того, Якову, оказывается, тоже снилось что-то подобное. И отцу Пахомию. И даже Феодулу.

— Давайте рассуждать логически, — предложил Яков. — Отец Пахомий — иеромонах. Ему в храме служить по чину положено. Сережа у нас архитектор, у меня — строительная фирма, Ипатий здесь каждый кустик знает…

— А я? — спросил Феодул.

— А у тебя микроавтобус, — ответил Яков. — Материалы подвезти, для ремонта.

— Да какого там ремонта, — махнул рукой отец Пахомий. — Это только в либеральных СМИ пишут, что у церкви денег куры не клюют. По всей Руси храмы живут тем, что в кружку положат. А с этого за свет заплати, за землю, за чёрта лысого… прости, Господи.

— Не все упирается в деньги, — ответил ему

Яков. — Я же говорю — у меня фирма строительная. Придумаем что-нибудь. И генератор для вашего храма я куплю, и насос для воды найду, и котел для отопления.

Сережа проект сделает. Зарегистрируем его и будем работать.

— Почему? — спросил отец Пахомийц. — Нет, для себя-то я понимаю почему, но вам-то это зачем?

— Да потому, отче, что это наша земля, — сказал Ипатий. — Сами говорите — сны Господь не просто так посылает. В переселение душ я не верю, а во что верю — так это в то, что предки наши веками здесь жили и за эту землю стояли. И против татар, и против поляков, и в Великую Отечественную, как мой дед или Сережин прадед, к примеру.

— И мои деды, — кивнул Яков.

— А у меня прадед на Нарвском плацдарме погиб, — сказал Феодул. — А по отцовской линии дед на «катюше» всю войну прошел…

— А я что, рыжий? — сказал отец Пахомий. Все улыбнулись — не то чтобы батюшка был совсем уж рыжий, как апельсин, но рыжинка в волосах, усах и особенно в бороде была хорошо заметна. — В смысле, у меня вся родня мужского пола

с Северным флотом связана. Отец — подводник, дед тоже на К-21 служил…

— Нет в России семьи такой, где не памятен был свой герой, — сказал Ипатий. — Хорошо, что мы их помним. А плохо, что других забыли. Тех, кто полег в Первую мировую. Тех, кто защищал Порт-Артур и Севастополь. Кто освобождал Крым и Балканы. Кто прогнал французов и польских панов. Кто поломал хребет монгольского ига…

— Это почему это мы их не помним? — возмутился Яков.

— Церковь всех поминает, — поддержал его Пахом.

— Я думаю, — добавил Сергей, — что у каждого из нас есть то, за что мы отвечаем. Та земля, тот край, который в нашем ведении. Думаю, мы в ответе за это место. За эту часовню, за озеро, за безымянные могилы тех, кто жизни положил, но Родину защитил.

— Так что, — сказал Яков, — давайте решим так: сейчас закончим с делами, а вечерком соберемся у часовни — дом Сережиного деда там рядом — и решим, что надо делать. Согласны?

* * *

Иногда сны кажутся такими реальными…

Сергей лежал на кровати. Тихонько скрипнула дверь в комнату. Сергей приподнялся и увидел в дверях деда Сережу.

— Здравствуй, внучок, — сказал тот. — Рад, что ты вернулся. Вдвойне рад, что за правильное дело взялся.

— Прости, дедушка, — сказал Сергей.

— За что? — спросил дед Сережа.

— За то, что спорил с тобой, — ответил Сергей. — И что на похоронах не был.

— Что спорил, то ерунда, — сказал дед Сережа. — Дело молодое, сам таким был. А за похороны не переживай. У тебя была уважительная причина. Ты меня сейчас больше порадовал, когда в урочный час сюда приехал. Хочешь, покажу кое-что?

Сергей кивнул.

— Тогда идем со мной.

Они вышли из дома и встали на крыльце. Сергей увидел часовню, у которой светились лампадки. Увидел Святое озеро, расчищенное от тины и зарослей, с берегами, очищенными от мусора. На другом берегу была… еще одна часовня.

— А ты-то и не знал, что их было две? — улыбнулся дед. — Я, правда, тоже узнал не сразу. Вам с Ипатием надо ее найти. Там в подполе скрыто

огромное сокровище — то, что меня всю войну хранило. Икона Спаса. И там же список с иконы Богоматери. Спас для этой часовни, Богородица — для второй.

А Сергей смотрел, как все преобразилось. Он видел часовни, видел — за домами на том берегу — маковки Ипатьевского монастыря. Видел Волгу и заречье…

…и высокое звездное небо над всем этим. То небо, которое видело, как сжимал древко копья костромич Сергий. Прикрывая переправу от татар; как заряжал ручницу Феодула ополченец Сергий перед атакой поляков. Как воевал под Сталинградом и на Курской дуге Сергей-прадед.

Сегодня время мирное, но и в мирное время твоя земля нуждается в тебе. Возродить утерянное, почтить память предков — это тоже подвиг.

— Ты прав, — ответил его мыслям дед Сережа. — Скажу тебе больше: чем больше мы будем возрождать святынь, чем крепче чтить память предков — тем сильнее мы будем. Могучий дуб только тогда силен, когда опирается на крепкие корни. Наши корни — это наши традиции. Это те, кто был до нас. Когда-то мы сами станем корнями для тех, кто придет вслед за нами. Позаботься, чтобы тебе было что им передать.

Иллюстрации

На рисунки детей Донбасса невозможно смотреть равнодушно. Только чистое детское сердце может так соединить боль и надежду, страх и веру в победу.

Глядя на эти рисунки, ты содрогаешься от того, что видели глаза маленького художника, — такие испытания не всякому взрослому под силу вынести.

Глядя на рисунки, ты понимаешь, что мы обязательно победим. Ради детей, ради того, чтобы боль и страдания больше не ранили их светлые души. Чтобы у них был тот мир, о котором они мечтают.

Я считаю, что каждый должен видеть эти рисунки. Это самое правдивое свидетельство об этой войне. Это самый справедливый приговор развязавшим её нацистам Запада.

Ваш Олег Рой

«Берегиня. Молитва за Донбасс». Савелова Елизавета. «Луганский архитектурно-строительный колледж имени А.С. Шеремета»

«Флаг, за который мои предки воевали». Кательницкая Елена, 3-й курс, 2022, ЛНР

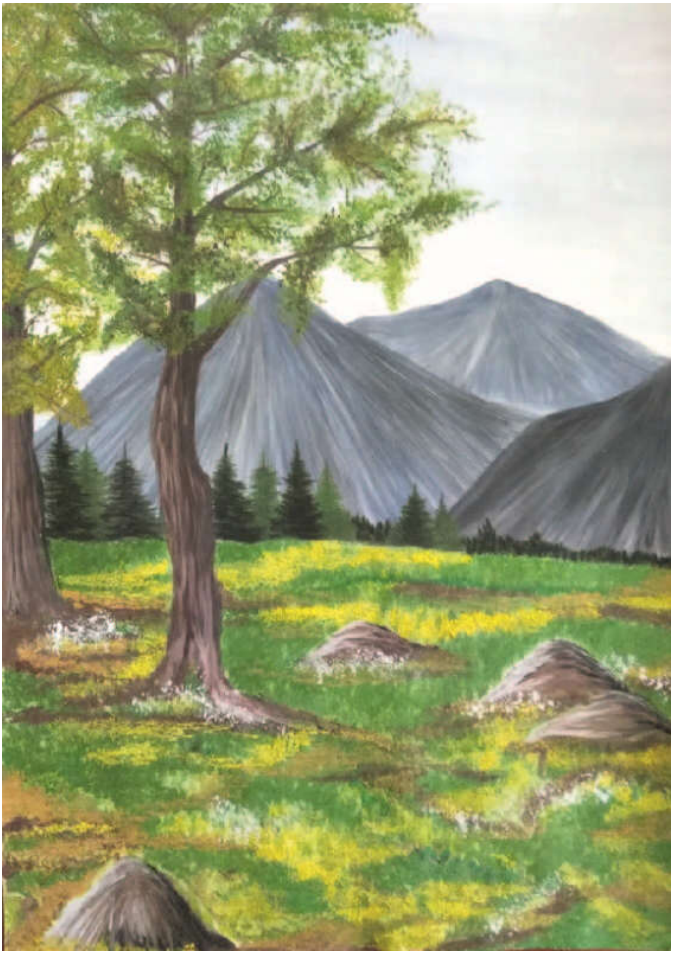
«Люди всей земли, будьте же детьми...». Квачахия Маргарита, 6-й кл., 2022, ЛНР

«Памятник воину-освободителю». Денисова Владислава, 7-й кл., 2022, ЛНР

«Родина у каждого своя». Сувенир. Семёнова Виктория, 5-й кл., ЛНР

«Мой шахтёрский край». Кондрукевич София, 1-й кл., ЛНР

«Сквозь года звенит Победа». Жерлицина Екатерина, 9-й кл., ЛНР



«Всему начало здесь, в краю моем родном...». Козачёк Каролина, 8-й кл., 2022, ЛНР

«На подворье у бабушки». Тарасенко Кирилл, 11-й кл., 2022, ЛНР

«Я и мой прадед». Петренко Валерия, 5-й кл., 2022, ЛНР

«Победа!». Плакат. Кипер Алексей, 4-й кл., 2022, ЛНР

«Гой ты, Русь моя родная...». Шалимова Анастасия, 8-й кл., ЛНР

«Многообразие красок Донбасской земли». Водяная Ангелина, 2-й кл., 2022, ЛНР

«Победы нашей подняли вы знамя». Голышева Наталья, 6-й кл., 2022, ЛНР

«Тоже хочу солдатом стать, Родину буду свою защищать!». Прокопенко Кира, 6-й кл., ЛНР

За Донбасс
и
за мать Россию!!!

«За Донбасс и за мать Россию». Науменко Карина, 9-й кл., 2022, ЛНР

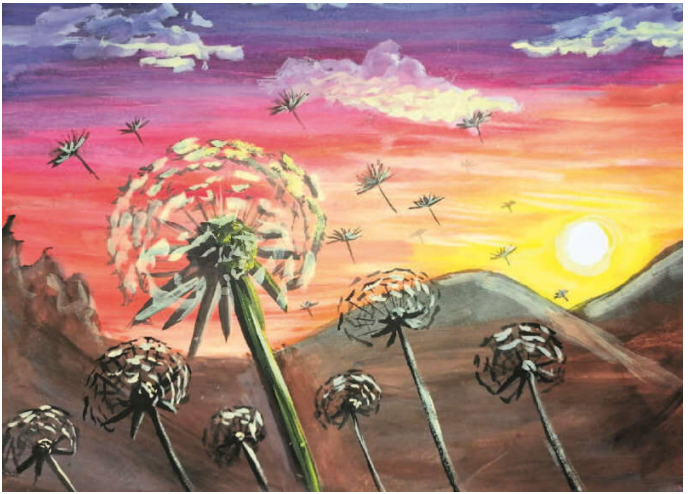
«За Родину». Степанова Анастасия, 10-й кл., 2022, ЛНР

«Природа родного края». Нечаев Артём, ЛНР

...А превратились в белых журавлей...

«А превратились в белых журавлей». Макогон Роман, 5-й кл.,2022, ЛНР

«Защитники Донбасса». Сергеева Валерия, 9-й кл., 2022, ЛНР



«Одуванчики в закате». Ткаченко Екатерина, 8-й кл., ЛНР

«Памяти героев». Хантиль Руслан, 6-й кл., 2022, ЛНР

«Во имя Родины». Коврова София, 11-й кл., 2022, ЛНР

«Ручей». Яцук Анастасия, 7-й кл., 2022, ЛНР

«Шахтер — воин Донбасса». Шаповалов Михаил, 4-й кл., ЛНР

«В путь». Якунина Полина, 2-й кл., ЛНР

«Богатыри земли Русской». Колупаев Александр, 5-й кл., ЛНР

„Кто с мечом к нам придет,
от меча и погибнет!"
А. Невский
RUS

«Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!». Плакат. Миссан Арсений, 8-й кл., ЛНР

Подведение итогов Международного конкурса «Гренадеры, вперед!» в Луганске. Региональный «Центр Ушакова» в Луганске

Награждение в Союзе писателей России победителей 18-го Международного конкурса «Гренадеры, вперед!» для детей и юношества. Ребят поздравляют Герои России, актеры, писатели… Михаил Ножкин, Екатерина Стриженова, Николай Гаврилов, Валерий Мельников, Валерий Хайрюзов… На сцене и ребята из Донбасса